

Иван Санков

**ИСКУШЕНИЕ
ВЕЛИЧИЕМ**

Иван Санков

Искушение величием

«Автор»

2025

Санков И.

Искушение величием / И. Санков — «Автор», 2025

ISBN 978-5-532-89161-6

Италия, конец XV - начало XVI века. Волшебный Ренессанс – время великих открытий и вместе с тем кровавых интриг. В ходе борьбы за престол Святого Петра новым Папой Римским становится амбициозный испанец Родриго Борджиа, ставший Александром VI – тем, кому предстоит вершить судьбы не только отдельных людей, но и целых государств. В погоне за величием своей семьи он вплетает в полотно политических интриг своих детей. Каждому из них суждено занять своё место в большой политической партии своего отца, даже если за это придётся заплатить высокую цену. Искушение величием слишком велико.

ISBN 978-5-532-89161-6

© Санков И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	9
ГЛАВА II	12
ГЛАВА III	15
ГЛАВА IV	18
ГЛАВА V	23
ГЛАВА VI	26
ГЛАВА VII	29
ГЛАВА VIII	32
ГЛАВА IX	36
ГЛАВА X	39
ГЛАВА XI	43
ГЛАВА XII	46
ГЛАВА XIII	49
ГЛАВА XIV	53
ГЛАВА XV	55
ГЛАВА XVI	58
ГЛАВА XVII	61
ГЛАВА XVIII	63
ГЛАВА XIX	70
ГЛАВА XX	74
ЧАСТЬ II	78
ГЛАВА II	82
ГЛАВА III	88
ГЛАВА IV	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Иван Санков

Искушение величием

ПРОЛОГ

Рим, август 1492 года.

Утреннее августовское солнце лучами разливалось по улицам Рима – некогда символа и столицы могущественной Римской империи. На улицах многолюдно и неспокойно, ведь в этот день решается судьба всего христианского мира. Уже на протяжении многих лет Рим является культурным и религиозным центром Европы, который возглавляет верховный понтифик, Папа Римский, избираемый коллегией кардиналов, которых на время конклава запирают в Сикстинской капелле. Трудно представить, что ещё больше века назад этот Вечный город, прозванный так в античности, больше походил на деревню, находившуюся в забытом Богом месте. Население Рима стремительно сокращалось, а величественные античные постройки уничтожались временем и местными жителями, которые разбирали город по камню для собственных нужд. Кроме того, на протяжении почти всего четырнадцатого столетия Священный престол находился вовсе не в Риме, а в Авиньоне, во Франции. Вскоре некоторые кардиналы активно выступали за возвращение престола Святого Петра в Рим, что привело к беспорядкам и расколу в католическом мире. Позднее это событие назовут Великим западным расколом, который продлился тридцать девять лет. В это тяжёлое время три служителя церкви объявляли себя истинными наместниками Господа на Земле. Ныне же Священный престол возвратился в Рим, а благодаря постоянно прибывающим людям со всей Европы, жизнь в городе вновь была ключом. Стекающиеся в Рим художники, скульпторы, философы и учёные занимались не только развитием своих идей, но и изучением архитектурных памятников минувших веков, застывших призраками среди множества величественных церквей, торговых лавок, широких площадей, грязных трущоб и роскошных дворцов римской знати.

В общем, Рим переживал второе рождение, заиграв новыми красками и став одним из самых оживлённых городов эпохи Возрождения, однако за этой необычайно привлекательной ширмой скрывалась порочная сущность Вечного города. Несмотря на то, что Ватикан, как и сам Рим, был центром католической веры, в действительности он являлся не столько средоточием христианства, сколько непомерной роскоши. Являясь слугами Господа, кардиналы, или как их ещё называли – князья церкви – жили необычайно богато, попирая принесённые ими клятвы, которые составляли суть жизни священников. Кроме того, римское население было очень разношёрстным и далеко не всегда приветливым. На ступенях базилик, в трущобах – повсюду на улицах Рима можно было увидеть бедняка, просящего милостыню. Многочисленные бордели окружали куртизанки, сладко зазывавшие прохожих мужчин. Но наибольшую опасность для любого римлянина и особенно гостей, прибывших в город, представляли воришки, орудовавшие как днём, так и ночью. В тёмное время суток город словно вымирал. Никто не решался показаться на улице ночью, опасаясь столкнуться с грабителями, которые могут отнять в лучшем случае кошелёк, в худшем – жизнь. В общем, жизнь в Риме была крайне возбуждённой.

Однако сегодня город бурлил сильнее обычного, ведь конклав, на котором заседала Священная коллегия кардиналов, затягивался. Утирая пот из-за непрекращающейся жары, князья церкви несколько дней не могли избрать нового наместника Бога на Земле, а народ всё прибывал и прибывал на площадь Святого Петра, обратив свой взор на возвышавшуюся над крышей Сикстинской капеллы печную трубу. Люди толпились у стен базилики Святого Петра по

несколько часов, а окружившие Ватикан солдаты с алебардами наперевес внимательно следили за порядком. Внезапно толпа оживилась, указывая в направлении Сикстинской капеллы. Из печной трубы начали подниматься клубы белого дыма – это был долгожданный знак, новый Папа наконец-то избран. Рим утонул в колокольном звоне. Спустя несколько минут к людям вышел кардинал Франческо Пикколомини и объявил:

– Свершилось, Папа избран! Достойный занять этот пост – Родриго Борджиа, избравший себе имя Александр!

После этих слов к людям вышел высокий крупного телосложения человек с выразительными чертами лица, чуть полными губами, с которых не сходила улыбка, немного орлиным носом и сильным подбородком. Несмотря на то, что ему уже шёл шестьдесят первый год, он по-прежнему был хорош собой. Это был испанец по происхождению Родриго Борджиа, ново-испечённый Папа – Александр VI, облачённый в роскошное белое архипастырское одеяние, а Его голову венчала высокая тройная тиара. Толпа взорвалась оглушительными криками:

– Да здравствует Папа!

– Да здравствует Борджиа!

Сердце Александра VI колотилось как сумасшедшее, а в голове вырисовывались картины минувших лет. Окинув взглядом толпу, он не верил, что это с ним происходит. С самого детства испанец Родриго Борджиа знал, что свяжет свою жизнь со служением Господу. В этом ему помог его дядя, ныне покойный понтифик Каликст III, первый Папа из рода Борджиа. В 1456 году, спустя год, как Священный престол занял Каликст III, Родриго Борджиа был рукоположён в сан кардинала. На следующий год он был повышен до звания вице-канцлера Римско-католической церкви, второго по значимости человека после Папы. Родриго Борджиа занимал этот пост при пяти понтификах, заслужив репутацию одарённого, весьма грамотного и находчивого человека, что определённо доказывало его ценность в римской курии. Однако в Италии он оставался чужаком, испанцем, к которым многие в Риме питали далеко не тёплые чувства, но Родриго Борджиа сумел выстоять, и даже укрепив своё могущество и благосостояние, и спустя тридцать шесть лет добиться высшей степени власти. И вот уже Александр VI давал своё первое благословение «Городу и миру».

Среди ликующей толпы затерялся один человек, испытывавший намного большую радость за Родриго Борджиа, нежели остальные собравшиеся. То был один из сыновей Александра VI, шестнадцатилетний Хуан Борджиа, хотя каштановая ухоженная борода делала его намного старше. Тёплый ветер играл его тёмными слегка волнистыми локонами, а под тёмно-зелёным дублетом скрывалось крепкое тело. Конечно, Папам, равно как и кардиналам, строго запрещалось обетом безбрачия иметь детей. Однако соблюдался он лишь на словах. Кардиналы не только посещали куртизанок, но и охотно содержали своих любовниц. Предшественник Александра VI, Иннокентий VIII, имел сына, и это только один пример.

Простояв ещё минуту, Хуан Борджиа с трудом пробрался через густую толпу, направившись на улицу Монте-Джордано, во дворец семьи Орсини, где он вместе со своим младшим братом Джоффри и сестрой Лукрецией жили на попечении Адрианы де Мила, кузины Александра VI. При этом его отпрыски тепло общались со своей матерью, Ванноццей деи Каттанеи, но не столь часто.

Пока Рим, затаив дыхание, ждал избрания Папы, во дворце Орсини, сидя перед зеркалом в своих покоях, двенадцатилетняя Лукреция смиренно ожидала, когда её длинные белокурые и мягкие, словно шёлк, локоны, ниспадающие вдоль спины, расчесет молодая служанка. В отражении зеркала, Лукреция видела, как Адриана де Мила мерила комнату шагами, ожидая завершения процедуры утреннего туалета своей племянницы.

– Тётя Адриана, как вы думаете, мой отец станет Папой? – внезапно спросила Лукреция.

Адриана де Мила повернулась к ней, взглянув на свою воспитанницу через зеркало. Адриана видела, как серые глаза Лукреции искрятся любопытством.

– Зависит от того, сколько Родриго наберёт голосов, – ответила Адриана де Мила. – Для избрания необходимо набрать две трети голосов или сверх того. Но не только твой отец желает стать понтификом. Есть и другие охотники за тройной тиарой. Родриго составляют конкуренцию опасные соперники, в особенности кардиналы Асканио Сфорца, и Джулиано делла Ровере. К слову, последний не желает, чтобы твой отец стал Папой сильнее остальных, а посему приложит все усилия, чтобы Родриго не взошёл на престол Святого Петра.

– Почему?

– Он ненавидит Борджиа сильнее, чем Сфорца. Уж не знаю, что произошло между Родриго и Джулиано, но ни один из них не уступит друг другу место на троне Святого Петра.

– Тогда я буду молиться, чтобы моего отца избрали следующим понтификом, – твёрдо заявила Лукреция. – Уверена, Господь услышит меня.

В этот момент раздался колокольный звон, постепенно разносившийся по всему городу. Лукреция и Адриана де Мила повернулись к окну. Девочка резко вскочила со стула, подбежала к окну и распахнула его. Опёршись ладонями в подоконник, Лукреция пристально смотрела в сторону Ватикана. Она чувствовала, как биение её сердца участилось, как ей хотелось, чтобы её мольбы были услышаны. Оторвав свой взгляд с видневшегося вдали Ватикана, Лукреция подняла глаза на ярко-голубое небо, которое было в тон её сегодняшнему бирюзовому платью. Мысленно она просила только одного, чтобы её мольбы помогли отцу.

Через несколько минут Лукреция, окончив утренние процедуры, уже о чём-то беседовала со своим десятилетним братом ДжофFRE, самым младшим из детей Родриго Борджиа. Поначалу тот не признавал ДжофFRE своим сыном, но Ванноцца убедила его в обратном. В конце концов, кардинал Борджиа сдался, признав ДжофFRE своим сыном, но отношения Ванноццы и Родриго к тому моменту окончательно сошли на нет. Кардинал Борджиа свёл бывшую любовницу с Джорджио делла Кроче, служившим личным секретарём Папы Сикста IV. У них родился сын, Оттавиано, который вскоре умер. В 1486 году Джорджио делла Кроче тоже скончался, и тогда же Ванноцца вышла замуж за итальянца по имени Карло Канале.

Лукреция и ДжофFRE услышали приближавшиеся шаги в коридоре. Дверь в комнату отворилась, и вошёл Хуан. Обняв сестру и взъерошив рыжеватые волосы младшего брата, он загадочно улыбнулся.

– У меня потрясающие новости, – сказал Хуан, заглянув в глаза Лукреции и ДжофFRE. – Наш отец избран новым Папой!

В отличие от Лукреции, ДжофFRE отреагировал сдержанно. Он ещё толком не понимал всех хитросплетений политической подоплёки и интриг, творившихся за стенами Сикстинской капеллы. Осознав сказанное Хуаном, Лукреция подпрыгнула с дивана, захлопав в ладоши. Её звонкий смех был столь громким, что в комнату вошла Адриана де Мила, желая узнать, что так развеселило Лукрецию.

– Тётя Адриана, Господь услышал мои мольбы! – широко улыбаясь, радостно воскликнула Лукреция. – Наш отец избран Папой!

Глаза Адрианы округлились от удивления.

– Не может быть.

Хотя, по правде говоря, её это удивило лишь отчасти. Адриана давно знала Родриго, знала его изощрённый ум, таланты и недюжинное честолюбие, сделавшее его одним из самых богатых кардиналов. Для Родриго Борджиа не существовало тех препятствий, которые не позволили бы ему добиться поставленной цели, но разве что кроме одного – собственной смерти.

Солнце медленно клонилось к горизонту, близился вечер. Рыночные площади города Пизы не спеша пустели, а торговцы закрывали свои лавки, убирая товар. Стоящий на реке Арно город славился не только своей падающей башней, но и университетом, в садах которого в одиночестве, заложив руки за спину, прогуливался статный, высокий, хорошо сложенный, человек с тёмно-каштановыми локонами, слегка касавшимися его плеч, прямым носом и гладко выбритым лицом. Он был довольно привлекательным молодым человеком, что подмечали безоговорочно все. На вид ему было семнадцать лет. Человек был одет в тёмную мантию, напоминавшую скорее монашескую рясу. Это был последний по количеству, но один из первых, сыновей Александра VI, Чезаре Борджиа, довершавший своё обучение в университете Пизы. В его стенах Чезаре постигал тонкости таких наук как каноническое право, теологию, философию и ораторское мастерство, которое пригодится ему в дальнейшем. Но больше всего его интересовала военная история и стратегия, коим он уделял всё свободное время. Чезаре славился незаурядным умом, и как студент был на хорошем счету, преподаватели всегда выделяли его на фоне остальных, называя «надеждой своей семьи».

Внезапно Чезаре услышал, как его кто-то окликнул.

– Чезаре! Чезаре!

Он обернулся и увидел бежавшего к нему своего друга Микелотто Корелла. Он был одет так же, как Чезаре, но ростом немного уступал ему. На худом скуластом, грубоватом лице виднелась лёгкая, слабо растущая щетина, особенно на щеках. А чёрные волосы едва закрывали тонкие уши.

– В чём дело, Микелотто? – поинтересовался Чезаре.

– Письмо из Рима – отдышавшись, сказал Микелотто, и протянул Чезаре конверт.

Юноша, подгоняемый любопытством, мигом вырвал письмо из рук Микелотто, быстро достав его из конверта. От прочитанного текста Чезаре всё сильнее и сильнее менялся в лице. Оно медленно озарялось улыбкой, которая становилась всё шире, а брови поползли вверх. Микелетто заметил, как руки Чезаре всё сильнее и сильнее впивались в бумагу, сминая её. Наконец он окончил чтение и, оторвав глаза от письма, посмотрел вдаль.

– Мой отец стал новым понтификом, – чуть слышно произнёс Чезаре.

Казалось, он позабыл всё на свете и весь привычный мир для него перевернулся с ног на голову. Чезаре вдруг осознал, что в его жизни начинается новая глава, в разы насыщеннее и увлекательнее. Он залился смехом, прокричав во всё горло:

– Да здравствуют Борджиа!

Казалось, что каждый житель Пизы услышал этот ликующий крик, уносимый ввысь под слегка позолочённые закатными отблесками солнца, облака.

ЧАСТЬ I
РАСЦВЕТ ДИНАСТИИ
ГЛАВА I
ДА ЗДРАВСТВУЕТ БОРДЖИА!
Рим, сентябрь 1492 года.

Яркое солнце стояло в зените, золотя своими лучами крыши Рима. Около городских ворот верхом на коне восседал Хуан Борджиа, всматриваясь вдаль. По-видимому, он кого-то ожидал. Вскоре на горизонте появился всадник, стремительно приближавшийся к городу, оставляя позади себя облако дорожной пыли. Подъехав к воротам, он осадил резвого скакуна, заставив его перейти на спокойный шаг. Выехав на Пьяцца-дель-Пополо, наездник увидел Хуана Борджиа, направляющегося ему навстречу. Оба обменялись радостными улыбками и тёплыми приветствиями. Таинственным гостем, только что проехавшим через северные ворота города, был Чезаре Борджиа, сменившим студенческую мантию, на простой дорожный костюм. Окончив обучение в университете Пизы, он как можно скорее мчался в Рим. Ему не терпелось увидеть свою семью, по которой он так скучал.

Братья медленно тронулись к Ватикану, вынуждая идущих навстречу прохожих, расступаться в стороны, а Чезаре с любопытством осматривался по сторонам. В глаза бросались те же лабиринты узких улиц, половина из которых была покрыта не камнем, а аккуратно засыпана песком, что в непогоду доставляло римлянам немало трудностей. До слуха Хуана и Чезаре долетели отголоски игривого смеха. В одном из сквозных переулков, они заметили, трёх куртизанок, которые слегка приподнимали подола своих весьма нескромных платьев, подраживая проходящих мимо мужчин.

– За время моего отсутствия Рим несколько не изменился, – внезапно сказал Чезаре.

– Чего не скажешь о Ватикане, – ответил Хуан. – Поверь, грядут большие перемены. Не только для церкви, но и для Рима, для всего христианского мира.

В этот момент уличные лабиринты расступились перед братьями Борджиа, словно портьеры, скрывавшие за собой Пьяцца-делла-Ротонда. Взору Чезаре и Хуана открылся Пантеон – один из архитектурных символов Древнего Рима, «Храм всех Богов», построенный из кирпича. Пантеон совмещал в себе прямоугольную и круглую формы строения, украшенного шестнадцатью колоннами на входе, и венчанного массивным куполом. Чуть поодаль, стоя на небольшом помосте, громко и чётко о чём-то извещал граждан глашатай. Пока Хуан заигрывал с проходящей мимо симпатичной дамой, Чезаре прислушался к речам глашатая.

– Славные жители Рима, Его Святейшество, Папа Александр сообщает о том, что каждый четверг он будет принимать просителей, чьи споры или жалобы не были урегулированы простым судом. Кроме того, по воле Папы с завтрашнего дня в силу вступает указ об учреждении должностей тюремных инспекторов и комиссаров, в чьи обязанности входит охрана спокойствия на улицах города.

– Смотрю, отец уже принялся за работу, – заметил Чезаре.

– Это лишь малая часть того, что нам предстоит сделать, – отвернувшись от девицы, ответил Хуан. – Отец намерен основательно преобразовать Рим. Во-первых, покончить с бандитскими группировками, держащими в страхе народ. Они настолько почувствовали свою безнаказанность, что совсем забыли об осторожности. Кроме того, необходимо избавиться от продажных судей, заменив их на тех, для кого глас закона звонче звука монет. В общем, работы достаточно.

Покинув Пьяцца-делла-Ротонда, всадники вновь углубились в лабиринты улиц.

– А что Лукреция и Джоффри?

– Отец перевёз их в Ватикан. Отныне они живут во дворце Санта-Мария-ин-Портико, неподалёку от Ватикана.

Перевёз Александр VI поближе к себе и свою новую любовницу Джулию Фарнезе, невестку Адрианы де Мила. Еще будучи кардиналом, Родриго Борджиа часто бывал во дворце Орсини, где на тот момент жили его дети, там же жила и Джулия, которая считалась одной из самых красивых девушек Рима, за что её называли «La Bella»¹. Разумеется, Родриго, падкий на женщин, не мог устоять перед пленительной красотой Джулии. Он стал бывать во дворце Орсини чаще обычного, желая увидеть Джулию. Так продолжалось до тех пор, пока Родриго не решил сменить любовницу. Он расстался с Ванноццей деи Каттанеи, сохранив с ней тёплые дружеские отношения. Несмотря на то, что Джулия была женой сына Адрианы Орсо Орсини, догадавшись, что Родриго влюбился в юную девушку, её свекровь не препятствовала намерениям кардинала Борджиа, полагая, что сумеет тем самым обеспечить некоторые привилегии сыну. Да и сама Джулия не противилась воле Родриго. Он по-прежнему выглядел вполне привлекательно для своего возраста, умел повеселить и поддержать разговор. Джулии определённо нравилось внимание кардинала Борджиа. Быть может, она действительно прониклась к нему искренней любовью? А может всему виной холодный расчёт. Памятуя о том, что через любовную связь с Родриго Ванноцца обеспечила себе достойное положение, Джулия сообразила, что став любовницей кардинала, сумеет обеспечить благополучие собственной семьи. Что же до Ванноццы, то Родриго Борджиа помог ей стать состоятельной женщиной, владевшей несколькими постоянными дворами, а её последующие два брака были устроены самим кардиналом Борджиа.

Вскоре Чезаре и Хуан добрались до района Борго, в котором и располагался Ватикан. Помимо этого, в Борго было множество дворцов, многие из которых принадлежали кардиналам, а также пристанища для паломников со всего мира. Этот район был намного ухоженнее и чище, в сравнении с остальными, а дороги были выложены брусчаткой. Добравшись до Апостольского дворца, папской резиденции, Чезаре и Хуан спешили, предоставив лошадей заботам конюхов. Не дойдя несколько шагов до лестницы, ведущей во дворец, Чезаре остановился.

– Постой, – сказал он.

– В чём дело? – в недоумении поинтересовался Хуан.

– Прежде чем идти к отцу, я хочу увидеться с Лукрецией.

– Конечно, иди к ней, а я подожду тебя у отца, заодно сообщу о твоём прибытии.

Хуан направился в папский дворец, а Чезаре повернул в противоположную сторону. Добравшись до дворца Санто-Мария-ин-Портико, Чезаре спешил, отдал лошадь подбежавшему молодому конюху и вошёл в просторный зал. Слуга проводил его по мраморной лестнице на верхний этаж, пройдя по длинной, ярко освещённой солнцем, анфиладе роскошных залов, Чезаре услышал, как из самой дальней двери доносится звонкий смех. Он сразу узнал голос сестры, который не мог спутать ни с чьим другим. Войдя в комнату, он увидел Лукрецию, сидевшую на диване оливково цвета. Рядом сидела Джулия Фарнезе, ни чем не уступавшая Лукреции в красоте. Круглолицая, такие же золотистые волосы, тёмные, как ночь, глаза, и такая же обаятельная улыбка. Джулия встала, поприветствовав Чезаре.

Увидев брата, Лукреция не сразу одумалась, но после резко вскочила с дивана, помчавшись к нему, будто на крыльях, прижалась к нему с такой силой, что чуть не повалила Чезаре на пол. Оказавшись в крепких объятиях сестры, Чезаре казалось, что она его задушит в порыве радости.

– Я так скучала по тебе, – сказала, наконец, Лукреция.

¹ Красавица (итал.)

– Я тоже рад тебя видеть, дорогая сестра, – с улыбкой сказал Чезаре. – Я смотрю, ты сменила обстановку?

– Стараниями нашего отца, – отпрянув от брата, игриво ответила Лукреция. – Я усердно молилась, чтобы он стал следующим Папой, и мои мольбы были услышаны. Но расскажи, как ты?

– Что можно рассказать об учёбе в университете? – усмехнулся Чезаре. – Про ежедневные дискуссии о теологии, оттачивание ораторского мастерства и красноречия? Я так долго ждал того дня, когда смогу вернуться в Рим, и вот этот день настал.

При последней фразе Чезаре подхватил Лукрецию за талию как пушинку и закружил в воздухе, пока та заливалась смехом, обнажая белые, подобно снегу, зубы. Через мгновение Лукреция вновь почувствовала под ногами твёрдый пол, устланный ковром.

– Теперь ты, наконец, волен делать, что пожелаешь? – поинтересовалась Лукреция, продолжая улыбаться.

– Не совсем, – тут же помрачнел Чезаре. – Когда ещё в прошлом году отец убедил Папу Иннокентия назначить меня на должность администратора епископства Памплоны, я начал догадываться, к чему всё идёт. Вероятно, отец желает сделать меня кардиналом.

– Разве ты не рад этому? Тётя Адриана говорит, что даже сан далеко не всегда сдерживает желания князей церкви.

Чезаре пристально посмотрел на Лукрецию, после чего снова усмехнулся, потупив взор.

– Это так, но меня интересуют несколько иные цели. Я не создан для духовного сана.

– А мне кажется, ты делаешь поспешные выводы. Во всяком случае, одно мне известно точно – ты станешь самым красивым кардиналом.

Лукреция снова засмеялась, подбодрив Чезаре. Его тонкие губы тронула лёгкая улыбка. Он знал, Лукреция всегда отыщет способ сгладить острые углы и прогнать любые мрачные мысли.

После тёплой встречи с сестрой Чезаре поспешил в папский дворец. Он отыскал Александра VI в его кабинете, где уже находился Хуан, сидя в кресле. Увидев Чезаре, Папа встал из-за стола, заваленного бумагами, и подошёл к сыну, обняв его. Александр VI сменил массивное парадное папское облачение на простую длинную белую сутану. Положив руку на плечо Чезаре, Папа подвёл его ближе к столу, а Хуан поднялся с кресла.

– Итак, – начал Александр VI, – теперь, когда вся наша семья в Риме, мы можем приступить к работе.

Чезаре и Хуан старались не пропускать не единого слова отца.

– Заполучить папскую тиару было крайне трудно, но мы добились этого, – продолжал Папа. – Кроме наведения порядка в Риме, мы должны сосредоточить все силы на укреплении нашей семьи. Каждый из вас займёт свою нишу, трудясь на благо нашего рода. Наступает наша эра, эра Борджиа.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ УДАРЫ

Рим, сентябрь 1492 года.

Взойдя на престол Святого Петра, Александр VI действительно положил начало преобразованию Рима. Большинство членов бандитских группировок были схвачены и вскорости казнены, отчего численность банд в городе серьёзно сократилась, а продажные судьи лишились своих постов. Ко всему прочему, Папа велел начать масштабные работы по прокладке новой широкой улицы, ведущей к Ватикану. В общем, работа в Риме велась полным ходом.

Днём Александр VI направился в ту часть папского дворца, где велись ремонтные работы по переустройству некоторых залов, дабы оценить ход трудов рабочих. Папа задумал переоборудовать некоторые помещения дворца под свои покои. Понтифик был вполне доволен работой мастеров и уже сообщил Бернардино Пинтуриккьо о том, что именно ему выпала честь заняться росписью папских апартаментов. Однако Александр VI не забыл о своей первоначальной цели – укрепление власти Борджиа. Для этого Папа вознамерился вплести своих детей в полотно политической жизни Италии. Но судьбы Лукреции, Хуана и Джоффри были по-прежнему окутаны туманом из-за неясной политической обстановки. С Чезаре было всё иначе. Его судьба, распланированная Александром VI на годы вперёд, не зависела от направления политического флюгера. Папа знал, что направит Чезаре по той же дороге, по которой некогда прошёл сам, а потому через несколько недель после своего избрания облачил его в пурпурное одеяние, назначив архиепископом Валенсии, коим прежде являлся сам. Решив, что Чезаре готов узнать о своей дальнейшей судьбе, Александр VI не стал затягивать. Папа направил к сыну своего давнего друга, верного советника и по совместительству личного секретаря Франческо Гасета, с которым они сдружились ещё в Испании. Тот сообщил Чезаре, что понтифик желает его видеть. Чезаре был неглупым человеком, а потому догадывался, о чём пойдёт разговор, которого он так хотел избежать.

Он вошёл в кабинет Александра VI, не проронив ни слова.

– Чезаре, – начал Александр VI – входи. Мне необходимо поговорить с тобой. Думаю, ты готов к тому, чтобы узнать своё будущее. Теперь оно лежит как на ладони, а стало быть, держать его в секрете до лучших времён бессмысленно. В следующем году я планирую расширить Священную коллегия, в которую войдёшь и ты, приняв сан кардинала.

В тот же миг лицо Чезаре помрачнело. Все его догадки полностью подтвердились.

– Но отец, я совершенно не гожусь для этой должности, – зашёл издали Чезаре.

– Вздор! – бросил Александр VI. – Твоих способностей более чем достаточно, чтобы вжиться в роль князя церкви.

Чезаре понял, что не имеет смысла ходить вокруг да около. Он решил сказать прямо, в надежде достучаться до отца.

– Но у меня нет желания связывать свою жизнь с духовным саном. Для меня это станет настоящей пыткой.

Правая бровь Александра VI поднялась вверх. Он никак не ожидал такого ответа от сына, сдержавшегося во время рукоположения в сан архиепископа.

– Чезаре, ты меня удивляешь, – возмущённо сказал Александр VI. – Как ты можешь не ценить того, что имеешь, отвергая столь ценный дар судьбы? Кардинальская мантия – предел мечтаний для многих. Вылезая из кожи вон, далеко не все достигают этого звания, а ты, мой сын, отказываешься от него? Ты знаешь, что Джулия каждый день пытается уговорить меня сделать её брата Алессандро кардиналом?

– Исполни его мечту. Из Алессандро выйдет кардинал получше меня. Может для него это и предел мечтаний, но не для меня.

– Нет, Чезаре, в первую очередь в облачении кардинала мне нужен ты.

– Неужели ты хочешь заточить меня в этих стенах, как в клетке? – Возмущение Чезаре нарастало. – С какой целью?

– Успокойся, – сурово осадил Александр VI сына. – Во-первых, это не заточение. Во-вторых, ты не осознаёшь, что даёт тебе сан кардинала. Оглядишься, в этих стенах вершится судьба не только Рима, но и всего христианского мира. Неужели ты не осознаёшь, всю мощь этой власти?

– Ну и что из того?

– А то, что в будущем ты станешь моим преемником, Чезаре. Я хочу, чтобы после моей смерти следующим Папой стал именно ты. Поэтому тебе грех думать, что ты обделён, получая сан кардинала.

Многие бы на месте Чезаре упали без чувств, услышав эти слова. Стать Папой, значит стать хозяином мира, в сравнение с которым не идут ни короли, ни герцоги, ни императоры. Но Чезаре был не таким. Его не манила ни папская тиара, ни та власть, которой она наделяла своего носителя. Чезаре интересовала нечто иное, но намного приземлённое и желанное – положение воина, полководца, и повелителя, но мирского.

– Но меня вовсе не прельщает власть, дарованная понтифику, – продолжал упорствовать Чезаре.

– Вот как? – повысил голос Александр VI. – А ты подумал о нуждах семьи? Я бы отдал всё, только бы обеспечить наше благополучие, но мне не под силу сделать это, если нас не будут окружать верные сторонники. Ты не желаешь быть кардиналом, тогда назови мне имя того, кто должен занять твоё место из нашей семьи. Джоффри слишком юн, а Хуан думает только о женщинах и выпивке. Так на кого же мне положиться, когда в Коллегию кардиналов входят те, кто грезят о моём низложении, и ко всему прочему даже мои собственные дети выступают против меня? Запомни, Чезаре, мы все жертвуем чем-то во имя семьи, пришло время и тебе поступиться некоторыми желаниями ради процветания нашего рода, который дал тебе всё, что ты имеешь. Поэтому ты станешь кардиналом, вопреки всему.

Неожиданно в дверях появился высокий, не слишком худой, почти лысый человек примерно пятидесяти лет в чёрной сутане. О его уже немолодом возрасте говорило овальное лицо, изрезанное неглубокими морщинами. Это был Франческо Гасет. Александр VI мгновенно перевёл взгляд с Чезаре на него.

– В чём дело Гасет? – спросил Папа.

– Ваше Святейшество, у меня важные новости, – отозвался тот.

– Разговор окончен, Чезаре, – сказал Александр VI, повернувшись к сыну. – Ты можешь идти.

Чезаре хотел возразить, но суровый взгляд отца с нахмуренными бровями охладил его пыл. Он понял, что все его попытки переубедить Папу обречены на провал. С удручённым видом Чезаре покинул кабинет Александра VI.

А в это время Франческо Гасет докладывал Александру VI последние новости.

– Ваше Святейшество, – начал Гасет, – похоже кардинал делла Ровере начал первый акт своей мести. При его посредничестве Франческетто Чибо, сын Папы Иннокентия, продал две области – Черветри и Ангвиллару, которые получил от отца.

– И кто покупатель?

– Вирджинио Орсини.

– Стало быть от простых обвинений в симонии делла Ровере перешёл к более существенным методам портить мне жизнь? Напиши от моего имени письмо в Браччано синьору Орсини. Передай ему следующее: как Папа, мы не можем допустить отчуждения церковных земель.

Незаконнорождённый сын покойного понтифика не имел права продавать церковные земли. Посему мы объявляем купчую недействительной. Нутром чувствую, что делла Ровере мне принесёт ещё немало хлопот.

Чезаре был недоволен решением отца. В его душе бушевал ураган, который он не мог унять. Сан кардинала для юного Борджиа был равен заточению в каземат замка Святого Ангела. Однако слова Александра VI назойливо звучали эхом в голове Чезаре. Встряхнув головой, он поспешил в сад Ватикана. Ему, Чезаре, нужен был свежий воздух, чтобы собраться с мыслями. Выйдя на улицу, он прошёл вглубь сада по аллее, огороженной зелёной изгородью аккуратно подстриженных кустов квадратной формы, остроконечных, вздымавшихся к небу, кисточек кипариса. Найдя тенистое место под раскидистой кроной кедра, Чезаре сел на мраморную белую скамью, смотря куда-то вдаль. Удивительно, но спустя несколько минут Чезаре начал замечать, как разъярённая буря в его душе затихает. Он слышал, как где-то справа от него журчал небольшой фонтанчик, в небе щебетали птицы, а нос улавливал медовую смесь ароматов роз, пионов и прочих цветов, растущих в ватиканском саду. Вокруг царила умиротворяющая тишина, словно Чезаре был один на земле. Здесь можно было побыть наедине с собой, укрывшись от городской суеты.

Внезапно эту тишину вновь нарушили слова Александра VI, которые не выходили из головы Чезаре. Бродя по тернистым тропам своих мыслей, он тщательно обдумывал слова отца. Несомненно, Чезаре понимал, что сан кардинала – это ступень к папской тиаре, но его сущность всеми силами сопротивлялось, пытаясь не позволить, Чезаре стать тем, кем он не являлся. Но чем дальше он уходил вглубь своих размышлений, тем яснее мысленно соглашался с Александром VI. Он был прав. Священная коллегия не состояла из верных союзников Борджиа, а если таковые и были, то явно меньшинство. Многие кардиналы грезили о низложении Александра VI. Кто как не его собственные дети поддержат Его, дав отпор недругам их семьи? Чезаре осознал, что, захлестнувшая его с головой, волна гнева накрыла здравый смысл. Из троих сыновей Александра VI разумнее всего было назначить кардиналом именно Чезаре. О Джоффри и речи быть не могло, его возраст, мягкий характер и совершенная атрофированность такого необходимого качества, как хитрость, не позволяли ему принять сан кардинала, да и для него Папа начал измышлять иную комбинацию. Хуан хоть и был довольно смышлённым, но больше отдавал предпочтение плотским утехам и разносортным дамам. Какой из него кардинал и тем более Папа? Чезаре знал, что в отличие от него, Хуан обделён острым умом, харизмой и комплексными методами решения любой проблемы. Хуан с трудом усваивал какие-либо знания, и Александр VI понял, что кардинала из него не выйдет. Поэтому способности Чезаре сами подсказали Папе, по какой стезе нужно провести сына. Единственное, что слегка подбадривало Чезаре – состояние, которым владели кардиналы, а значит вскоре и он обзаведётся несметным богатством, открывающим любые двери.

ГЛАВА III

ОТГОЛОСКИ СКОРОЙ ВОЙНЫ

Рим, декабрь 1492 года.

Спустя два месяца пришла зима. Лёгкий снег посыпал Рим, словно сахарной пудрой, постепенно надевая на крыши домов пушистые шапки. Горожане кутались в тёплые шарфы и плотную одежду, топили свои головы между плечами, едва почувствовав дуновение холодного ветра да мороза, подобно голодному зверю, кусавшему щёки, окрашивая их в алый цвет, а дети резвились, играя в снежки, заливаясь радостным смехом. Может серая палитра, в которую был окрашен Рим, не очень располагала к прогулкам, но находились и те, кому ни снег, ни мороз не могли помешать покинуть тёплые и уютные дома, чтобы засесть в таверне и за стаканом вина послушать последние новости, узнать, что же происходит за пределами города. На самом деле тем для обсуждений было немало: начавшееся ещё в начале августа путешествие Христофора Колумба, изгнание евреев из Испании и прочее, прочее, прочее. Однако обсуждение сводилось к единственной животрепещущей теме – приближающейся войне. Обсуждали многое, но в итоге приходили к одной и той же, более животрепещущей теме. Северный ветер доносил из Милана раскаты назревавшей войны против Неаполя. Миланский правитель Лодовико Сфорца по прозвищу Моро из-за смуглого цвета кожи вознамерился прибрать Неаполитанское королевство к рукам. Что на самом деле было не в новинку для Италии времён Ренессанса. Местные синьоры то и дело воевали друг с другом, потом заключали мир и снова воевали. Дело в том, что как такового государства Италии в те времена не существовало. Апеннинский полуостров был раздроблен на множество независимых графств, герцогств и королевств, называемая Италией условно. Правители этих городов-государств погрязли в междоусобных войнах, желая оторвать у соседа часть земли, всё больше и больше омывая Италию кровью. Лодовико Моро был одним из таких синьоров. Будучи регентом при своём племяннике Джане Галеаццо, он пожелал властвовать над Миланом самостоятельно. Отстранив юношу и его мать от власти, Лодовико заточил их в крепость Павию. Лодовико Моро думал, что устранил основную помеху, но просчитался. Джан был женат на Изабелле Арагонской, дочери герцога Калабрийского, сына короля Неаполя Ферранте. Когда она родила ребёнка, то слала письмо за письмом в Неаполь, умоляя короля защитить права её сына на миланский престол. Разумеется, Лодовико Моро не мог допустить этого, и Ферранте, желая утвердить права своего правнука, начал готовиться к войне. Лодовико Моро знал, что Неаполь опасный противник, так как королевство являлось самым большим в Италии, а значит, Милану требовались союзники, поиском которых Моро и занялся.

Собрав все эти, несомненно, ценные новости, Франческо Гасет помчался к Александру VI, доложив обо всём.

– Несомненно, и Милан, и Неаполь будут бороться за моё благоволение, – заявил Папа. – Чтобы достичь Неаполя Лодовико потребует моё дозволение пройти через Папскую область, чему Ферранте попытается воспрепятствовать, пытаясь заручиться поддержкой Ватикана.

– Верно, сын Ферранте, Фредерик д'Альтамурра, уже прибыл в Рим, – ответил Гасет. – Мой Вам совет, Ваше Святейшество, не давайте поспешных обещаний.

В дверях появился слуга, доложивший о приходе принца Альтамурского. Александр VI велел ввести его. Средний сын короля Ферранте был среднего роста, круглое лицо с орлиным носом обрамляла тонкая борода, отвечавшая в тон его каштановым, всклокоченным от волнения, волосам. Приблизившись к Александру VI, восседавшему на троне, Фредерик д'Альтамурра поцеловал Его папский перстень, что было обязательным ритуалом для любого, кто просил аудиенции у верховного понтифика.

– Мы рады приветствовать вас в Ватикане, принц д’Альтамура, – торжественно произнёс Александр VI. – Нам известна цель визита: вы приехали просить поддержки для Неаполя в борьбе с Миланом.

– Вы весьма прозорливы, Ваше Святейшество, – отозвался Фредерик. – Для Неаполя настали тёмные времена, осветить которые можете лишь Вы.

– Мы нисколько не питаем враждебных чувств к Неаполю. В конце концов династия Арагона имеет непосредственное отношение к Испании, откуда и тянутся корни рода Борджиа. Мы с удовольствием откликнулись бы на зов короля Ферранте, однако есть одно обстоятельство, которое может помешать этому.

– Молю, назовите его, – дрогнувшим голосом просил Фредерик д’Альтамура, нервно потирая вспотевшие ладони.

– Вассал короля Ферранте, – ответил Александр VI. – Вирджинио Орсини имел наглость приобрести у незаконнорождённого сына покойного понтифика Иннокентия папские земли, отчуждение которых нас возмущает до глубины души. Мы сообщили синьору Орсини о признании сделки недействительной, но до сих пор не получили ответа. Ферранте предлагает Нам закрыть глаза на это вопиющее пренебрежение волей наместника Господа на Земле?

– Ваше Святейшество, Ваш гнев мне понятен, но, как известно, старые враги могут примириться перед лицом общей опасности. Прежде чем дойти до Неаполя, миланским войскам придётся пересечь Папскую область, что может негативно отразиться на самом Риме.

Александр VI усмехнулся. В его глазах принц был похож на утопающего, хватающегося за любую соломинку, насколько бы эта попытка не была бесполезной.

– С чего вы взяли, что Милан представляет угрозу для Рима? – поинтересовался Папа. – Лодовико Сфорца, как и Неаполь, ищет поддержки Ватикана, и если Вирджинио Орсини не решится прибыть к Нам, дабы урегулировать вопрос с Черветри и Ангвилларой, то единственное, что Нам останется – распахнуть ворота для Сфорца и закрыть их для Ферранте.

Фредерик д’Альтамура был сокрушён, задерживаться в Риме более не имело смысла. Последняя надежда Неаполя не оправдалась. Александр VI отпустил поникшего принца. Папа видел, как пройдя через дверной проём, Фредерик д’Альтамура на мгновение замер, смотря куда-то в сторону, но после поспешил удалиться. Его шаги потихоньку стихали в коридорах Апостольского дворца.

– Смею предположить, что теперь Ферранте ещё даст нам ответ, и весьма дерзкий, – подал голос, молчавший всё это время Франческо Гасет.

– Нестрашно, – ответил Александр VI, – пока потянем время. Единственное, что он сможет сделать – это рассыпаться в обвинениях и проклятиях на мою голову. Хотя, есть ещё один, более отчаянный, путь, пойти по которому решится только тот, кому нечего терять.

Александр VI не успел закончить свою мысль. Он заметил, как в зал медленно, даже слегка вальяжно, вошёл один из кардиналов. Его, выглядывавшие из-под кардинальской шапки тонкие чёрные волосы, овальное лицо с правильным носом Папа не мог спутать ни с кем. Это был Асканио Сфорца, нынешний вице-канцлер церкви, назначенный Александром VI сразу после своего избрания в благодарность за то, что Асканио отдал на конклаве свой голос за него. Также в качестве благодарности Папа подарил кардиналу крепость Непи. Асканио Сфорца тут же стал ярым сподвижником Александра VI, но этого ему было мало: породнить свою семью с семьёй Борджиа – вот к чему стремился Асканио.

– В чём дело, кардинал Сфорца? – спросил Папа.

Он догадался, что во время переговоров с принцем Фредериком, Асканио находился в коридоре. Вот, что заставило принца остановиться, прежде чем уйти.

– Ваше Святейшество, – ответил Асканио Сфорца, – у меня к Вам серьёзный разговор, но узнав, что здесь посланник из Неаполя, я решил обождать. Как я понимаю, принц д’Альтамура

просил о союзе Рима с Неаполем, но судя по его мрачному выражению лица, мольбы его не были услышаны.

– Кардинал Сфорца, я скажу вам то же, что и принцу Фредерику: пока вопрос с Черветри и Ангвилларой не будет решён окончательно – о союзе с Неаполем не может быть и речи.

Асканио Сфорца ликовал, но старался не подавать вида. Разумеется, он протестовал против сближения Рима с Неаполем, отстаивая интересы Милана. Рассудив, что настал благоприятный момент, вице-канцлер решил действовать.

– Ваше Святейшество, в наше время крайне трудно отыскать надёжных союзников, но помните – Вы всегда можете рассчитывать на Милан. Однако нейтралитет редко идёт на пользу тому, кто его поддерживает. Война не за горами, а значит рано или поздно предстоит сделать выбор. Со своей стороны предлагаю Вам всё же склониться к Милану, чему мой брат Лодовико был бы несказанно рад. Как сообщает мне Лодовико, скоро среди его сторонников окажется очень влиятельный и опасный союзник, и Неаполю будет не избежать поражения. Кроме того, союз со Сфорца поможет вам противостоять козням делла Ровере, которому мы также как и Вы стоим костью в горле.

– Да, но Борджиа для него большая кость, нежели Сфорца, – усмехнулся Папа. – И каково ваше предложение?

– Предлагаю династический брак, который скрепит союз Рима и Милана. Я прямо сейчас могу назвать Вам имя жениха, который составит хорошую партию прекрасной Лукреции.

– И кто же это? – любопытствовал Александр VI.

– Джованни Сфорца, Ваше Святейшество, – торжественно ответил Асканио Сфорца. – Владыка Пезаро, и что самое важное – родственник Лодовико Сфорца.

– Это интересное предложение, вице-канцлер, Мы тщательнейшим образом обдумаем его.

Александр VI следовал совету Франческо Гасета: тянул время, намеренно не давая окончательного ответа ни одной из сторон, поскольку политика – дама непостоянная. Спешно принятое решение может дать отрицательный эффект. Однако Папа решил принять необходимые меры предосторожности.

Поклонившись, Асканио Сфорца покинул зал с гордо поднятой головой, словно уже знал, что Папа примет сторону Милана.

– Гасет, хоть мы пока и не дали никому окончательного ответа, – сказал Александр VI, – нам стоит принять необходимые меры предосторожности. Вели немедленно приступить к ремонту укреплений Ватикана и замка Святого Ангела. Кроме того, пусть в замке разместятся постоянные гарнизоны. Наступают тяжкие и непредсказуемые времена.

ГЛАВА IV

ПЕРВЫЙ СОЮЗ

Рим, март 1493 года.

Вскоре зима отступила, передав бразды правления весне, звеневшей пением птиц, благоухавшей ароматами распускавшихся цветов, и сорвавшей с земли снежное одеяло. Начиная с декабря, на протяжении нескольких месяцев, вплоть до самого марта, вся Италия была словно одной пороховой бочкой. Оставалось лишь ждать, кто же первым рискнёт высечь ту искру, которая разорвёт эту бочку. Милан и Неаполь продолжали готовиться к войне, разыскивая союзников и собирая армии. А Александр VI, переехав в свои новые, полностью готовые покои, упорно сохранял невозмутимость, не давая однозначного ответа обеим сторонам конфликта. Вместо этого сегодня Он принял послов из Испании и Португалии. Просьба, о которой они просили, привела Александра VI в восторг, зная, что теперь он может укрепить связь с Испанией, в чём ему поможет Хуан. Его время пришло. Отпустив послов, Папа тот час же послал за Чезаре и Хуаном. Для Джозефа Александр VI пока что не мог подобрать подходящей функции, которая могла бы поспособствовать укреплению власти Борджиа. Папа встретился с сыновьями в зале Свободных искусств, где теперь располагался его рабочий кабинет. На фресках в этом помещении были изображены такие науки и искусства как Геометрия, Астрономия, Риторика, Музыка, Диалектика, Арифметика и Грамматика, выполненные в прекрасных женских образах.

– Чезаре, Хуан, – начал Александр VI взглянув на каждого из сыновей, – пришло время вам стать частью большой политики. Сегодня у меня были послы Испании и Португалии. По всей Европе ветром разлетелась новость об открытии Колумбом новых, неизведанных земель. По его словам, они богаты золотом, пряностями и прочими ценными вещами, а главное – они населены людьми, служащими своему Богу. Для Их Католических Величеств это необычайно восхитительный подарок, но свои права на Новый Свет предъявила Португалия. Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская просят меня разделить эти дикие земли между Испанией и Португалией. Я, конечно же, удовлетворю их желание, но взамен порошу у Их Католических Величеств утверждения твоих прав, Хуан, на герцогство Гандийское.

Внутри Чезаре, словно всё перевернулось верх дном. Он не мог поверить, что отец удостоил Хуана столь высокой чести. Хуан, не помышлявшего ни о чём другом, кроме развлечений да рек вина. Как он будет править герцогством, и как организует его оборону, ничего не зная о военном деле в принципе? Усиливало досаду Чезаре тот факт, что он уже знал, что его ждёт в будущем – сан кардинала. И хотя он уже год носил звание архиепископа Валенсии, Чезаре никак не мог смириться с этим. Духовный сан по-настоящему тяготил его, он чувствовал себя будто связанным по рукам и ногам, не в силах высвободиться. Единственное, что утешало Чезаре, пусть и самую малость, то, что его бенефиции приносили ему доход более чем в шестнадцать тысяч дукатов в год.

Хуан же от нескрываемой радости и удивления округлил глаза ещё сильнее, он даже не мог сориентироваться, чтобы поблагодарить отца, но спустя мгновение сумел взять себя в руки.

– Отец, – начал он, – я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

– Отблагодарить меня ты сможешь своими поступками, достойными герцога, сын мой, – ответил Александр VI. – Когда-то этим герцогством правил ваш покойный брат Педро-Луис, первый герцог Гандийский. К сожалению, судьба отняла его у нас, посему ты, Хуан, станешь вторым герцогом. Кроме того, я попытаюсь добиться согласия Фердинанда и Изабеллы на твой брак с Марией Энрикес де Луна, двоюродной сестрой короля Фердинанда, что также поспособствует укреплению наших связей с Испанией.

– А как быть с Неаполем и Миланом? – поинтересовался Чезаре.

– Пришло время выбрать, на чьей мы стороне, – задумчиво ответил Папа, подперев кулаком подбородок. – Ферранте пришёл в бешенство, узнав, что Сфорца предложили мне союз, но, поставленные мною условия, Вирджинио Орсини не выполнил. Даже Ферранте не подтолкнул его к этому. Лодовико ведёт тайные переговоры с неким потенциальным союзником Милана, способного стереть в порошок Неаполь. Кроме того, Сфорца недолюбливают делла Ровере, равно как и мы. Посему предлагаю сблизиться с Миланом.

– А если в будущем этот союз станет для нас помехой? – спросил Хуан.

– В таком случае следует оставить лазейку, которая позволит нам в любой момент разорвать договор, – отозвался Чезаре, опередив отца. – Либо действовать радикально, но наверняка.

– Верно, Чезаре, этим я и займусь, но не торопись проливать кровь понапрасну, – ответил Александр VI. – Это крайняя мера. Значит, решено, мы примем предложение Сфорца, и Лукреция станет женой Джованни Сфорца, обеспечив нам союз с Миланом.

– А какова моя задача? – спросил Чезаре, хотя он уже знал ответ на свой вопрос.

– Я уже говорил, в этом году ты пополнишь состав Священной коллегии, где нам необходимо укрепить наши позиции. И это не обсуждается, Чезаре.

На сей раз Чезаре отреагировал более сдержанно, зная, что у него нет иного выбора. Он вынужденно приносит эту жертву на семейный алтарь.

– Теперь вам известны ваши предназначения, вы знаете, что должны делать. Вместе мы будем трудиться на благо семьи, не щадя ни средств, ни сил, ни времени. Чезаре, иди к Лукреции, сообщи ей о предстоящем замужестве.

Последние лучи солнца скользили по зелёным холмам, скрываясь за неровной линией горизонта, а Александр VI только вышел из своего кабинета. Вместе с Франческо Гасетом он тщательно выработывал текст буллы о переделе Нового Света между Испанией и Португалией. Почувствовав поступь сна, Папа направился в свои покои. Открыв дверь, в тускло освещённой свечами комнате, Папа увидел сидевшую на кровати Джулию, всё так же красивую и вечно манящую. Такой человек как Родриго Борджиа не мог не разглядеть красоту прекрасной Джулии, происходившей из достаточно знатного рода.

Она не сразу заметила приход понтифика, эпическая поэма Петрарки «Африка», повествующая об африканском походе Сципиона, затянула её с головой. Но спустя пару мгновений, боковым зрением Джулия увидела, что в дверях стоит какая-то белая фигура. Оторвав взор от книги, девушка подняла голову и тут же отбросила её в сторону, энергично спрыгнув с кровати и подбежав к Александру VI.

– Я уже соскучилась! – протянула она, одарив его нежной улыбкой. – Мне начало казаться, что ты забыл про меня.

– Моя красавица, как бы я посмел допустить подобное, – улыбнувшись в ответ, сказал Папа, поглаживая её белокурые пряди, от которых так и веяло приятным ароматом лаванды. – Грядут большие перемены, и мне необходимо больше времени.

– Знаю, – удручённо ответила Джулия. – Слышала, в этом году ты собираешься увеличить состав коллегии кардиналов?

– Это необходимо для упрочнения моего положения среди князей церкви. Стоит ввести в Священную коллегию как можно больше преданных мне людей.

– А имя одного такого человека тебе известно.

– Я знаю, о ком ты говоришь, – покачав головой, усмехнулся Александр VI, положив руки на плечи Джулии. – Милая Джулия, ты напрасно беспокоишься, атакуя меня нескончае-

мыми просьбами, сделать Алессандро кардиналом. На предстоящей консистории, когда будут объявлены имена новых кардиналов, он займёт своё место среди них.

Глаза Джулии заблестели, а пухлые губы изогнулись в улыбке, слегка обнажив белые зубы. Она была готова прыгать от радости. Ведь назначение её брата кардиналом позволит ему в дальнейшем бороться за престол Святого Петра. Тогда влияние и богатства рода Фарнезе непременно упрочится.

– Ты слишком нетерпелива, Джулия, – добавил Александр VI. – Ты не умеешь ждать, желая заполучить всё и сразу.

– Верно, – кокетливо ответила Джулия, отойдя на несколько шагов назад. – И знаешь, чего я желаю прямо сейчас?

– Просвети меня.

Бросив призывающий взгляд на Александра VI, Джулия, не торопясь, спустила лиф платья, а затем сбросила всю одежду на пол, представ полностью нагой, выпятив изящную грудь. Хоть Александр VI не раз видел Джулию Фарнезе обнажённой, её прекрасное тело всегда приводило Его в неопишуемый восторг. Изячно перешагнув, лежавшее под ногами платье, Джулия направилась к Александру VI, покачивая своими округлыми бёдрами. Проведя по его руке, плечу и лицу, Джулия страстно поцеловала Его, а затем взяла за руку, и повела к кровати. Через минуту они уже наслаждались друг другом, слившись воедино.

Интересно, чтобы сделал несчастный Орсо Орсини, узнай, чем занимается его прекрасная жена в Риме, пока он, вот уже месяц, коротает дни в Бассанелло, куда его отослал Александр VI?

Пока Александр VI наслаждался обществом Джулии Фарнезе, Чезаре прибыл во дворец Санта-Мария-ин-Портико, пройдя по потайному ходу. Он заметил, что в комнате Лукреции ещё горел свет, значит Чезаре не потревожит её сон. Он успел вовремя, Лукреция собиралась готовиться ко сну, и её камеристка Пентасилея подошла к ней, чтобы помочь снять платье, но в этот момент появился Чезаре. Он попросил служанку выйти, а сам приблизился к сестре.

– Полагаю, только веская причина могла заставить тебя прийти ко мне в столь поздний час, дорогой брат, – сказала Лукреция, смотря на Чезаре удивлённым взглядом. – Что-то случилось?

– Не беспокойся, я не отниму у тебя много времени, – с улыбкой ответил Чезаре. – Меня послал к тебе отец, чтобы сообщить о твоём предстоящем замужестве.

– Я знаю, ведь моя помолвка с Гаспаре де Просида остаётся в силе, – ответила Лукреция. – Отец ещё два года назад запланировал её.

– Тогда наш отец был кардиналом. Сейчас планы изменились, и де Просида не тот человек, который нам нужен.

Глаза Лукреции, казалось, стали одного размера с монетой, её тонкие брови одновременно приподнялись, а рот непроизвольно приоткрылся. Она не могла заставить себя вымолвить хотя бы одно слово. Наконец совладав с собой, она спросила:

– Но кто же тогда мой будущий муж, если не дон Гаспаре?

– Его зовут Джованни Сфорца, властитель Пезаро и граф Котиньолы.

– Расскажи мне о нём подробнее. Каков его возраст?

– Двадцать семь лет.

Подобно ледяной воде, слова Чезаре окатили Лукрецию с ног до головы. Ошеломлённо вздохнув, она сделала несколько шагов в сторону от брата.

– Он же старше меня на тринадцать лет! – воскликнула Лукреция, повернувшись к Чезаре.

На тот момент Лукреции Борджиа было тринадцать лет, что вполне соответствовало нормам для невест средневековой Европы.

– Лукреция, успокойся, – сказал Чезаре, подойдя к сестре и приобняв её.

Он чувствовал, как Лукрецию начинает бить дрожь, точно осуждённого на смерть перед казнью. Хотя в некоторой мере для неё это и была смерть – смерть её светлых грёз и детской мечты. Родриго допустил просчёт, не успев расторгнуть последнюю помолвку своей дочери. Столь близкая возможность занять папский престол и ожесточённая борьба за него выбили его из колеи, и он позабыл о том, что его дочь уже была помолвлена с испанцем Гаспаре де Просида. Но став Папой, Родриго понял, что муж Лукреции должен быть совершенно иной крови. Лукреция не особо горевала по Гаспаре де Просида, ведь она его ещё толком не видела и мало что о нём знала. Может он был не лучше Джованни Сфорца, но это уже не имело значения, ведь речь сейчас шла не о Гаспаре де Просида.

– Замужество – это не самое страшное, с чем мы можем столкнуться в жизни, – успокаивал Чезаре сестру. – Уверен, ты полюбишь Джованни, к несчастью, успевшего побывать вдовцом. Его первая жена скончалась при родах, он скорбит день и ночь.

Лукреция взволнованно положила руки на медленно вздымающуюся, грудь брата.

– Чезаре, молю тебя, поговори с отцом, или лучше я сама это сделаю.

– Не будь наивной, Лукреция, ни тебя, ни меня он и слушать не станет, тем более, когда на кону стоит судьба нашей семьи. Если бы мне было под силу влиять на решения отца, думаешь, я стоял бы перед тобой в сутане архиепископа?

– Но что же мне делать? – жалобно протянула Лукреция.

– Единственное, что ты можешь – попытаться принять это. Пойми, Лукреция, нам не изменить решений Папы, это всё равно, что ловить дым голыми руками. Я понимаю, ты хотела бы стать женой другого человека, но взгляни на меня. Думаешь мне был предоставлен выбор своей судьбы? Нет. Каждый день я упорно противился желанию отца обременить меня духовным саном, но каждый раз мои попытки рассыпались в прах. Отец делает всё для блага семьи, во имя которой я принёс в жертву свои устремления, навеки похоронив их глубоко под сутаной. Каждому из нас придётся чем-то пожертвовать ради семьи, настала твоя очередь принять участие в строительстве царства Борджиа.

Глаза Лукреции заблестели от наворачивавшихся слёз. Заметив это, Чезаре заключил сестру в объятия, Лукреция прильнула к его груди и тихонько заплакала. В объятиях брата она чувствовала себя как за стенами непреступной крепости, которую девушке очень не хотелось покидать. Лукреция неспроста называла Чезаре «самым любимым братом», она действительно любила его больше других. Самому Чезаре было больно видеть сестру в таком состоянии, но он ничего не мог изменить. Лукреция мысленно прощалась со своими беззаботными годами жизни, уткнувшись лицом в грудь брата. Не о таком счастье она мечтала. Подобно любой девочке, Лукреция грезилась о безоблачной жизни с прекрасным принцем в роскошном замке. Мечтала под звонкое пение птиц прогуливаться с ним в зелёных садах, вдыхая чарующий аромат лета и цветов, часы напролёт говоря о любви. Но теперь все её мечты рухнули подобно театральным декорациям, явив истинную картину мира, за пределами которой, как оказалось, Лукреция жила до этого момента. Теперь она усвоила первый горький жизненный урок – далеко не всегда наши желания осуществляются, а если и осуществляются, то порой не так, как нам бы того хотелось.

Лукреция не покидала объятий Чезаре ещё минуту, пока не почувствовала, что мощные крепостные стены рук брата пали.

– Не переживай, сестрёнка, – ласково произнёс Чезаре, вытирая капельки слёз с влажных щёк Лукреции, – всё будет хорошо. Знай, что я всегда рядом. Ну всё, вытирай слёзы и успокаивайся, а мне пора идти.

Проводив Цезаре взглядом, Лукреция упала на кровать, издав сокрушённый вздох. Вернувшись, Пентасилея увидела заплаканное лицо своей госпожи и мигом подбежала к ней. Она пыталась узнать причину горя Лукреции, но та не желала говорить. Теперь Лукреции было не заснуть до самого утра. Покой сестры был священен для Цезаре, но всё же ему пришлось нарушить его.

ГЛАВА V

ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО

Рим, май 1493 года.

В мае Александр VI официально объявил о предстоящей свадьбе своей дочери и Джованни Сфорца к огромному неудовольствию короля Ферранте, обрушившего на Папу столько проклятий, сколько это было возможно. Ферранте начинал осознавать, что его шансы на победу тают, как снег на весеннем солнце. Но Папе было не до предсмертной агонии старика, который в действительности был не столь далеко от смерти. Сегодня в Рим вновь прибыли послы Испании и Португалии, дабы узнать решение Александра VI относительно передела Нового Света.

Для такого знакового и исторического момента Александр VI пригласил послов и их сопровождающих в самое большое помещение апартаментов Борджиа – в зал Понтификов. Учитывая площадь зала, Александр VI принял решение использовать его как аудиенц-зал, зал для собрания консистории, а также для проведения всевозможных торжественных мероприятий. Во всех залах пол папских покоев был выложен майоликой, но оформление стен и потолков отличалось, отражая название зала. Стены зала Понтификов, два больших окна которого выходили во внутренний Бельведерский двор, украшали портреты пяти выдающихся понтификов: Этьена II, Льва III, Урбана II, Григория XI и Николая III. Каждый из них внёс свой бесценный вклад в развитие и укрепление церкви и самого Ватикана. Так, например, усилиями Григория XI Священный престол был возвращён в Рим, а Урбан II стал первым, кто провозгласил крестовый поход.

Поднявшись с трона, Папа подозвал послов к небольшому столу, на котором лежала карта, открытых Колумбом, земель.

– Ввиду общего желания Испании и Португалии владеть Новым Светом, – начал Александр VI, – Мы сумели найти компромиссное решение данного вопроса.

Сделав пол-оборота, Папа протянул руку Франческо Гасету, который стоял в двух шагах с большим циркулем в руках. Тот молча передал инструмент Александру VI. Уперев один конец циркуля в карту, плавным движением Папа провёл линию по нарисованным территориям Нового Света. Озадаченные послы внимательно следили за действиями Александра VI.

– Наше решение таково: земли, которые Испания открыла или откроет в дальнейшем западнее меридиана, проходящего в ста лигах от островов Зелёного Мыса, принадлежат Их Католическим Величествам, – объявил Папа, ведя пальцем вдоль начерченной линии. – Землями, которые будут открыты восточнее этой линии, владеет Португалия, но лишь в том случае, если они ещё не находятся под покровительством других христианских держав. Таково Наше решение, закреплённое соответствующей буллой.

– Ваше Святейшество, – заговорил испанский посол, – Их Католические Величества будут очень довольны Вашим решением. Я заранее передаю Вам их искреннюю благодарность.

– Лучшей благодарностью станет удовлетворение Нашей просьбы об утверждении Хуана Борджиа в правах на герцогство Гандийское, а также на брак с Марией Энрикес де Луна.

– Будьте покойны, Ваше Святейшество. Король и королева непременно исполнят её.

Простившись с послами, Александр VI не успел выйти из зала, как вошёл Чезаре.

– Отец, некий Гаспаре де Просида требует аудиенции, – сказал он.

Папа задумался, потупив взор.

– Де Просида? – переспросил он. – Ах да, теперь вспомнил. Что же, веди его сюда.

Через несколько минут вошёл молодой человек среднего роста с рыжеватыми, довольно густыми, волосами.

– Приветствуем вас в Ватикане, дон Гаспаре. – торжественно произнёс Александр VI, протягивая руку с папским перстнем.

Приблизившись к Папе, Гаспаре поцеловал перстень.

– Так что же вас привело к Нам?

– Ваше Святейшество, – начал Гаспаре, – я прибыл в Рим, дабы напомнить Вам о моей свадьбе с Лукрецией Борджиа, которую Вы обещали организовать ещё год назад, незадолго до вашего избрания. Моя помолвка с Лукрецией не была расторгнута, но Вы уже пообещали её дому Сфорца. Я требую уважения своих прав.

– Не забывайте, дон Гаспаре, – вмешался Чезаре. – В разговоре с Папой я прошу вас сбавить тон.

– Архиепископ, умерьте ваш гнев, – гневно остановил сына Александр VI. – Мы не ищем ссор, ведь любой конфликт можно уладить мирным путём. Дон Гаспаре, никому из нас не нужен скандал, поэтому Мы предлагаем вам компромисс: вы отказываетесь от намерений жениться на Лукреции, за что вам будет выплачено, скажем, три тысячи золотых дукатов.

– Ваше Святейшество, желает откупиться от меня?

– Зачем же так, дон Гаспаре? Это вовсе не откуп, но выражение вам, простому дворянину, нашей благосклонности, в золоте. Однако её можно лишиться столь быстро, как и приобрести.

Гаспаре де Просида молчал, обдумывая слова Александра VI. А может быть оно и к лучшему? Он отыщет себе невесту более отвечающую его требованиям. О семейке Борджиа и без того ходят тошнотворные слухи, к чему погружаться в эту грязь? Быть может, сам Бог отводит Гаспаре от беды, которую может принести брак с дочерью Папы. В свою очередь Александр VI готов был пойти на любые уловки, лишь бы не допустить огласке того, что происходит на его глазах. Скандал, связанный с помолвкой Лукреции годичной давности мог ударить по союзу Рима и Милана.

– Хорошо, я согласен, – выдал Гаспаре де Просида.

– Превосходно, архиепископ Валенсийский проводит вас к казначею, и вы получите свои деньги.

Гаспаре де Просида покинул зал, следуя за Чезаре. На мгновение комната наполнилась тишиной, пока Александр VI не вздохнул с нескрываемой усталостью. Теперь он точно знал, отголоски прошлого всегда могут настигнуть нас в настоящем, особенно, когда об этом не вспоминаешь.

После полудня над Римом сгустился серый купол туч, вскоре заплакавших дождём. Капли барабанили по крышам домов и стучали в окна. Тибр, отражая небо, приобрёл оттенок свинца, в одних районах Рима по каменным дорогам текли лужи, а в других размыло песок, отчего бедняга, решивший пройти по такому пути в поисках укрытия непременно вяз, собирая на подошвы своих ботинок комки грязи, грузом тянувших к земле. Кто-то успел добраться до дома, а кто-то переждал непогоду в шумной таверне. Лукреция не выходила из своей комнаты. Она не могла думать ни о чём другом кроме скорого замужества, и это её очень волновало, как любую девушку перед столь знаменательным событием. Однако если одни невесты испытывают радостное предсвадебное волнение, то Лукреция совсем наоборот. Она глядела в окно, наблюдая за каплями дождя, скатывавшимися по стеклу, словно слёзы по щеке. В этот день небо плакало вместе с душой Лукреции, словно жалея её. То, что она чувствовала, идеально подходило под описание сегодняшней погоды.

– Лукреция! – раздался женский голос.

От неожиданности Лукреция вздрогнула, а обернувшись, увидела Джулию Фарнезе с каким-то причудливым ларцом в руках.

– Джулия, ты меня напугала, – нервно глотая воздух, произнесла Лукреция.

– Разве я настолько страшна? – шутливо спросила Джулия.

– Конечно, нет, я просто не ожидала, чьего-либо визита. Кроме того, ты вырвала меня из тёплого и уютного царства моих мыслей.

– И о чём же ты размышляла, если не секрет? – любопытствовала Джулия, входя в комнату. – Хотя постой, я сама догадаюсь. О предстоящей свадьбе?

– К сожалению, да.

Поставив ларец на туалетный столик Лукреции, Джулия мигом подошла к ней, шелестя подолом своего платья, и приобняла подругу.

– Милая, я понимаю, природу твоей тревоги, но такая уж наша женская доля. Думаешь, я имела возможность выбирать себе мужа? Я тоже волновалась, как и ты, как и любая девушка. К слову, я слышала, что Джованни Сфорца весьма привлекателен, а увидев тебя, он потеряет дар речи, потому что ты будешь неотразима. Не грусти, я уверена, ты полюбишь Джованни. Твой муж не сможет не боготворить такую красавицу как ты.

– Может ты и права, но его возраст... Для меня он старик, в отличие от дона Гаспаре.

Тем не менее, слова Джулии в какой-то мере успокоили Лукрецию. Возможно, всё и впрямь будет не так уж плохо, как она успела нафантазировать. В конце концов, далеко не всегда жён не устраивает муж, которого им выбрали, и Лукреции ещё предстоит в этом убедиться на собственном опыте.

– Так, Лукреция, – энергично заговорила Джулия, – полно сокрушаться. Скоро прибудет твой жених, ты же не собираешься встречать его с лицом мрачнее туч за окном?

Она взяла Лукрецию за руку и подвела её к туалетному столику.

– Я тебе кое-что принесла, – интригуяще сказала Джулия.

Изящным движением рук Джулия открыла принесённый ею, инкрустированный золотом, ларец с великолепной резьбой. В свете свечей слегка поблёскивали драгоценные украшения: браслеты, кольца, подвески с крупным жемчугом, фероньеры и прочие изделия, созданные искусными ювелирами.

– Это тебе передал твой отец, – пояснила Джулия. – Он хочет, чтобы его любимая дочь затмила всех дам своей красотой в такой знаменательный день. Тебе нравится?

– Великолепные изделия, спасибо, – произнесла Лукреция, перебирая украшения пальцами.

– А теперь, я хочу показать тебе ещё кое-что – твоё платье, в котором ты будешь на церемонии бракосочетания. Твой отец не поспешил ради своей дочери и потратил на него пятнадцать тысяч дукатов. Идём скорее.

Действительно, Александр VI не скупился на украшения, угощения, и подарки для своей любимой дочери. Он собирался устроить свадьбу, которая будет отвечать положению дочери понтифика.

ГЛАВА VI

ДЖОВАННИ СФОРЦА

Рим, июнь 1493 года.

Наконец в Рим пришло лето, а это означало окончательное пробуждение природы от зимнего сна. Солнце поднималось из-за холмов намного раньше под щебетание птиц. К полудню воздух уже становится тёплым, но к несчастью и душным. В садах благоухал пёстрый ковёр разносортных цветов, деревья одевались в зелёную листву, а воды Тибра золотились в лучах солнца. Люди охотно избавлялись от тёплых одежд, меняя их на лёгкие костюмы. Город заиграл совершенно иными красками, наполняя каждый день буйством красок. Июнь подобно художнику разукрасил некогда серую картину под названием Рим.

Лукреция по-прежнему не покидала своих покоев дворца Санта-Мария-ин-Портико. Она не замечала этого природного великолепия и суматохи, царившей в её дворце. Все готовились к празднованию свадьбы дочери Папы. Однако Лукреции не давала покоя душевная боль при мысли, что она не может сама вершить свою судьбу. Успокаивающие слова Джулии подействовали, но совсем не на долго. В её голове постоянно крутились слова Чезаре: «...нам не изменить решений Папы...». Лукреция не понимала, что же ей делать. Сердцем она жаждала борьбы, желая перестроить свою судьбу по собственному усмотрению, но разум твердил ей о бессмысленности и самое главное – опасности этой затеи, которая может навредить семье. С грустью Лукреция понимала это как никто другой, она не осмелится пойти против родного отца.

В комнату вбежала Джулия, прогнав мысли Лукреции, разлетевшихся за секунду, как стая голубей.

– Лукреция, Джованни в Риме, скоро он достигнет Ватикана. Идём же скорее.

У городских ворот, верхом на конях, Чезаре и Хуан встретили Джованни Сфорца, сопровождаемого своей многочисленной свитой. Эта пышная кавалькада, приковывавшая к себе взгляды не менее крупной толпы зевак, которую сдерживала стража живой изгородью вдоль дороги. Братья Борджиа, приветствуя своего будущего шурина, и все тронулись к дворцу Санта-Мария-ин-Портико. Пересекая мост Святого Ангела, который соединял район Понте на левом берегу Тибра с двумя, примыкающими друг к другу, районами Борго и Прати на правом берегу, всадники приближались к огромному замку круглой формы, окружённого крепостными стенами с четырьмя круглыми широкими башнями, расположенными по углам. На многометровой высоте виднелись не очень частые окна. В эпоху Древнего Рима это строение было гробницей императора Адриана, но теперь – это цитадель Рима, служащая убежищем понтификов. Присмотревшись, можно было заметить, что гладкие стены, идущие сверху вниз, внезапно прерывались, переходя в обшарпанные и неровные, местами обнажая большие блоки. По центру, на уровне окон, опоясавших замок, находилась центральная лоджия, смотревшая нам мост Святого Ангела, а выше, на самой крыше, стояла статуя ангела. Свернув налево, процессия продолжила свой путь прямо, приближаясь к Ватикану. Все, как по команде, обратили внимание, на дорожные работы между домами справа. Это и была та самая улица, которую приказал проложить Александр VI. Через пару минут колонна свернула к дворцу Санта-Мария-ин-Портико, где в лоджии с мраморным открытым балконом сидела Лукреция. Позади неё стояла Джулия Фарнезе, сложив руки на животе. Подъехав ко дворцу, колонна остановилась. Джованни Сфорца поднял голову и увидел Лукрецию, выразив ей знак почтения. Лукре-

ция оценивающе разглядывала своего жениха, после чего она, как и учила её Адриана де Мила, поклонилась ему.

– Ну и как тебе твой будущий муж? – наклонившись к Лукреции, тихонько спросила Джулия.

Джованни Сфорца был, среднего роста, тёмные волнистые волосы, доходившие до широких плеч, а на лице была заметна ухоженная борода.

– Думаю, ты была права, он вполне хорош собой, – ответила Лукреция, не отводя взгляда от Джованни Сфорца.

Джулия решила, что подруга осталась довольна своим будущим мужем, но на самом деле Лукреция немного лукавила. Может Джованни и обладал привлекательной внешностью, но он не сумел найти отклик в сердце дочери понтифика. Но Лукреция надеялась, что сможет побороть себя и ради своей семьи привыкнуть к Джованни Сфорца.

В день церемонии бракосочетания в Соборе Святого Петра было не протолкнуться: римские бароны, родственники Борджиа, в том числе Хуан с Джоффри, стоявшие в первых рядах, особо приближённые к Джованни Сфорца и много кто ещё. Ничуть не меньше людей было на площади Святого Петра. Ещё бы, не каждый день дочь Папы выходит замуж.

Через дверь, слева от алтаря, вошёл Александр VI в сопровождении свиты епископов, среди которых находился и Чезаре. Толпа разом умолкла. Джованни Сфорца, разодетый в парадный камзол с золотым шитьём, уже стоял перед Папой. Мгновением позже, двери базилики открылись, и в зал, грациозной походкой вошла Лукреция Борджиа, облачённая в платье золотистого оттенка с кремовыми рукавами и лифом, расшитым жемчугом. Пучок белокурых волос был зафиксирован сеткой с драгоценными камнями, а вдоль щёк свисали несколько прядок волос. На изящной шее красовалось жемчужное ожерелье. Следом за невестой шли Джулия Фарнезе, Адриана де Мила и Ванноцца деи Каттанеи. Сердце Лукреции бешено колотилось от волнения. Ей казалось, что оно вот-вот вырвется из груди. Александр VI мягко улыбнулся дочери, та ответила тем же. Хоть для Джованни это не первая женитьба, но он тоже чувствовал лёгкое волнение, в первую очередь из-за красоты Лукреции, сразившей его. Лукреция и Джованни Сфорца медленно опустились на колени на, вышитые золотом, маленькие подушечки у ног Александра VI. Благословив молодожёнов, вперёд выступил епископ Конкордии. Пока он совершал таинство бракосочетания, а молодожёны приносили клятвы верности, обмениваясь кольцами, граф Питильяно, Никколо Орсини, как того требовали традиции, держал над женихом и невестой обнажённый меч, символизирующий соблюдение верности или смерть. Церемония бракосочетания была окончена, отныне Лукреция Борджиа являлась правительницей Пезаро и графиней Катиньолы.

Продолжение торжества перенеслось во дворец Санта-Мария-ин-Портико, в зал, где гостям была представлена комедия Плавта «Менехмы». По окончании представления новоиспечённым супругам начали преподносить подарки: дорогие ткани, ювелирные украшения, столовый сервиз из серебра и прочее. Подарков было столько, что гости уже сбились со счёта. В завершение праздника гостям было предложено лёгкое угощение. А вечером, когда основная масса гостей разошлась, в зале Понтификов Александр VI устроил пир для более узкого круга лиц, среди которых были, разумеется, молодожёны, братья Лукреции, Адриана де Мила, Джулия Фарнезе, Ванноцца деи Каттанеи и кардинал Асканио Сфорца. Зал освещали пляшущие огоньки свечей, большой, дубовый стол, на котором стояли канделябры со свечами, ломился от закусок на любой вкус от мяса до десертов и фруктов. Лукреция и Джованни вновь принимали поздравления. Сначала были танцы, потом ещё одна небольшая комедия, в которой участвовали высокородные дамы. Когда представление было окончено, дамы отвесили гостям

поклон, поблагодарив за внимание. В этот момент к каждой из девушек подбежали слуги с серебряными блюдами в руках, на котором лежало воздушное печенье.

– Этот дар Его Святейшество преподносит вам в знак благодарности, – поясняли слуги дамам.

Тем пришлось подставить подола своих платьев, куда слуги и высыпали угощение. Эта шутка, может и не совсем удачная, вызвала смех и перешёптывания гостей. Однако на подобных празднествах не было из ряда вон выходящих вещей, кроме того, гости не увидели ничего столь уж непристойного, учитывая одежду знатных дам. Но и этого хватило, чтобы враги Борджиа попытались описать свадьбу Лукреции Борджиа как нечто развратное и омерзительное, граничащее с настоящей оргией.

В столь динамичной обстановке никто не замечал течения времени, однако час был уже поздний. Александр VI подошёл к Лукреции, веля Хуану сопровождать её в свои покои.

– Но разве я не должна покинуть празднество со своим мужем? – удивилась Лукреция.
– Как же наша первая брачная ночь?

– Дитя моё, тебе ещё рано становиться женщиной, – ответил Александр VI.

Джованни Сфорца, застыл на месте, не сумев сказать ни одного слова. Он молча смотрел на Лукрецию, а та на него, потом на отца. Заметив это, Асканио Сфорца поспешил на помощь своему племяннику.

– Ваше Святейшество, Вы не допускаете жену к её мужу? – поинтересовался вице-канцлер.

– Кардинал Сфорца, Лукреция ещё слишком юна для супружеской жизни, – ответил Александр VI.

Асканио попросил Папу отойти вместе с ним в сторону и побеседовать наедине. Они подошли к одному из больших оконных проёмов.

– Ваше Святейшество, как это понимать? – недовольно спросил Асканио Сфорца. – Брак был заключён на законных основаниях, а теперь Вы препятствуете его консумации.

– Кардинал Сфорца, вы ошибаетесь, полагая, что Мы плетём интриги против вас. Лукреция действительно ещё не готова к тому, чтобы разделить с мужем одно ложе. Предлагаю подождать до ноября сего года.

– Уж не собираетесь ли Вы разорвать союз со Сфорца, воспользовавшись этой отсрочкой?

– Что за вздор, Асканио?

– Было бы уместнее задать этот вопрос Вам.

Александр VI нахмурил брови, в его голосе звучали металлические нотки.

– Не забываетесь, кардинал Сфорца. Вы смее подвергать сомнению слова верховного понтифика? Не вижу смысла продолжать эту глупую беседу.

Папа покинул вице-канцлера, подав знак Хуану, дабы тот проводил Лукрецию в её покои. В ту же минуту она вместе с братом растворилась во мраке, выйдя из зала. На душе у Асканио Сфорца было беспокойно. Слова Александра VI не убедили его. Кардинал был уверен, что Папа ведёт свою игру. Тут же к Асканио подошёл Джованни Сфорца.

– Не нравится мне это, – заявил Асканио, продолжая смотреть в сторону дверного проёма, через который вышли Хуан и Лукреция.

– И что же нам делать? – в недоумении спросил Джованни Сфорца.

– Последуем приказу Папы, но будь начеку. Борджиа редкостные хитрецы. Такой союзник полезен, но, когда он становится твоим врагом – неизвестно, откуда ждать удар. Кто знает, может быть, Его Святейшество жаждет сам овладеть Лукрецией? А может и её братья.

ГЛАВА VII

ФРАНЦУЗСКАЯ УГРОЗА

Рим, июнь 1493 года.

Свадьба Лукреции Борджиа и Джованни Сфорца, несмотря на то, что Александр VI не допустил дочь в постель к мужу, укрепила союз Рима и Милана. Вскоре из Испании пришли хорошие вести: Хуан Борджиа утверждён в правах на герцогство Гандийское, а семья Марии Энрикес де Луна выразила готовность отдать её за сына Папы. Александр VI тот час же отправил Хуана в Испанию, отослав немало подарков для своей невестки, а заодно и внушительную сумму денег.

– На тебя возлагается важная задача, сын мой, – напутствовал Хуана Александр VI. – В Испании ты продолжишь род Борджиа, там, где он и зародился. Относись с почтением к Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской, но главное – к своей жене и её семье. Не опозорь нашу фамилию.

Александр VI осенил Хуана Крестным знаменем, пожелав благоприятно добраться до Остии, откуда тот отплывёт в Испанию. Вернувшись к себе в кабинет, Папа разбирал письма от просителей, когда через полчаса примчался Франческо Гасет, сообщив о визите Фредерика д'Альтамурра, требовавшего срочной аудиенции.

– Как обстоят дела в Неаполе, синьор Фредерик? – довольно спросил Александр VI.

– Вы прекрасно знаете ответ, Ваше Святейшество, – сдержанно ответил Фредерик д'Альтамурра, хотя спокойный тон, с которым Папа произнёс эту фразу, задела его. – До нас дошли вести о свадьбе Лукреции и Джованни Сфорца, вопреки Вашим заверениям в дружелюбных отношениях к Неаполю. Король Ферранте в отчаянии.

– Кажется, Мы ясно дали понять, что союзу Рима и Неаполя не бывать, пока Вирджинию Орсини владеет частью папских земель. Однако же волею судьбы вы снова в Риме, и, вероятнее всего, намерены вновь просить Нашей поддержки.

– Волею судьбы и моего отца, Ваше Святейшество. Мне не к чему лукавить, положение Неаполя крайне тяжёлое. Мой отец угасает с каждым днём. Мало того, что Вы заключили союз со Сфорца, но Лодовико Моро заручился поддержкой Феррары, Мантуи и Сиены, а также самого короля Франции Карла Восьмого, гарантировав ему свободный проход через Милан. Вам ли не знать, когда жертва загнана в угол, она бывает ещё опаснее, ибо ей нечего терять. Зная о неизбежности вторжения в Неаполь, король Ферранте может ударить первым, направив свою армию на Рим.

Подперев кулаком подбородок, Александр VI задумался. «Вот значит, о каком мощном союзнике говорил Асканио Сфорца – Франция» – подумал Александр VI. В то же время Папа не мог допустить разграбления Рима неаполитанцами, но в противном случае этим могут заняться французы. Однако угроза, исходившая от Карла VIII, была ещё не столь близка, как решение Ферранте напасть на Рим. Его армия достигнет города намного быстрее французских сил. Это и был тот отчаянный шаг, о котором Александр VI не успел сказать Гасету, и всё же Папа думал, что у Ферранте не хватит мужества решиться на подобное. В любом случае было ясно, как день, – дальше заигрывать с Неаполем опасно.

– Быть посему, – заявил Александр VI, – Мы предложим Вирджинию Орсини компромиссное решение вопроса владения Черветри и Ангвилларой. При таких условиях Мы готовы рассмотреть возможность союза с королём Ферранте.

– Всецело надеюсь на это, Ваше Святейшество, но этот союз должен скрепить брак представителя Вашей семьи и моей. Король Ферранте надеялся, что Хуан Борджиа женится на

Санчи Арагонской, дочери герцога Калабрийского. Это принесёт ему княжества Сквиллаче и Кориати.

– Сожалеем, но Хуан женится на Марии Энрикес де Луна, – ответил Александр VI. – Однако взамен Мы предлагаем Нашего младшего племянника Джоффри.

Называя своих незаконнорождённых детей племянниками, некоторые Папы пытались доказать соблюдение celibата, но разумеется, мало кто этому верил.

Фредерик д'Альтамура изменился в лице. Стало понятно, что кандидат его не устроил.

– Джоффри? – переспорил он. – Ваше Святейшество, но он ещё слишком молод. Если не ошибаюсь, ему всего одиннадцать лет.

– А сколько Санчи?

– Ей шестнадцать.

– В таком случае Мы не видим никаких преград. Санчи повезло, в старости у неё будет молодой и красивый супруг, а мужчины из рода Борджиа не имеют изъянов, – с улыбкой произнёс Александр VI. – Но в ваших словах есть здоровое зерно, посему предлагаем с бракосочетанием подождать до Рождества.

С одной стороны Фредерик д'Альтамура был рад, что переговоры удалось сдвинуть с мёртвой точки, но с другой – потенциальный жених Санчи Арагонской его беспокоил. Принц рассчитывал на Хуана или Чезаре. Но первый вот-вот станет герцогом Гандийским, войдя в испанскую семью, а последний связан духовным саном. Кроме того, Фредерик опасался, что Александр VI может воспользоваться возрастом Джоффри, чтобы отказать Ферранте в браке с Санчей. Но учитывая обстоятельства, выбирать не приходилось. Необходимо было хвататься за любую возможность отвести беду.

– Со стороны Неаполя имеется ещё одно условие, Ваше Святейшество. Вы назначили кардинала Асканио Сфорца вице-канцлером, мой король требует его отстранения от, занимаемой должности, и удаление Асканио подальше от Рима.

– А кто же, по-вашему, должен заменить Асканио на посту вице-канцлера? – спросил Александр VI.

– Кардинал Джулиано делла Ровере. – ответил принц.

Минуту, Александр VI пребывал в раздумьях, удар, нанесённый Фредериком, попал в цель. «Уж не сам ли делла Ровере натолкнул Ферранте на эту мысль?» – думал Папа. Отстранение Асканио Сфорца означало бы войну с Миланом, а этого понтифик не мог допустить. Вскоре Александр VI собрался с мыслями и заявил:

– К сожалению, Мы не в состоянии выполнить последнее условие. Кардинал делла Ровере не раз выказывал свою ненависть, прилагая все усилия, дабы навредить Нам, не понимая, что наносит урон самой Церкви. В данной ситуации любой другой Папа, давным-давно отлучил бы его от церкви или приказал бы арестовать.

Выдержав небольшую паузу, Александр VI добавил:

– Впрочем, существует иное решение этого вопроса. Мы прощаем измену Джулиано делла Ровере и позволяем ему возвратиться в Рим, но кардинал Асканио Сфорца остаётся в городе, продолжая занимать должность вице-канцлера.

– Думаю, этот вариант вполне устроит моего государя, – недолго думая, ответил Фредерик.

Политика – дело тонкое и хрупкое, любое слово, сказанное некстати, или жест может повлиять на многое. Кто-то скажет – мелочь, – но в таком непростом ремесле мелочей не бывает. Политика сравнима с полосой препятствий, где только и успевай маневрировать между могущественными силами, а также в политике не обойтись без хитрости. Для общего блага приходится примиряться со своими заклятыми врагами, но в таком случае нужно всегда держать ухо востро.

– Теперь нам придётся вести двойную игру, Гасет, лавируя между Миланом и Неаполем, – сказал Александр VI, дождавшись ухода принца Альтамурского.

– Вероятно, делла Ровере рассчитывал, что после Вашего отказа выступить на стороне Неаполя, неаполитанские войска двинутся на Рим, низложив вас, – отозвался Франческо, молчавший на протяжении всей аудиенции. – Вот почему Ферранте заступился за делла Ровере. Низложив Вас, король поспособствовал бы избранию делла Ровере на папство, а тот, возможно, посулил Ферранте защиту от притязаний Карла.

– А может он вовсе не собирался защищать Неаполь. Ферранте для него лишь инструмент, с помощью которого он надеялся уничтожить меня, а затем просто передал бы Карлу Неаполь. А Ферранте просто был зол на мой отказ выступить на его стороне. Делла Ровере пойдёт по головам, только бы лишить меня тиары. Нет никакого сомнения – он ведёт свою игру. Но мне придётся вернуть его в Рим, соблюдая условия Неаполя.

– А Лодовико?

– Лодовико боится, что Ферранте всё же найдёт способ лишить его власти над Миланом, вернув её Джану Галеаццо. Поэтому Сфорца важно уничтожить Арагонскую династию в Италии, для чего он и обратился к Карлу.

Хищный взгляд Карла VIII в сторону Италии, а конкретнее в сторону Неаполя, не составлял большой тайны. Король выражал свои претензии на трон Неаполитанского королевства, ввиду того, что он происходил из династии Валуа, являясь родственником монархов Анжуйской династии, которые правили в Неаполе почти двести лет. В 1442 году они лишились Неаполитанских земель. Теперь Карл VIII желал вернуть себе то, что, как он думал, его по праву. Король верил, что ему это удастся, ведь французская армия считалась одной из лучших в Европе. Однако Лодовико Моро не собирался уничтожать Арагонскую династию путём усиления власти Франции на Апеннинском полуострове. Требовалось уничтожить сегодняшнего врага, не допустив усиления завтрашнего. После захвата Неаполя французские войска будут измотаны долгим походом. Тронувшись в обратный путь, они, как предполагал Лодовико, встретятся с ним. Тогда Моро продиктует королю свои условия, и если тот хочет увидеть родной Париж, выполнит их.

Лодовико Моро вполне мог бы соперничать с Александром VI по части хитрости и интриг. Ведь своими действиями Лодовико не только нанесёт удар по Неаполю, но и собьёт спесь с Борджиа, ведь французским войскам предстояло в обязательном порядке пересечь Папскую область.

ГЛАВА VIII

ДВОЙНАЯ ИГРА

Рим, июнь 1493 года.

На следующий день после отъезда Фредерика д'Альтамура в Рим в спешке прибыл посол Франции Перон де Баски. Аудиенция была короткой, буквально несколько минут. Французский посол прибыл в Рим с целью воспрепятствовать примирению Папы с королём Ферранте, а также требовать инвеституру на Неаполитанское королевство для Карла VIII. Но путь к отступлению был отрезан, поэтому Александр VI избрал единственный способ – отвергнуть предложение французского посла. В конце концов, враг, находящийся у самых границ опаснее врага, за много лиг. При этом Александр VI не разорвал союза со Сфорца, но был готов заключить его с Ферранте. Папа поймал себя на мысли, что поспешный союз с Миланом становится помехой. Перон де Баски вернулся домой ни с чем. Прибудь он в Рим раньше принца Альтамурского, возможно и сумел бы добиться желаемого.

Тем временем король Ферранте возрадовался, впервые за столько времени. Он был уверен, что его союз с Папой помешает вторжению французов в Неаполь. Вопрос о скреплении договора браком был решён, оставалось урегулировать спор с Вирджинио Орсини. Разумеется, Александр VI был категорически против отчуждения церковных земель, но ради своего блага, а также блага римлян, ему пришлось пойти на жертвы.

Днём Вирджинио Орсини был уже в Ватикане. Его провели в кабинет Александра VI. Тот тепло поприветствовал гостя, но Вирджинио старался не терять бдительность, ведь он знал, к кому пришёл.

– Трудно представить, насколько вы удивлены, синьор Орсини, – с радушной улыбкой начал Александр VI. – Наш спор о купленных вами, землях изрядно затянулся. Думаю, пришло время покончить с ним, вы согласны?

– Безусловно, Ваше Святейшество.

Вирджинио не переставал удивляться происходящему, он непрерывно выискивал подвох в словах Папы, зная, что Борджиа опасно доверять.

– Безусловно, Нам тяжело отрывать ленные земли от церкви, но данный вопрос не может вечно оставаться нерешённым, – добавил Папа.

– И каково же Ваше предложение?

– Оно таково: вы, синьор Орсини, сохраняете за собой Черветри и Ангвиллару до конца жизни, но после вашей смерти, земли будут возвращены во владение церкви. А в качестве компенсации за временное отчуждение церковных территорий вы заплатите ту же сумму, за которую приобрели земли у Франческетто Чибо – сорок тысяч дукатов. Вполне справедливая сделка, не находите?

На удивление Вирджинио Орсини не пришлось долго уговаривать, и он согласился с предложением Александра VI. Договор был подписан, и теперь союзу Рима и Неаполя ничего, кроме союза с Миланом, не мешало. Однако французы скоро должны были вступить на земли Италии, и Александр VI принял необходимые меры, по укреплению собственных позиций. Он созвал консисторию, на которой собирался объявить имена новых двенадцати кардиналов, за счёт которых состав Коллегии увеличился почти наполовину. За полчаса до начала консистории, Александру VI сообщили о приезде кардинала Джулиано делла Ровере. Папа велел привести его к себе в кабинет. Встретившись взглядами, соперники минуту молчали. Крепко сложенный, не уступавший в росте Александру VI, с ямочкой на подбородке, классическим носом, заметными скулами и бородой, растущей в основном по линии челюсти, слабо доходя до щёк, Джулиано делла Ровере являл собой образ храброго, бесспорно умного и хитрого человека.

Он был племянником покойного Папы Сикста IV, благодаря которому и стал кардиналом Сан-Пьетро-ин-Винколи, должность которого ранее занимал сам Сикст IV. Джулиано делла Ровере редко улыбался, казалось, что его лицо высечено из камня руками виртуозного скульптора. А с того дня, как тройная тиара ускользнула из его рук, он вечно ходил мрачный. Никто не пытался умалить храбрость и настойчивость Джулиано делла Ровере, ярчайшим примером того является борьба с Борджиа. В отношении этого семейства делла Ровере был несгибаем, поставив перед собой цель – искоренить этот сорняк из сада Святой Матери-Церкви. Кто ещё мог так упорно и изощённо плести интриги против Борджиа? Однако после помощи Вирджинии Орсини в сделке с Франческетто Чибо и поддержки короля Ферранте Джулиано, не смотря на свой храбрый нрав, решил перестраховаться, укрывшись в Остии, выжидая выступления армии Неаполя к Папской области. В общем, Джулиано делла Ровере делал всё возможное, чтобы сбросить Борджиа с той вершины, которую они заняли. Казалось, само существование этой семьи оскорбляет делла Ровере. Мало того, что он проиграл этому испанцу, так ещё Александр VI окружал себя многочисленными сторонниками, руша один план делла Ровере за другим. Всё это раздражало кардинала, подпитывая его злобу к Родриго Борджиа, который к тому же ещё много лет назад увёл у делла Ровере Ванноццу деи Каттанеи. Но Джулиано знал – его час настанет. В то же время кардинал был в замешательстве, прознав о примирении Папы с Орсини и Ферранте. Делла Ровере вновь потерпел неудачу, полагая, что армия Ферранте подойдёт к границам Папской области, после чего в игру включится сам Джулиано, поддерживаемый Орсини и Колонна. В этом случае, по задумке кардинала, Борджиа не выдержал бы двойного внешнего и внутреннего, в стенах Рима, натиска. Но делла Ровере не предполагал, что Александр VI сумеет достигнуть соглашения с, казалось бы, ещё вчерашними врагами. Как Джулиано делла Ровере не старался скрыть своё презрение к Борджиа, но его хмурое выражение лица говорило само за себя. Эта искра ненависти горела в его глазах. Но Александр VI не обращал на это внимания, первым нарушив молчание:

– Мы рады вновь видеть вас в Риме, кардинал делла Ровере. Выглядите довольно свежо и бодро. Путешествия пошли вам на пользу.

– Любой человек расцветает в путешествиях, открывая для себя что-то новое, – ответил Джулиано. – Рекомендую Вам, Ваше Святейшество, тоже чаще совершать прогулки.

– Благодарю, кардинал делла Ровере, Мы учтём ваш совет. Но сейчас нам лучше поспешить. Через несколько минут начнётся консистория, на которой будут объявлены имена новых членов Священной коллегии.

В зале Понтификов собрались все кардиналы, сидевшие друг напротив друга, образуя живой коридор, а на троне восседал Александр VI. По правую руку от него стоял Франческо Гасет, скрестив руки на животе, а по левую – церемониймейстер Бурхард со свитком в руках. Подняв руку, Папа попросил тишины, после чего велел Бурхарду зачитать имена новых членов Священной коллегии.

– В соответствии с решением Верховного Понтифика Александра Шестого, – начал Бурхард, – новыми кардиналами, входящими в состав Священной коллегии, становятся следующие служители церкви: Джан Антонио ди Сан-Джорджо, Фредерик Казимир Ягелон, архиепископ Краковский, Бернардино Лопес де Карвахаль, Жан де Билер-Лагрола, аббат Сен-Дени, Раймон Перо, Джон Мортон, епископ Кентерберийский, Ипполито д'Эсте, Доменико Гримани, Бернардино Лунати, Джулиано Чезарини, Алессандро Фарнезе...

После слов Бурхарда об Алессандро Фарнезе послышались недовольные высказывания, заставившие Бурхарда прерваться. Александр VI вновь потребовал тишины, велел Бурхарду продолжать.

– ... Чезаре Борджиа, архиепископ Валенсии, – окончил Бурхард.

Недовольство кардиналов усилилось. Причина тому была проста: их не устраивали два последних имени в списке новых кардиналов.

– Фарнезе?! Почему Фарнезе? – возмущался кто-то из князей церкви.

– Что? Ещё и Борджиа? Предыдущие кандидаты ещё куда ни шло, но Фарнезе и Борджиа! Это просто возмутительно! – гремел уже почти весь зал.

– Тишина! – закричал Александр VI, поднявшись с трона.

Под сводами огромного зала ещё несколько секунд звучал его крик, подобно грому.

– Прежде, чем противиться воле понтифика, вспомните, что находились и те, кто не приветствовал ваших назначений, – добавил Папа. – Мы убеждены, что все перечисленные служители церкви заслужили носить кардинальскую шапку.

– Особенно Фарнезе и Борджиа, – язвил Джулиано делла Ровере.

Некоторые кардиналы моментально подхватили это и встали на сторону делла Ровере.

– Не следует так акцентировать внимание на Алессандро и Чезаре. – ответил Александр VI. – И Алессандро и Чезаре вполне готовы стать князьями церкви. На этом всё, таково Наше решение. Или кто-то ещё хочет высказаться?

Ответа не последовало, никто более не посмел сказать слово поперёк Александру VI, но вовсе не потому, что разделял его точку зрения, а потому, что перечить ему было не только бессмысленно, но и опасно.

– Консистория завершена по решению Его Святейшества Папы Александра Шестого, – громко произнёс Бурхард.

Александр VI покинул зал, а вслед за ним Бурхард и Франческо Гасет. Папа продумал всё весьма недурно, угодив Милану, Венеции, Ферраре, Англии, Германии, Франции, Испании, а также Венгрии и Польше, что сделало почву под Александром VI более устойчивой в предстоящих дипломатических схватках. Ведь теперь, государства, имевшие своего представителя в Священной коллегии, не посмеют даже заикнуться о низложении Александра VI, зная, кому обязаны этими назначениями. Среди новоиспечённых кардиналов находились и родственники Папы. Джулиано Чезарини был членом одной довольно влиятельной римской семьи. Ещё в 1482 году он женился на одной из первых дочерей Александра VI Джироламе, породнившись с Борджиа.

Дождавшись ухода Александра VI, кардиналы, как по команде, встали со своих кресел, и скучковались, бурно обсуждая сложившуюся ситуацию. Лишь пять кардиналов отделились от основной группы, и отошли в сторону, выйдя в коридор. То были кардиналы Пикколомини, Сансеверино, Колонна и Савелли, возглавляемые Джулиано делла Ровере.

Первым заговорил кардинал Пикколомини:

– Думаю, теперь наш казначей Алессандро с гордостью может носить имя Френъезе², зная, благодаря кому он получил шапку кардинала. Вне всякого сомнения, Его Святейшество многое перенял от своего дяди, Каликста, но пошёл намного дальше него. Хуан вошёл в семью испанских монархов, брак Лукреции обеспечил союз Борджиа с Миланом, Джоффри вот-вот станет частью Арагонской семьи, а Чезаре сможет бороться за престол Святого Петра. Борджиа пытаются построить свою империю.

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовался Савелли.

– А то, что коли так будет продолжаться, недалог тот час, когда испанцы вновь начнут стекаться в Рим, в надежде получить у своего соотечественника Борджиа лакомый кусок.

– Значит, погоним их обратно как делали это прежде, – решительно заявил Колонна. – Империи имеют свойство возвышаться и падать.

Предводитель этой компании, кардинал делла Ровере по-прежнему не проронил ни слова, а терпеливо выслушивал мысли своих единомышленников.

² Итальянская игра слов, обозначающая половой акт, а в данном случае вариацию прозвища, полученного Алессандро Фарнезе – «кардинал от юбки». Поскольку Алессандро стал кардиналом благодаря своей сестре Джулии Фарнезе.

– Остыньте, братья, сейчас у нас есть проблема посущественнее nepотических наклонностей Борджиа, – внезапно вставил Сансеверино.

– Согласен, – сказал Пикколомини, взглянув на делла Ровере – Джулиано, ты уверял нас, что сделка между Орсини и Чибо спутает Борджиа карты, а что на деле? Папа не только разрешил конфликт с Вирджинио, но и породнился с Ферранте, который, как мы рассчитывали, обнажит меч против Папы. А теперь свергнуть Борджиа с престола Святого Петра стало ещё труднее.

– Не забывайте ещё про Хуана, вошедшего в семью испанских монархов, – подхватил Колонна. – А также Джоффри, который вот-вот женится на Сачне Арагонской.

Наконец своё слово сказал и делла Ровере, понимая, что Александр VI и впрямь переиграл его.

– Успокойтесь, мы проиграли битву, но не войну. Прискорбно, что Неаполь не помог нам отрубить голову этой змее Борджиа. Значит, обратимся к другому королю, который сделает это.

– Интересно к кому же? – спросил Савелли.

– К королю Франции, – ответил Джулиано. – Не забывайте, что армии Карла VIII надобно пройти через Папскую область, прежде чем достичь Неаполя. Мы ещё сумеем загнать Борджиа в угол. Я немедленно отправляюсь в Париж. Придётся поторопить Карла выступить в поход, а заодно, я попытаюсь убедить его созвать Великий совет.

Великий совет выступал, в какой-то степени, ограничителем папской власти. С его помощью Папа мог быть низложен, чем и собирались воспользоваться кардинал Джулиано делла Ровере и его союзники, для свержения Александра VI. Однако Папа всё же сумел внести разлад в ряды своих недругов, но двойная игра, которую он вёл, рано или поздно должна была прекратиться. Настанет момент, когда ему придётся решить, кому Борджиа окажут поддержку: Милану или Неаполю.

ГЛАВА IX

ОШИБКА БОРДЖИА

Рим, октябрь 1493 года.

Утром Чезаре, теперь облачённый в алую мантию кардинала, был уже у отца. Отныне он носил сан кардинала Санта-Мария-Нуова, хотя предпочитал называть себя кардиналом Валенсийским, поскольку также возглавлял и эту епархию. Александр VI, меряя комнату шагами, был явно чем-то озадачен.

– Боюсь, Чезаре, мы допустили ошибку, согласившись на союз со Сфорца, – начал он. – Мы не можем позволить Карлу захватить Неаполь. Теперь, когда мы ясно дали понять, что намерены пойти на сближение с Ферранте, делла Ровере откредитится от него, присоединившись к Франции. Мы дали своё согласие на союз с Миланом, но вовсе не собирались потворствовать Франции, а это сделает нас врагами в глазах Сфорца. Посему, если Карл захватит Неаполь, мы окажемся в кольце: с севера будет давить Сфорца, с юга – Франция, подталкиваемая делла Ровере, который не оставит попыток свергнуть меня, пусть и руками Карла. Оказав отпор Милану и Франции, мы обрежем все нити заговора делла Ровере. Мы должны разработать план обороны Рима от французов. Отправляйся вместе с кардиналом Фарнезе в Орвието, что к северу от Рима. Нынче в городе разруха, но он ещё может послужить нам, прикрыв подступы к Риму. Это задержит армию Карла. Но необходимо возвести новые укрепления, отремонтировать крепостные стены и прочее. О деньгах не беспокойся, я выделю вам с Алессандро необходимую сумму.

Чезаре что-то хотел спросить у отца, но в этот момент вошёл Франческо Гасет.

– Ваше Святейшество, кардинал делла Ровере покинул Рим, – сказал он.

– Так я и думал, – усмехнулся Александр VI. – Бежал будто напакостивший ребёнок, и отправился во Францию, дабы настроить Карла против меня.

– Но ведь он продолжит строить свои козни, – вставил, до сих пор молчавший, Чезаре.

– Пусть строит, но лучше за пределами Папской области, нежели у меня под боком, – спокойно ответил Александр VI.

– Нужно было с ним покончить ещё год назад, – не унимался Чезаре. – Он должен заплатить за те оскорбления и клевету, которыми осыпал нашу семью.

– Остынь, Чезаре, отыщи сдержанность в своём сердце. Не позволяй гневливости затуманивать твой разум. Если я стану реагировать на каждое оскорбление, брошенное в мой адрес, то придётся арестовать пол Италии, если не пол Европы. Запомни, ты никогда не заставишь всех молчать и возносить тебя до небес. Всегда найдутся те, кто будут тебя ненавидеть, даже сквозь века, когда ты покинешь этот мир. Я не предлагаю закрывать глаза на унижения, но нужно верно рассчитать время и момент для ответного удара. Учись пропускать мимо ушей многие нападки, сын мой. Зачастую люди швыряются оскорблениями, подражая большинству, или от незнания всей подноготной, а иногда просто из слабости. Я не хочу начинать свой понтификат с мести. Да и к чему делать из делла Ровере мученика, независимо от способа, которым я уберу его с дороги? Я не собираюсь уподобляться ему.

– Но новый правитель, не колеблясь ни секунды, должен избавляться от тех, кто может представлять для него угрозу.

– Ты говоришь как мирской государь, но сан понтифика – дело иное и более сложное.

– Душой я и есть мирянин, жаждущий править и вести армию в бой, а не проводить целые дни в молитвах.

Александр VI понимал, к чему клонит Чезаре, но желая избежать очередного спора, он перевёл взгляд на Франческо Гасет, терпеливо ждавшего окончания словесного поединка отца и сына.

– Что-нибудь ещё, Гасет? – спросил Папа.

– Да, из Испании пришли скверные вести о Хуане. В Барселоне не стихают разговоры о его разгульном образе жизни и неутолимой страсти к низкопробным удовольствиям.

Слушая Гасета, Чезаре усмехнулся, скрестив руки на груди. Когда же Гасет замолчал, кардинал Валенсийский сказал:

– Видимо плод власти и свободы столь сладок, что опьянил Хуана до потери рассудка.

Александр VI было неприятно слышать подобное о сыне, на которого он возлагал ничуть не меньше надежд. Хуан сильно контрастировал на фоне Чезаре. Не смотря на то, что они родные братья, но казалось, совершенно разные люди, вобравшие в себя противоположные друг другу, качества. Хуан получил желаемое, но своим поведением умудрился доставить неприятности своей семье. Чезаре, вопреки своему желанию, стал кардиналом, и прекрасно справлялся с этой должностью.

– Чезаре, прошу тебя, напиши Хуану, отрезви брата, – досадно произнёс Александр VI.
– Будь его разумом и советчиком, но не соперником.

За три дня до отъезда в Орвието Чезаре, как и просил отец, написал Хуану, в надежде образумить брата, пока тот не сотворил то, что может навредить семье ещё гораздо сильнее, нежели пустые слухи и донесения.

«Даже мой кардинальский сан не огорчает меня столь сильно, как твои омерзительные деяния, брат. До Его Святейшества уже дошли известия о твоих пьяных ночных прогулках, в ходе которых ты убиваешь собак и котов, а также посещаешь публичные дома, развлекаясь с потаскухами. И это вместо того, чтобы предаваться упорядоченной супружеской жизни и повиноваться твоему тестю дону Энрикесу, а самое главное – почитать свою жену донью Марию? Ты огорчаешь нас, Хуан. Отец наделил тебя такими возможностями, за которые я многое бы отдал, но ты крайне глупо ими распоряжаешься. Призываю тебя, оставь эти, неподобающие для герцога, занятия, иначе навлечёшь на себя беду. Своими легкомысленными поступками ты не только выставляешь себя на посмешище, но и ранишь семью. О Борджиа и без того ходят тошнотворные слухи, а ты только подбрасываешь поленья в этот костёр, который мы тщетно пытаемся погасить. Ты неосознанно даёшь нашим врагам новые темы для обсуждения, и поводы возвести поклёп на наш род. Искренне надеюсь, что ты меня услышал Хуан.

Твой брат, кардинал Валенсийский».

Но Хуан отреагировал весьма неожиданно для Чезаре. Вместо того, чтобы прислушаться к советам брата, он ошетинился. Хуану определённно не нравилось, когда его пытались поучать, особенно Чезаре, который всюду старался быть первым, готовый достичь любой цели всеми возможными способами. Разумеется, между братьями всегда присутствовал дух соперничества. То, что Чезаре завидовал Хуану, не составляло секрета, да и среди родных братьев это не считается диковинкой, чем и воспользовался герцог Гандийский. Он обвинил брата в зависти его положению, заявив, что не нуждается в его советах, не преминув указать ему на сан, которым обременён Чезаре. Несомненно, кардинал Валенсийский был задет столь резкой реакцией брата, но не стал посылать ответное письмо, зная, что добром это не кончится. Хуан озлобится ещё больше, считая, что Чезаре пытается занять его место. Герцог довольно остро переживал собственные обиды, не считаясь с другими.

ГЛАВА X

АЛЕКСАНДР VI МЕНЯЕТ ЛАГЕРЬ

Рим, март 1494 года

Проведя несколько месяцев в Орвието, кардиналы Борджиа и Фарнезе вернулись в Рим. Новый 1494 год начался довольно печально для Неаполя. Старый король Ферранте скончался, проведя свои последние недели в страхе, что в дверь его покоев войдёт гонец с известием о вступлении французов на земли Италии, а Александр VI как назло медлил с отъездом своего сына Джоффри в Неаполь. Ферранте уже начал подозревать, что Папа собирается предать его, оставив на растерзание Франции. На почве отчаяния несчастного короля начали всё чаще посещать мысли о попытке примирения с Лодовико Моро и Карлом VIII. Быть может, Ферранте надеялся воззвать к их милосердию? Но судьба рассудила иначе. Стало известно, что неаполитанские послы были высланы из Франции, что стало сигналом того, что Карл VIII завершил подготовку к походу, и вот-вот тронется в путь. Эта весть окончательно добила и без того подорванное здоровье Ферранте, который так и не узрел ожесточённой борьбы за его королевство.

Однако и в Ватикане было далеко не всё так гладко. Каждая консистория непременно становилась полем битвы между сторонниками Арагонского дома, и Сфорца с Карлом VIII. В Коллегии кардиналов произошёл раскол. Как только Александр VI публично объявил, что считает Альфонсо ди Калабрия, сына покойного Ферранте, истинным наследником неаполитанского трона Асканио Сфорца с ужасом понял, что Папа более не собирается поддерживать Милан, а потому решил присоединиться к единомышленникам Джулиано делла Ровере: кардиналам Пикколомини, Сансеверино, Колонна и Савелли. Асканио твёрдо решил отстаивать интересы своего брата Лодовико Моро, даже идя против воли Папы, который в свою очередь явил своё вероломство в отношении Милана.

В преддверии своего выступления в Италию, Карл VIII решил дать Александру VI ещё один шанс прислушаться к голосу разума, в выборе сторон конфликта.

– Ваше Святейшество, Вас хочет видеть посол Франции, Перон де Баски, – войдя в кабинет, объявил Франческо Гасет.

– Снова он, – хмуро произнёс Папа. – А Карл настойчивее, чем я ожидал. Зови.

Через несколько минут появился высокий, худой человек примерно тридцати лет.

– Итак, с чем же вы прибыли в Рим на сей раз? – спросил Александр VI.

– Не вижу смысла повторять это, Ваше Святейшество, – отрезал посол. – Вам прекрасно известно, чего требует мой король: предоставить его войскам свободный проход через Папскую область, а также инвеституру на правление Неаполем, после чего короновать его как законного короля Неаполитанского королевства.

– В таком случае, Мы не видим смысла давать ответ на просьбу короля, ибо он остаётся неизменным. Мы признаём Альфонсо ди Калабрия законным наследником короны Неаполя, – в тон ответил Александр VI.

– Вы играете с огнём, Ваше Святейшество, а это, как вам известно, опасное занятие. Опрометчиво гневить моего короля, поскольку ему будет нетрудно лишить несговорчивого Папу тиары. Тем паче, что Европа слухами полнится о тех способах, которыми вы проложили себе дорогу к престолу Святого Петра.

Брови Александра VI сошлись у переносицы, а губы поджались. Медленно поднимаясь с трона, он пригвоздил дерзкого посла суровым взглядом.

– Ты смеешь угрожать Нам, наглец?! – закричал Папа. – Верховному понтифику? Напрасно и глупо, Мы не принадлежим к числу трусов. Наш ответ остаётся неизменным. А

теперь, коль вы хотите увидеть Париж и своего короля, сейчас же покиньте Рим. Аудиенция окончена.

У подножья лестницы, ведущей на площадь Святого Петра, стоял эскорт, окруживший карету, окна которой закрывали шторы с гербом Неаполя. Кавалькада явно кого-то ожидала. В это время Александр VI давал последние напутствия ДжофFRE.

– Сегодня ты открываешь новую страницу своей жизни, сын мой. Пришло время тебе повзрослеть, приняв участие в строительстве королевства Борджиа, стать настоящим мужчиной. Я молю тебя лишь об одном, не повторяй ошибок своего брата Хуана. Не опозорь нашу фамилию. Ты должен произвести впечатление на Санчу Арагонскую и короля Альфонсо.

– Но отец, Санча намного старше меня, – возразил ДжофFRE. – Не думаю, что мне под силу расположить её к себе.

– Не смотри на свой ещё слишком юный возраст. Ведь ты не уродлив и не прокажённый. Уверен, со временем, Санча поймёт, как ей повезло с мужем. Помни, ты Борджиа, а не простолоудин.

Чезаре и Лукреция проводили младшего брата до выхода из папского дворца. На улице ДжофFRE уже ожидали его сопровождающие, сообщившие, что всё готово для отъезда. Лукреция поцеловала брата в щёку на прощание, и тот неохотно последовал за своими спутниками к карете. На душе у ДжофFRE было тяжело. Ему было трудно покинуть Рим и семью. В голове младшего Борджиа мысли кружились в яростном вихре вперемешку со страхом, страхом неясности. Он ехал в неизвестность, не представляя, как будет жить вдали от родного дома. Но такова была воля его отца. Александр VI окончательно признал сына покойного Ферранте Альфонсо II законным королём Неаполя, а значит, пора было выполнить условие договора и позволить ДжофFRE сочетаться узами брака с дочерью короля, скрепив союз Рима с Неаполем.

Провожая взглядом удалявшийся кортеж, Лукреция обратилась к Чезаре, который стоял от неё по правую руку.

– Неужели ради благополучия нашей семьи мы должны исполнять роль марионеток, которым не дано вершить собственную судьбу? – спросила она.

– Я уже говорил, Лукреция, это жертва, которую мы приносим во имя процветания нашей семьи, – ответил Чезаре – Одному Богу известно, что было бы с нами, если бы не отец. Чем скорее ты это поймёшь и примешь, тем скорее тебе станет легче. Нам нужны союзы, они наш фундамент, который не должен пошатнуться, а значит, мы тоже должны быть нестигаемы перед любыми обстоятельствами.

– Я это уже слышала, но мне трудно принять роль пешки в чужой игре.

– Такова воля Папы, Лукреция, и не нам её осуждать, – заключил Чезаре.

После свадьбы с Санчей Арагонской ДжофFRE, как и было обещано, получил герцогство Сквиллаче и графство Кариати, а чтобы выразить свою благодарность Александру VI и одновременно упрочить его благоволение Неаполю, Альфонсо II подарил Хуану Борджиа, княжество Трикарико и графства Кьярамонте и Лаурия. Сомнений больше не было, Папа окончательно решил встать на защиту Неаполя, но по-прежнему не расторг союз с Миланом, что беспокоило мужа Лукреции. Поскольку Джованни Сфорца отныне принадлежал не только к семье Сфорца, но и Борджиа, он находился меж двух огней. Кроме того, союз Рима и Неаполя печалил Джованни, поэтому он решил обсудить сложившуюся ситуацию с Папой, но получил довольно суровый ответ:

– Вы слишком часто стали интересоваться моими делами, Джованни. Впредь советую вам более не повторять этой ошибки. Я терпелив, но у всего есть предел. Что же до ваших мук, выбор за вами.

В полдень Александр VI позвал к себе Лукрецию. Поскольку политический накал усиливался, он решил прибегнуть к радикальным мерам.

– Дитя моё, тебе необходимо уехать из Рима, – сказал Александр VI, приобняв дочь за плечи. – Вместе с тобой поедут Джулия и Адриана. Отправляйтесь в Пезаро, владения твоего мужа. Джованни будет сопровождать вас, я приказал ему собрать войска и оказать помощь неаполитанской армии в борьбе с французами в Романье.

– Значит опасность намного существеннее, нежели я думала? – испуганно спросила Лукреция.

– Тебе не о чем волноваться, объединившись с Неаполем, мы разобьём армию Франции, и всё же, я не могу рисковать вами. Французы пойдут на Рим, поэтому вы должны быть за его пределами как можно дальше.

– Но как же ты? Отец, молю поезжай с нами. Ведь теперь, когда мы встали на сторону Неаполя, тебе угрожает опасность от сторонников Франции, которые остались в Ватикане.

На опасения дочери Александр VI ответил лишь спокойной улыбкой.

– Я понимаю причину твоего страха, дитя моё, но не могу покинуть Рим. Оставить город в такой час, значит лишиться себя тиары и передать её делла Ровере, который тут же объявит о моём низложении. Поезжай, и молись за наше благополучие.

Александр VI осенил дочь крестным знамением, после чего поцеловал в лоб. Глаза Лукреции блестели от слёз, она боялась за жизнь отца.

– Если ты не можешь уехать из Рима, то будь осторожнее, – сказала Лукреция и удалилась.

– Гасет, ты поедешь с ними, – сказал Папа, обернувшись к Франческо, стоявшему позади. – Докладывай мне обо всём важном.

Узнав о приезде Лукреции Борджиа со своими спутницами и мужем, Пезаро был украшен цветочными гирляндами, триумфальными арками и прочеё мишурой. Но в день прибытия высоких гостей в Пезаро на город обрушился ливень, сорвавший цветочные гирлянды и валивший установленные арки, а жонглёры, акробаты и музыканты вмиг разбежались под крыши и навесы. Однако весьма тёплый приём, оказанный высоким гостям, скрасил это прохладную непогоду. Разместившись в своих апартаментах, Лукреция тут же написала отцу о благополучном прибытии в Пезаро. Следующие несколько дней Лукреция, точно маленький ребёнок, с любопытством изучала владения, которые теперь принадлежат и ей, как жене Джованни Сфорца. Пезаро, рассекаемый извилистой лентой реки Фолья, был зажат между живописными зелёными холмами. Улицы, вымощенные булыжником, в некоторых районах имели крутые уклоны, а из дворца, где поселили Лукрецию, Джулию и Адриану, открывался прекрасный вид на Адриатическое море, в которое впадала река Фолья. Несмотря на это великолепие, летом в этой резиденции было очень жарко, но недалеко от города находилась «Императорская вилла», построенная примерно в середине пятнадцатого века. Пленяющая своими тихими садами, благоухающими свежестью, а также просторными залами, вилла позволяла укрыться от городского шума.

Лукреции определённо нравилось в Пезаро, о чём она сообщила в письме своему отцу. В ответ Александр VI снова велел женщинам оставаться в Пезаро. Но им отнюдь не приходилось скучать, особенно Лукреции и Джулии. Они с головой погрузились в безудержное веселье, светские мероприятия, танцы, поражавшие пёстрым калейдоскопом роскошных нарядов. Лукреция без устали меняла платья несколько раз за день, соревнуясь с Джулией в их роскоши и моде. Кроме того, Лукреция активно заводила новых друзей, среди которых была, недавно приехавшая в Пезаро, Катерина Гонзага, супруга графа Оттавиано де Монтевеккья. Между ней и дочерью Александра VI завязалась крепкая дружба, которой Катерина, как она неоднократно говорила, очень дорожит. О самой Лукреции Катерина Гонзага отзывалась безукоризненно,

одаривая её комплементами. Она восхищалась её умом и манерами настоящей дамы. В общем, в Пезаро царил мир и радостная суматоха, словно на горизонте вовсе не было никакой войны, но в действительности, она была близка как никогда.

ГЛАВА XI

ПРОТЕСТ ДЖУЛИИ ФАРНЕЗЕ

Пезаро, июль 1494 года

За окном стояла чудесная погода, приглашавшая горожан покинуть свои дома, дабы пройтись под тёплыми лучами летнего солнца и насадиться звонким пением птиц, паривших в голубом небе. Ребристая поверхность лазурного моря бликами играла на солнце подобно драгоценным камням, волнами разбиваясь о берег. Но Лукреция, сражённая недугом, не выходила из покоев, освещённых солнечным светом. Джулия навещала свою подругу почти каждый день, а вот Джованни наносил визит своей жене не столь часто, по причине его занятости подготовкой армии. Лёжа в кровати, Лукреция думала об отце и о брате, моля Бога, убережь их от беды. С севера постоянно приходили дурные вести, о том, что Карл VIII вот-вот выступит на Италию. Вокруг Лукреции суетилась её камеристка Пентасилея, когда в комнату вошла Джулия. Она села у изголовья кровати, одарив Лукрецию дружеской улыбкой. Пентасилея отошла к окну, сложив руки перед собой.

– Как сегодня чувствует себя моя дорогая подруга? – как всегда в энергичной манере спросила Джулия.

– Сегодня гораздо лучше, – улыбнувшись, тихо ответила Лукреция. – Однако ещё немного кружится голова.

– Ничего, скоро ты выздоровеешь, а чтобы это произошло как можно быстрее, я тебе кое-что принесла, – при этих словах Джулия, протянула Лукреции красное яблоко, источавшее сладкий аромат. – Фрукты пойдут тебе на пользу.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарила Лукреция Джулию, взяв яблоко. – Джованни не проявляет ко мне столь пылкой заботы. Он поглощён подготовкой к войне.

– К слову о нём, ты его жена уже год с небольшим. Как тебе Джованни?

– Трудно сказать. Я была бы счастлива, освободиться от уз брака, которые связывают меня с ним. В моём сердце нет любви к Джованни. За столько времени я научилась жить с ним по привычке. Даже в постели с ним я не испытываю удовольствия, зная, что всё происходит не по любви. Наши отношения подобно зимнему холоду.

Диалог Лукреции и Джулии прервала, вбежавшая в комнату, Адриана де Мила. На её лице застыла гримаса тревоги. Лукреция и Джулия переглянулись. Обе подумали самое страшное: французы вошли в Рим, Александр VI низложен или вообще мёртв, а на престол Святого Петра взошёл Джулиано делла Ровере.

– Джулия, пришло письмо из Каподимонте, – наконец сказала Адриана. – Твой старший брат Анджело тяжело болен, и с каждым днём ему становится хуже. Врачи пытаются сделать всё возможное, но боюсь, что это бесполезно. Мы должны немедленно ехать в Каподимонте.

Джулия резко подняла голову, смотря на свою свекровь влажными, от подступающих слёз, глазами.

– Конечно, – дрожащим голосом ответила Джулия, смотря на Адриану влажными от подступающих слёз, глазами.

Адриана молча вышла из комнаты, за ней собиралась последовать и Джулия, но вдруг Лукреция, собравшись силами, встала с кровати, одетая в длинную ночную рубашку, и схватила её за руку. Лукреции, ещё неуверенно стоявшей на ногах, казалось, что пол под её ногами плывёт, поэтому ухватилась за одну из опор рамы балдахина, висевшего над кроватью.

– Джулия, молю не покидай Пезаро, – уговаривала её Лукреция. – Папа запретил нам выезжать за пределы города, это опасно.

– Я не могу, Лукреция, – всхлипывала Джулия. – Анджело мой брат, он часть моей семьи. Будь ты на моём месте, поступила бы также.

– Я понимаю, твоё горе, но Его Святейшество дал нам чёткие указания. Быть может, следует написать ему и испросить совета? Ведь он предупреждал о приближающихся военных действиях.

– Нет, за это время Анджело может испустить дух, и я не успею попрощаться с ним. Мы с Адрианой едем в Каподимонте. Не беспокойся, уверена, мы благополучно доберёмся до города, избежав встречи с французами.

Обняв подругу, Джулия покинула комнату, а Лукреция, поддерживаемая Пентасилеей, рухнула в постель. Внезапно она попросила камеристку подать колокольчик. Лукреция позвонила, и в дверях появился слуга, которому она велела немедленно позвать её мужа. Через несколько минут Джованни Сфорца уже был в покоях жены, подгоняемый опасением, что её стало хуже.

– Лукреция, в чём дело? – спросил Джованни.

– Джулия и Адриана собираются ехать в Каподимонте. Отговори их, убеди остаться в Пезаро и не покидать его, пока не поступит соответствующее распоряжение Папы. Меня они не послушали.

– Но Лукреция, почему тогда они должны прислушаться ко мне, если даже твои попытки переубедить их не оправдались?

– Потому что, позволив им уехать, мы навлечём на себя гнев Его Святейшества, не попытавшись уберечь тех, кто ему дорог, от беды. Поэтому иди, и хотя бы попытайся отговорить их от опасного путешествия.

Последовав просьбе Лукреции, Джованни отправился к Джулии и Адриане, дабы отговорить их от рискованной поездки. Однако вернувшись в жене, Джованни лишь пожал плечами, объяснив, что все уговоры бесполезны. Горе Джулии и Адрианы настолько велико, что всякие доводы бессильны. Рано утром следующего дня Джулия и Адриана выехали в Каподимонте. Лукреция не смогла проводить их, поскольку её силы ещё не восстановились. К сожалению, Анджело вскорости скончался, а Джулия и Адриана, убитые горем, решили остаться в Каподимонте на некоторое время.

Франческо Гасет поспешил сообщить Александру VI о непредвиденном отъезде Адрианы и Джулии. Как и предупреждала Лукреция, Папа обратил свой гнев против неё и Джованни Сфорца, направив в Пезаро короткое, но весьма резкое письмо.

«Воистину, Лукреция, ты, и твой муж разочаровали меня. Осознавая всю серьёзность политической ситуации из-за приближающейся войны, и игнорируя мой запрет покидать Пезаро, вы всё же позволили Джулии и Адриане выехать в Каподимонте. Хотя вам было прекрасно известно, что это вызовет моё негодование. Я очень огорчён, Лукреция, мне больно, от того, что даже моя дочь ведёт свою игру против меня, да ещё и в сговоре со своим мужем.

Папа Александр VI».

Как дочери, Лукреции было неприятно читать обвинения в заговоре против отца, да ещё от него самого. Но она понимала, сколь дороги ему Джулия и Адриана, поэтому поспешила развеять все подозрения Александра VI ответным письмом, выдержанным официальным стилем.

«Ваше Святейшество, Вы напрасно полагаете, что мы осознанно позволили Джулии и мадонне Адриане покинуть Пезаро. Я и мой муж всеми силами пытались разубедить их ехать

в Каподимонте. Рекомендовали спросить Вашего совета, но их горе было столь велико, что все доводы оказались попросту бесполезны. Честно признаться, если бы не Ваш запрет, и моё нездоровье, я бы отправилась в путь вместе с Джулией и Адрианой, и поддержала бы их в горький для них час. Прошу Вас не обвиняйте ни меня, ни моего мужа в том, в чём нашей вины нет. Мы не плетём против Вас никаких интриг.

P.S. Относительно политической обстановки, я слышала, что Ваши переговоры с королём Альфонсо Неаполитанским оказались весьма успешными. Хочу выказать Вам свою радость и поздравление по этому поводу.

Лукреция Борджиа».

Но отъезд Джулии и Адрианы из Пезаро ещё полбеды. О себе неожиданно напомнил муж Джулии, Орсо Орсини, требовавший, чтобы та немедленно приехала к нему в Бассанелло. На сей раз, не зная, как поступить, Джулия решила написать своему любовнику Александру VI и попросить его совета. В свою очередь Папа приказал Джулии вернуться в Рим. Уж лучше пусть она будет находиться подле него и всегда на виду. Но вдруг, Джулия, не моргнув глазом перед отъездом в Каподимонте, была в замешательстве. Она не знала, кому подчиниться, мужу или любовнику. Решив избежать прямого ответа Александру VI, Джулия схитрила, написав Папе, что должна посоветоваться с мужем. Однако она ошиблась в своём выборе. Александр VI был не так прост, и всегда поступал так, как считал нужным, невзирая на обстоятельства. Он был в бешенстве, и его письмо любовнице было написано в соответствующих тонах.

«Неблагодарная Джулия. Мы крайне возмущены твоим поведением. Ты столь часто клялась Нам, в своей верности. Убеждала, что будешь беспрекословно подчиняться нашей воле и не приблизишься к Орсо. А нынче же ты готова поступить вопреки всем клятвам. Неужели ты не понимаешь, какой опасности подвергаешь себя, выехав в Бассанелло, и вообще выехав из Пезаро? Теперь ты готова вновь броситься в объятия Орсо? Однако Мы выражаем глубокую надежду на то, что ты и неблагодарная Адриана осознаете свою ошибку и непременно раскаетесь. А пока, учитывая обстоятельства, Мы запрещаем тебе и Адриане покидать Каподимонте без нашей на то воли под угрозой отлучения от церкви. Тем более выезжать в Бассанелло.

Папа Александр VI».

Однако этим Папа не ограничился. Написав настырному Орсо Орсини, Александр VI приказал ему выехать в лагерь герцога Калабрии. В случае неповиновения понтифик грозил мужу Джулии серьёзными неприятностями. Орсо знал, что с Борджиа опасно шутить, поэтому ради собственной безопасности он сдался, и подчинился воле Его Святейшества. Задумав отвоевать свою честь, Орсо Орсини решился на смелый шаг, но, увы. Борджиа оказались ему не по зубам. Орсо выпросил у Папы лишь денег, дабы рассчитаться с наёмниками. Более он не помышлял о приезде своей супруги в Бассанелло. Дискредитировав своего соперника, Александр VI вновь рассудил, что всё же ему будет спокойней, если Джулия будет подле него. Посему, сгорая от нетерпения и желания увидеть свою любовницу, приказал Джулии и Адриане выехать из Каподимонте в Рим как можно скорее. В начале декабря Джулия и Адриана выехали в Рим.

ГЛАВА XII

ВТОРЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ В ИТАЛИЮ

Рим, декабрь 1494 года

Пока Лукреция, Джулия и Адриана де Мила пребывали в Пезаро, до Рима дошли вести о движении французской армии, насчитывавшей девяносто тысяч человек, через Альпы. Карл VIII начал свой поход. Французы уверенно продвигались на юг Италии, не встречая сопротивления. В Милане короля ждал тёплый приём. Лодовико Моро со всеми почестями встретил Карла VIII, после чего оба нанесли визит Джану Галеаццо в крепость Павию. Однако после отъезда высоких гостей пленник неожиданно скончался. С одной стороны, его здоровье и без того было подорвано суровыми условиями заточения, но с другой стороны, Лодовико Моро более не угрожала месть короля Ферранте, а значит и надобность в Джане Галеаццо исчерпана. Посему народ склонялся именно к этой версии, версии отравления. Как только новость о смерти Джана дошла до Карла VIII, он выразил желание видеть на троне Миланского герцогства именно Лодовико Моро. Тот, действуя методами кнута и пряника, склонил на свою сторону городской совет, членам которого ничего не оставалось, как провозгласить Моро законным правителем Милана. Что же до Франческо Галеаццо, сына покойного Джана, тот отныне путь на миланский трон ему был закрыт.

Тем временем французская армия продвигалась вглубь Апеннинского полуострова, приводя в ужас его жителей. В ноябре Карл VIII занял Флоренцию, что привело к краху господства дома Медичи. Не сумев организовать оборону, тогдашний неофициальный правитель Флоренции Пьеро Медичи был изгнан из собственного города. Флорентийцы предпочли Медичи доминиканского монаха и проповедника Джироламо Савонаролу, который уже тогда был весьма популярной фигурой во Флоренции, но теперь фактически стал её неофициальным правителем. Карл VIII вновь направил послов к Папе с требованием пропустить его армию через Папскую область. Как и следовало ожидать, Александр VI дал решительный отказ захватчикам. Карл VIII был обескуражен и одновременно восхищён подобной дерзостью и в то же время храбростью Папы. Александру VI сообщили, что армия короля марширует к Риму, но он, к немалому удивлению, не выказал беспокойства. Он знал, что на границах Папской области стоят отряды Вирджинио Орсини, которые непременно окажут сопротивление французам.

– Отец, у нас большие проблемы! – ворвавшись в кабинет, воскликнул Чезаре.

Он вбежал так быстро, что Александр VI уловил дуновения воздуха, рассеяемого быстрыми движениями Чезаре. Папа не сразу ответил сыну, настолько его вторжение было неожиданным, но взволнованное лицо кардинала Валенсийского было красноречивее любых слов. Александр VI понял, случилась беда.

– Вирджинио Орсини предал нас, – пояснил Чезаре. – Он открыл французам ворота городов Ангвиллары и Браччано.

Эта весть была страшнейшим ударом, своими действиями Вирджинио подставил под удар весь Рим и Папскую область.

– Что?!

– Теперь Карл может беспрепятственно дойти до Рима.

– Подлец, предатель... Наглецу оказалось мало церковных земель, и он пожелал большего?! Неблагодарный мерзавец! Неужели французы посулили ему нечто такое, чего не смогли мы?

– Возможно, – сделав шаг вперёд, согласился Чезаре, – но есть ещё кое-какие обстоятельства, которые могли побудить Орсини переменить лагерь. Во-первых, армия Карла оказалась сильнее, чем мы предполагали, нашим войскам крайне тяжело сдерживать их натиск.

Хуже того, кто-то вздумал бросить слух, будто ситуация столь безнадежна, что мы и король Альфонсо намерены заключить союз с султаном Баязидом, отчего дух армии раскололся окончательно.

– Но это же абсурд! – воскликнул Александр VI. – Как верховный понтифик Католической церкви может заключить союз с иноверцем?

В ответ Чезаре лишь развёл руками. Кто-то хорошо постарался, чтобы эти слухи принимались за чистую монету. Неужто очередные происки кардинала Джулиано делла Ровере?

– Стало быть, Центральная Италия в руках врага, – спохватился Папа, резко повернувшись к Чезаре.

– К несчастью, да, неаполитанским отрядам пришлось отступить на юг, для защиты собственных границ.

Александра VI трясло как на трескучем морозе, ему казалось, что его сердце замерло в груди, а ноги стали подкашиваться, словно он взвалил на себя тяжёлую ношу. В глазах отца, кардинал Валенсийский прочёл страх и ужас. Чезаре было бросился к Папе, но в дверях появился слуга, сопровождавший гонца, одежда которого была забрызгана грязью. Гонец сообщил, что у него письмо для Его Святейшества. Забрав письмо, Чезаре сломал печать, но Александр VI, трясущимися руками, вырвал у сына распечатанное письмо и шёпотом принялся читать, быстро шевеля губами. Через минуту лицо понтифика побледнело, почти совпав с цветом его белой сутаны. Нервно плотая воздух, он метался по кабинету, словно зверь в клетке, повторяя снова и снова:

– Джулия! Джулия! Джулия!

Чезаре сразу понял, что произошло, загадка была более чем проста. Джулия столкнулась с французами, и те, вероятно, пленили её.

– Какую же я совершил ошибку! Глупец! – воскликнул Александр VI. – Ты себе и представить не можешь, Чезаре, какую оплошность, пожалуй, единственный раз в своей жизни я допустил. Джулия и Адриана в плену у французов. Проезжая Монтефьясконе на пути к Риму, они были схвачены капитаном Ивом д'Аллегра, это его письмо.

– Чего он хочет?

– Я так хотел увидеть Джулию, – продолжал корить себя Александр VI, словно не слыша сына. – Я был уверен, что рядом со мной она будет в безопасности, не ввязываясь ни в какие интриги. Всё этот Орсо, Орсо! Решил отстоять свою честь, чем спутал мне все карты. Если бы не он, Джулия и Адриана давно были бы в Риме, или остались в Каподимонте. Быть может, там они были бы в безопасности.

– Отец! – закричал Чезаре, взывая к рассудку Папы. – Чего желает капитан д'Аллегра?

– Денег, разумеется. Он требует выкуп размером три тысячи дукатов. После его уплаты д'Аллегра готов даровать пленницам свободу.

На минуту в зале воцарилась тишина, после чего, взглянув на Чезаре, Александр VI сказал:

– Положение становится крайне тяжёлым. Коль Орсини нас предали, нам предстоит защищаться самим. Если армия Карла действительно настолько сильна, боюсь, нам не остановить её натиск.

– Но почему Испания не вступает за Неаполь? Их Католические Величества представители рода Трастамара, к которому принадлежит и Альфонсо Неаполитанский. Хуан мог бы прибыть в Италию от имени Фердинанда и Изабеллы, оказав нам поддержку в борьбе с французами.

– Всё не так просто, Чезаре. Пути политики намного крепче родственных уз. В январе прошлого года Испания заключила с Францией мирный договор, обязуясь сохранять нейтралитет на время итальянской кампании Карла. Посему Фердинанд Арагонский запретил Хуану

покидать Испанию. Положение твоего брата, как подданного испанской короны, стало зависеть от воли Фердинанда, поэтому будем справляться самостоятельно.

– Но что мы будем делать, когда войска Карла подойдут к стенам Рима?

– Нужно немедленно собрать всё ценное и необходимое, затем перевезти в замок Святого Ангела, где укроемся и мы. Это отличное убежище. Не зря в начале своего понтификата я приказал провести там ремонтные работы. Уверен, этот замок послужит ещё не одному Папе. В любом случае, покидать Рим нам нельзя, иначе делла Ровере непременно низложит меня и объявит себя новым понтификом. Отдай все необходимые распоряжения, но сначала отправляйся к казначею. Проследи, чтобы необходимая сумма была приготовлена и отправлена капитану д'Аллегра.

Забавно осознавать, как французы продешевили, имея на руках такой козырь, как любовница понтифика. За неё они могли бы выторговать у Александра VI всё, что угодно. Папа, не колеблясь ни секунды, пошёл бы на любые уступки, возможно, даже вплоть до предоставления французам свободного прохода через Папскую область, но поддались приятному звону монет, ласкающего слух. Однако и тут французы оплошали, ведь могли запросить в несколько раз больше, и без сомнения, получили бы желаемое.

ГЛАВА XIII

ФРАНЦУЗСКИЕ ВАНДАЛЫ В РИМЕ

Рим, декабрь-январь 1494-1495 года

Целый день гудел, окутанный тревогой, Ватикан. В коридорах и залах не стихала суматоха, слуги бегали из одного помещения в другое, набивая сундуки самыми необходимыми и ценными вещами: столовое серебро, ковры, гобелены, драгоценности и прочее. После чего в спешке перевозили их в замок Святого Ангела. Пока кардинал Валенсийский вместе с Бурхардом контролировали сбор ценностей, Александр VI, расположился в новых комнатах, переоборудованных под жилые помещения для понтифика. Чтобы безопасно перебраться в замок Святого Ангела Папа воспользовался специальным коридором, соединявшим Ватикан с замком на многометровой высоте. Замок Святого Ангела поистине удивительное сооружение, вмещающее в себе тёмные, тесные камеры для заключённых и залы, предназначавшиеся для погребения императоров эпохи Древнего Рима на нижних этажах, с роскошными, расписанными фресками, высокие сводчатые залы и покои, просторные внутренние дворики, террасы и лоджии на верхних этажах. Более того, в замке присутствовали несколько карцеров, и казармы для войск, а на крепостных стенах уже были установлены пушки. Не приходилось беспокоиться и о продовольствии, поскольку в замке находились несколько хранилищ зерна и масла, а также цистерны для воды. В общем, замок Святого Ангела был оборудован таким образом, чтобы выдержать долгие, насколько это возможно, осады.

Но Александр VI не мог думать ни о чём другом, кроме его обожаемой Джулии. Он по-прежнему не находил себе места. Когда же слуги внесли в зал, заставленный раскрытыми сундуками, последнюю партию гружёных вещей, вслед за ними вошли Чезаре и Бурхард, а из-за их спин, вышла сама Джулия. Александр VI со всех ног бросился к ней, заключив в свои крепкие объятия и покрыв её лицо нескончаемыми поцелуями.

– Мы увидели, как к воротам замка подъехала карета, – заговорил Чезаре. – На ней и приехали Джулия и мадонна Адриана.

– А где же сама Адриана? – спросил Александр VI, не выпуская стройную талию Джулии из своих рук.

– Она пожаловалась на сильную усталость и перенесённый стресс. Я распорядился проводить её в покои и предоставить всё, что ей понадобится. Но Джулия, упрасивала нас привести её к тебе.

– Красавица моя, надеюсь, французы не причинили тебе вреда? – вновь повернувшись к Джулии, спросил Александр VI.

– Все нет, но мы с Адрианой испытали нешуточный страх, – ответила та. – Нам сообщили, что Папа уплатил требуемый выкуп за нашу свободу, после чего король, который надо признать, не лишён галантных манер, велел организовать почётный кортеж и сопроводить нас до самого Рима.

– Я бы заплатил куда больше, только бы освободить вас. Пусть эти французские дворняги подавятся моими деньгами. Главное, вы с Адрианой в безопасности.

Радость от того, что Джулия снова рядом с ним, живая, заставила Александра VI позабыть о её странных играх, затеянных с Орсо Орсини. Теперь для Папы это не имело никакого значения, главное – всё позади, и Джулия вернулась к нему целая и невредимая.

Получив подкрепление со стороны баронов Орсини и Савелли, Карл VIII продвигался вглубь Апеннинского полуострова, не встречая на своём пути сопротивления. Однако войска

короля не чурались грабежей и других варварских, сопровождающих любые войны, деяний в небольших городках, пролежавших на их пути в Рим. В конце декабря французы подошли к предместьям Вечного города. Карл VIII пригрозил Папе штурмом и последующим разграблением Рима, если тот окажет сопротивление. Александру VI ничего не оставалось, как подчиниться требованиям короля, и в начале января 1495 года французы вступили в Рим. С неба срывались лёгкие хлопья снега. Морозное серое утро наполнилось оглушительным грохотом барабанов и, сотрясавших город, твёрдых шагов, под шум которых армия Карла VIII проходила через городские ворота. Первыми в город вступили германские ландскнехты, вооружённые длинными алебардами. Вслед за германцами шествовали отряды французской пехоты, законченной в железные латы и возглавляемые офицерами. После в город вошли гасконцы, вооружённые аркебузами и арбалетами. Вновь двинулась пехота, сменившаяся тяжёлой кавалерией, среди которой ехал сам Карл VIII, сопровождаемый гвардейцами. Завершила этот пёстрый, но по-настоящему внушающий страх, парад артиллерия, исчислявшаяся тридцатью шестью пушками длиной восемь футов. Карл VIII держал путь во дворец Сан-Марко, где и оборудовал свой временный лагерь.

Влившись в Рим бурной рекой, французские войска вновь развязали себе руки. Дворец Сан-Марко превратился, чуть ли не в казарму. Роскошные залы, кабинеты и другие помещения были завалены соломой, служащей подстилкой для солдат, на мраморных каминах стояли свечи, воск с которых капал на пол, оставляя жирные пятна. Кроме того, стремительно росло число грабежей. Французские солдаты, которым не досталось места под кровом, врываются в чужие дома, выгоняя жителей на улицу, а добираясь до запасов продовольствия, выпивали и съедали всё, что попадалось им на глаза. Стоя на центральной лоджии замка Святого Ангела, выходящей на район Понте, соединённый с районом Борго мостом Святого Ангела, Александр VI с ужасом наблюдал за теми зверствами, творившимися на улицах Рима, окроплённых кровью. Вскоре на лоджию вышел Чезаре.

– У меня есть для тебя крайне важное поручение, сын мой, – сказал Папа, не поворачиваясь к нему.

– Я во внимании.

– Ты должен отправиться к Карлу, выкажи ему почтение, а главное – узнай его намерения, касаемо Рима. Ты меня понял?

– Да, отец, не беспокойся.

Александр VI перекрестил сына, после чего тот покинул лоджию. Делегация из шести кардиналов, возглавляемая Чезаре, торопливо шла к дворцу Сан-Марко, озираясь по сторонам. Картина, представшая перед их глазами, ужасала. Французы везде оставили свой след. Всюду выломанные входные двери и выбитые окна, осколки которых валялись на земле, залитой ещё не остывшей кровью, трупы, лежащие на каждом шагу, стоны, плачи и душераздирающие крики тех, кто пытался защитить себя и свою семью от нападения захватчиков, ветром носившихся по городу с мечами наголо. На душе у Чезаре стало беспокойно, он подумал о своей матери, чьи несколько домов так же были разграблены. Наконец, добравшись до дворца Сан-Марко, кардиналов проводили к королю. Войдя в большой зал, Чезаре и его спутники увидели Карла VIII, восседавшего на троне, расшитом жёлтыми лилиями на синем фоне с внутренней стороны спинки. Внешность Карла VIII с трудом совпадала с той грозной армией, которой он командовал. Маленького роста, выдающиеся вперёд губы на бледном лице, чуть длинный нос с горбинкой. Кто бы мог подумать, что этот король управлял едва ли не самой сильной армией христианского мира? По правую руку от Карла VIII стояли кардиналы делла Ровере, Сфорца, Пикколомини, Сансеверино, Колонна и Савелли. Чезаре заметил, как первый принялся что-то нашёптывать королю на ухо. В глазах делла Ровере Чезаре прочёл торжество победы над Борджиа.

– Ваше величество, – поклонившись, почтённо поприветствовал короля Чезаре.

– Честно признаться, я был бы рад, если бы Его Святейшество лично почтил меня своим присутствием, – надменно произнёс Карл VIII. – А в место него явился его незаконнорожденный сын.

– Ваше величество, Папа Александр был бы рад не меньше вашего, окажи вы Священному городу намного больше уважения, – парировал Чезаре.

Карл VIII усмехнулся, но сделал вид, что не услышал колкости, брошенной в его адрес.

– Ну что же, в таком случае вам и предстоит держать ответ передо мной. И что же вы скажете мне, кардинал Борджиа?

– Ваше величество, в городе хаос, улицы захлестнуло насилие, а по вековым плитам Рима текут потоки крови. На улицах лежат горы трупов ни в чём не повинных людей, и повсюду следы грабежа. Его Святейшество Папа Александр требует немедленно прекратить бесчинства.

– Требует? – снова усмехнулся Карл VIII. – Сдаётся мне Папа не в том положении, чтобы требовать. Рим в моих руках.

– Вы правы, но город принадлежит Папе, а Александр остаётся действующим верховным понтификом, который выше любого короля.

– Возможно, но несговорчивого Папу можно низложить, – вставил Джулиано делла Ровере. – Тем более того, кто занял Священный престол путём симонии, пренебрегая церковными заповедями.

– А что насчёт вас, кардинал делла Ровере? Вы, или ваши приспешники, стоящие подле вас? Читаете ли вы заповеди с таким же рвением, с коим о них говорите? Вы обвиняете Папу Александра в симонии? Коли так, каким образом вы допустили в свои ряды, тех, кто в своё время получил от него разного рода дары, за свои голоса в его поддержку на конклаве?

– Ложь! – воскликнул кардинал Колонна, с такой яростью, что на его шее вздулась вена, а на кругловатом лице играл каждый мускул.

– Ложь? – теперь уже усмехнулся Чезаре. – А как же кардинал Сфорца? Асканио получил должность вице-канцлера, которую некогда занимал сам кардинал Родриго Борджиа, а также крепость Непи, после чего оказывал всяческую поддержку планам Папы Александра. Кстати, кардинал делла Ровере, не забыли ли вы, что три года, во время конклава, в Ватикане упорно ходили слухи, что Генуя выделила вам сотню тысяч дукатов, дабы обеспечить вашу победу? И вы имеете наглость обвинять Папу Александра в симонии?

Однако Чезаре умолчал об ещё одном обстоятельстве, связанным с этим скандалом. В Ватикане ходили слухи не только о вложениях Генуи в победу Джулиано делла Ровере, но и о самом Карле VIII, который якобы выделил ещё двести тысяч дукатов на победу делла Ровере. Чезаре так и подмывало припомнить это Джулиано, но кардинал Борджиа решил ограничиться Генуей. Оскорблять самого короля, да ещё в его присутствии, всё равно, что ходить по лезвию ножа, где каждый неосторожный шаг может обернуться смертью. Но и без того слов Чезаре хватило для того, чтобы вывести делла Ровере из себя.

– Мерзавец! – взорвался оглушительным криком тот, подавшись вперёд, но кардиналы остановили его.

– Ваше величество, не поддавайтесь лживым речам этого каталонского выроodka, – вмешался Асканио Сфорца. – Борджиа играют словами не хуже кукловода.

Джулиано делла Ровере собирался что-то сказать, но Карл VIII остановил его, движением руки.

– Довольно! – воскликнул он. – Бесспорно, Чезаре Борджиа, ты истинный Борджиа. Храбрый, дерзкий и крайне изворотливый, подобно змее. Однако не будем превращать дипломатические переговоры в перепалку.

– Выход вам прекрасно известен, сир, – сказал делла Ровере. – Низложить Борджиа, дабы престол Святого Петра занял истинный наместник Бога на Земле.

– Стало быть, вы собираетесь мечом прорубать себе путь к Священному престолу, делла Ровере? – вновь заговорил Чезаре. – Ваше величество, ясно как день, что делла Ровере и его сообщники только возрадуются низложению Папы Александра, но что насчёт других монархов, признающих его авторитет? Готовы ли вы лишиться их доверия, когда они узнают, что вы держите в плену верховного понтифика, берясь судить того, кому даровано право судить людей именем Господа? А что скажет ваша жена, королева Анна Бретонская? Не думаю, что подобные бесчинства её мужа доставят ей удовольствие. Готовы ли вы заплатить столь высокую цену в угоду прихоти делла Ровере?

Карл VIII молчал. Несомненно, слова Чезаре попали в цель. Джулиано делла Ровере и, сопровождавшие его, кардиналы нервно переглядывались. Выдержав паузу, король заговорил:

– Полагаю, вы правы, кардинал Борджиа. Я непременно разберусь с мародёрами в моей армии, даже прикажу вернуть всё награбленное. Однако это произойдёт лишь в том случае, если будут выполнены мои условия: во-первых, Его Святейшество лично явится ко мне на аудиенцию в Ватикан, во-вторых, сдача замка Святого Ангела для нужд моей армии в случае неудачного исхода кампании, и, в-третьих, вы и принц Джем должны стать моими пленниками, дабы я был уверен, в искренности Папы. В противном случае мною будет созван Великий совет с требованием низложить Папу Александра, как того требует кардинал делла Ровере.

ГЛАВА XIV

ОСМАНСКИЙ ПРИНЦ ДЖЕМ

Рим, январь 1495 года

Велев кардиналам возвращаться в замок Святого Ангела, Чезаре поспешил в сторону дома, где жила Ванноцца деи Каттанеи. Подойдя к дому, он увидел, сорванную с петель, дверь. У Чезаре ёкнуло сердце, что его ждёт в этом доме? Увидит ли он свою мать живой, или склонится над её бездыханным телом? Тревога кардинала Валенсийского усилилась, когда он вошёл в переднюю. По спине Чезаре пробежал холодок. В доме царил сущий бедлам. Осколки стёкол валялись на полу, вся мебель была перевёрнута, некоторая и вовсе разбита вдребезги, шкафы нараспашку, зеркала разбиты, портьеры сованы, а вещи валялись по всему дому. Поднявшись на третий этаж, Чезаре увидел Ванноццу, прижавшуюся к груди её мужа Карло Канале. Тот пытался её успокоить, но безрезультатно. Они сидели среди разбросанных вещей, сбитых в кучу ковров, а также поломанной мебели. Вероятно, тут была ожесточённая борьба. Бардовое платье Ванноццы было изорвано, причёска растрёпана, а на лице, которое к её пятидесяти трём годам уже тронули лёгкие морщины, виднелись следы слёз. Карло Канале выглядел далеко не лучше. Его коричневый кафтан был так же изорван и слегка забрызган кровью, на гладкой щеке, ярко выделялась свежая рана, нижняя губа была разбита, а волосы всклокочены. Периодически Карло проводил рукой по затылочной части своей головы, после чего его ладонь окрашивалась в алый цвет крови.

Чезаре подбежал к матери и приобнял её.

– Что здесь произошло? – спросил он.

– Солдаты ворвались в дом, забирая всё, что представляло для них ценность, – ответил Карло. – Я пытался остановить их, но это только подзадоривало мерзавцев, а Ванноцца... Меня оглушили чем-то тяжёлым по голове, я упал без чувств, а когда пришёл в себя, она сидела возле кровати, в изорванном платье. Ублюдки забавлялись с ней, воспользовавшись моим положением.

За всё это время Ванноцца не произнесла ни слова. У неё был шок, она смотрела куда-то вдаль, словно её дух был далеко отсюда.

– Не беспокойся, матушка, они за всё ответят, даю слово, – сказал Чезаре, повернувшись к матери. – Карло, позаботься о ней, а мне нужно идти.

Покинув дом Ванноццы, Чезаре поспешил в замок Святого Ангела. Он чувствовал, как гнев разливается по всему телу, как руки сжимаются в кулаки. Видя французских солдат, он с трудом удерживал себя от того, чтобы наброситься на них, но понимал, что из этой схватки живым не выйдет. В опасных для жизни ситуациях эмоции не должны преобладать над разумом, это учение своего отца, Чезаре помнил всегда и старался ему следовать. Наконец кардинал Валенсийский предстал перед Александром VI, который подбежал к сыну и положив одну руку на его плечо.

– Где ты был? – спросил Папа. – Я забеспокоился, увидев, что ты не вернулся с остальными кардиналами.

– Я был у матери, – ответил Чезаре.

– У Ванноццы? Что с ней?

– Французы устроили погром в её доме. Ей и её мужу крепко досталось, они в ужасе.

– Негодяи, – процедил сквозь зубы Александр VI. – Ничего, Чезаре, мы ещё поквитаемся с Карлом за всё. Он пожалеет о том дне, когда вторгся в Италию. Итак, как прошла аудиенция?

Чезаре в красках пересказал отцу всё, что произошло во дворце Сан-Марко, и передал требования короля, не упустив ни единой детали.

– Мы не можем отдать Карлу замок, – сказал Александр VI. – Это значит лишиться главной цитадели Рима, и одновременно нашего убежища.

– А как же Джем? – спросил Чезаре.

– Захватив Неаполь, Карл намеревается организовать крестовый поход против Османской империи, а Джема использовать в качестве козыря против его брата султана Баязида. При помощи Джема, Карл посеет зерно раздора в рядах мусульман. Кроме того, я уверен, до Карла дошли слухи о том, что мы, якобы, собираемся обратиться за военной помощью к султану. Вероятно, напуганный этим, король хочет заполучить Джема под своё крыло. Для Карла важнее всего Джем, нежели замок, поэтому пусть забирает принца.

– Но мы же обещали Джемму убежище в Риме.

– Боюсь, у нас нет выбора. Во время войны приходится чем-то поступаться, чтобы в будущем приобрести нечто более ценное. Нам придётся принять условия Карла, в противном случае я буду низложен, и моё тело будет покоиться на дне Тибра. Кроме того, нельзя, чтобы французы продолжали свои зверства. Вспомни, что они сотворили с Ванноццей. Думаешь, я хочу капитулировать перед Карлом, зная, кто марионетка, а кто дёргает за нити? Делла Ровере приложит все силы, только бы лишиться меня тиары.

Но Александр VI помнил, какую горькую чашу судьба заставила испить Джема. Его драматичная жизнь складывалась далеко не лучшим образом. Его отцом был султан Мехмед II, завоевавший Константинополь в 1453 году. После его смерти, дети султана начали ожесточённую борьбу за власть, в особенности Джем и его брат Баязид. Джем имел достаточно сторонников. Собрав войска, он пошёл войной на Баязида, законного наследника султана. Однако Баязид оказался сильнее брата. Потерпев поражение, Джем бежал на остров Родос, где нашёл убежище у ордена госпитальеров. Великий магистр ордена Пьер д'Обюссон узрел в Джеме желанную возможность уничтожения Османской империи или хотя бы надежду на перемирие с турками, ведь пока Джем в руках христиан, Баязид не осмелится поднять на них оружие, о чём немедленно сообщил Папе Иннокентию VIII. Но ситуация могла осложниться требованием султана выдать ему брата как мятежника, а поскольку Джем был крайне ценен, Пьер д'Обюссон поспешил переправить его во Францию. С этого момента принц Джем стал предметом торговли. Все христианские монархи желали заполучить его под своё крыло, используя как сдерживающий механизм агрессии Османской империи. Но когда до Пьера д'Обюссона дошёл слух о переговорах Карла VIII с султаном Баязидом, предложившем королю огромные деньги за выдачу Джема, госпитальеры забеспокоились, и для безопасности настаивали на переправку Джема в Рим. Не желая портить отношения с Орденом, Карл VIII согласился, и Джем прибыл в Рим, где жил в одном из дворцов Ватикана. Баязид, раздосадованный невозможностью заполучить брата в свои руки, предложил Иннокентию VIII компромисс: султан готов платить по сорок тысяч дукатов ежегодно за безвылазное пребывание Джема в Риме. Когда Священный престол занял Александр VI, Баязид продолжил оплачивать пребывание своего брата в Риме. Более того, Джема часто видели в обществе Борджиа, чаще всего Хуана. Так продолжалась угрюмая жизнь османского принца, потерявшего всякие надежды вновь оказаться в родном Стамбуле.

Александр VI и Чезаре вновь вышли на центральную лоджию замка, ощутив прикосновение прохладного зимнего ветра. Они снова окинули взглядом захваченный город.

– Значит, решено, – твёрдо заявил Чезаре, – мы с Джемом едем в Неаполь вместе с Карлом. Не беспокойся, отец, я тебя не подведу.

– Сегодня, ты доказал, что храбрости тебе не занимать, сын мой, – улыбнулся Александр VI, положив руку на плечо Чезаре. – Но важнее всего для меня ты, а не Джем. Я уже потерял одного сына и одну дочь, и ни за что не допущу, чтобы с тобой, Хуаном, Джоффри или Лукрецией что-нибудь случилось. Идём, обсудим детали твоей поездки.

ГЛАВА XV

ПОБЕДНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

Рим, январь 1495 года

Утром следующего дня Александр VI прибыл в Ватикан для переговоров с Карлом VIII. Папа уже восседал на троне в зале Понтификов, ожидая прихода короля, который будучи очень набожным, не мог не восхищаться величественным убранством этого помещения.

– Кардинал Валенсийский передал Нам ваши условия, – начал Александр VI. – Первое из них Мы выполнили и непременно выполним и оставшиеся, но лишь в том случае, если будут соблюдены и Наши условия. Во-первых, вы должны публично принести Нам клятву верности как законному верховному понтифику и признать Нас истинным наместником Бога на Земле. Во-вторых, принц Джем и кардинал Борджиа отправятся с вами на юг, но Чезаре поедет не в качестве пленника, а на правах папского легата, которому будет велено помазать вас на престол Неаполя. Лишь в этом случае Мы готовы предоставить вашим войскам свободный проход через Папскую область и двинуться на Неаполь.

– Я согласен, однако, есть ещё одно, очень важное для меня, обстоятельство, – ответил Карл VIII. – Поскольку я намереваюсь возглавить Крестовый поход против неверных, мне необходимо Ваше назначение меня главнокомандующим этого предприятия.

– Мы сделаем это, но только после того, когда Неаполь окажется в вашей власти.

Соглашение было достигнуто. Через несколько дней обе стороны подписали соответствующий договор. Утром у подножия ступеней базилики Святого Петра, представ перед Александром VI, Карл VIII на глазах у всех римлян, а также кардиналов, в соответствии с ритуалом трижды преклонил колени перед понтификом, после чего поцеловал его ступню и пастырский перстень на правой руке, за чем Папа наблюдал с нескрываемым удовольствием. Чего нельзя было сказать о Джулиано делла Ровере и его сторонниках, чьи хмурые лица багровели от злости и горечи очередного поражения. Затем Карл VIII взял слово:

– Я приношу Вашему Святейшеству своё повиновение и благоговение подобно моим предшественникам, занимавшим французский престол. Я признаю Вас верховным понтификом христиан, законным преемником апостолов Петра и Павла, и истинным наместником Христа на Земле.

– Как верховный понтифик Мы даруем вам три милости, – ответил Александр VI. – Назовите их.

– Я прошу подтвердить, что моё правление осуществляется по воле Господа, в соответствии, с чем я и моя семья имеет право на все привилегии, даруемые Всехристианнейшему королю. Я прошу благословить мой поход на Неаполь. Я прошу возвести Гийома Бриконе, епископа Сен-Мало, и Филиппа Люксембургского, епископа Ле-Мана, в сан кардинала.

Это определёнno была победа для Борджиа. Приняв клятву, Александр VI добился признания законности своего избрания, что отныне мешало Карлу VIII созвать Великий совет и требовать низложения Папы.

В конце января наступил день, которого римляне с нетерпением ожидали. Французская армия выступила из Рима, направляясь на юг. Едва Карл VIII и его армия покинули Вечный город, как в их адрес начали распеваться оскорбительные песни. Римляне не скрывали своей радости от освобождения своего города от захватчиков. Однако им предстояло продолжать восстанавливать порядок, избавляясь от следов пребывания французов. Кардиналы делла Ровере, Савелли, Колонна и Сфорца оправились вместе с Карлом VIII. Чезаре ехал рядом с

Джемом. Ему было почти сорок лет, смуглое, но вечно мрачное, лицо украшали длинные усы. За счёт своей необычной для Европы, восточной одежды, он всегда выделялся в Ватикане, чего стоил один тюрбан на его голове. Не смотря на то, что формально Чезаре являлся пленником, он с интересом наблюдал за действиями французских командиров, их тактикой и стратегией. Здесь он чувствовал себя комфортно, нежели в залах Ватикана, но ни на миг не забывал о своей первостепенной задаче. Кругом была холмистая местность, порой вдоль дороги высились голые стволы деревьев, на ветвях которых лежал снег. Однако каша грязи и снега размывала дороги. Особенно тяжело было с артиллерией, чьи колёса вязли в грязи. Было принято решение остановиться в небольшом городке Веллетри, пока не установится благоприятная погода. Вскоре перед городом вырос лес шатров французского лагеря. На Веллетри опустилась тихая и безлунная ночь, что не мог не подметить кардинал Валенсийский. Он и Джем коротали время, играя в шахматы. Чезаре всерьёз беспокоился за состояние своего спутника. Вот уже несколько дней Джема донимал сильный кашель и слабость во всём теле, а горло словно кололи тысячи иголок. Видимо, непогода сказалась на его здоровье.

– Джем, я надеюсь, ты понимаешь, что Папе вынужденно пришлось передать тебя в руки французам? – спросил Чезаре, передвинув пешку на клетку вперёд. – Иного выбора не было.

– Не трудись объяснять, Чезаре, – ответил Джем, передвинув коня. – Политика вещь неблагодарная. Мне не привыкать. Много лет я провёл в бегах, скрываясь от возмездия брата. Мне казалось, что в Риме моим скитаниям придёт конец, но, видимо, Аллах продолжает испытывать меня. В тоже время я очень устал, устал быть разменной монетой в чужих руках, игрушкой. Моё единственное желание – вновь оказаться в Стамбуле, поквитаться с Баязидом за смерть моего сына, которого он казнил. Огузу было всего три года. Быть может, с помощью короля Людовика мне удастся лишить Баязида трона. Пойми, я устал жить в изгнании, вдали от родного дома. Надеюсь, твой Бог уберёжёт тебя от подобной участи, и ты никогда не испытаешь, каково это, быть изгоем в родном доме, в котором прошла твоя жизнь.

Чезаре сочувствовал Джему, но сейчас его заботило нечто более важное. Кардинал Валенсийский вовсе не собирался задерживаться в лагере Карла VIII, посему облачился в дорожный, утеплённый костюм. Он планировал как можно скорее покинуть французов, но как же Джем? Стоит ли брать его с собой? Судя по всему, жизнь в Риме ему опостылела, он рвался на свободу, которую, как он полагал, может получить благодаря Франции, свергнув Баязида. Но самое главное – ему будет тяжело скакать до Папской области, а бежать нужно будет как от огня. Значит, придётся оставить Джема на попечение французам, но и говорить ему о побеге теперь было нельзя. В конце концов, у французов ему ничего не грозит, мёртвый он им ни к чему.

Было уже около полуночи. Окончив партию, тяжело вздохнув и кряхтя, Джем медленно лёг на кушетку. Выйдя из палатки, Чезаре увидел стражников, которые стояли в двух шагах от неё, охраняя ценных пленников. Сказать по правде, сторожили они своих пленников без особого энтузиазма, ведя разговоры на разнотемные темы.

– Я схожу к лекарю, – сказал Чезаре солдатам. – Кажется, принцу стало хуже. Проследите за ним.

Проскользнув через ряды палаток, освещённых светом больших жаровен, Чезаре осторожно, выбирая тёмные места, куда не дотягивался свет огня, выбрался за пределы лагеря, избегая стражников. Повезло, что на небе не было ни звёзд, ни луны. За близлежащим холмом его ожидал высокий, но весьма худой мужчина лет сорока с вытянутым лицом. Это был один из жителей Веллетри, державший под уздцы осёдланную лошадь. Прогуливаясь днём по городу, Чезаре наткнулся на этого конюха, договорившись с ним о побеге. Усевшись в седло, кардинал Валенсийский передал конюху кожаный мешочек, с дукатами.

– Это вторая половина твоей оплаты за помощь, – пояснил Чезаре. – Запомни, ты меня не видел. Узнаю, что проболтался, расплата не заставит себя долго ждать, это я тебе обещаю. У меня длинные руки.

В неровном свете факела Чезаре выглядел так зловеще, а его слова звучали столь угрожающе, что конюх понял, с этим человеком опасно шутить. Ему казалось, что его сердце ушло в пятки, и он быстро закивал головой, не сумев выдать из себя хоть слово. Пришпорив коня, Чезаре, будто призрак, растворился во мраке ночи. Теперь оставалось определиться с маршрутом, но только не в Ватикан, и даже не в Рим. Узнав о побеге, люди Карла VIII первым делом заявятся туда. Лучше всего было отправиться в крепость Орвието, комендантом которой Чезаре по-прежнему являлся. Там он сможет переждать бурю королевского гнева. Добравшись до крепости, кардинал Валенсийский написал отцу о своём благополучном побеге, и о том, что задержится в Орвието на некоторое время. Теперь Александр VI был спокоен, возблагодарив Деву Марию, что отвела беду от его сына. Папа призвал Чезаре быть осторожнее.

ГЛАВА XVI

ФРАНЦУЗЫ В НЕАПОЛЕ

Рим, февраль 1495 года

Днём камерарий Папы Франческо Троке, временно заменивший Франческо Гасета, сообщил Александру VI о прибытии французского посла Перона де Баски, и, судя по его суровому виду, он был настроен на более чем серьёзный разговор. Догадываясь о цели визита посла, Папа велел привести его.

– Ваши визиты в Ватикан стали столь частыми, что Нас это перестало удивлять, посол, – усмехнувшись, сказал Александр VI.

– Ваше Святейшество, я прибыл в Ватикан, поскольку меня привело крайне важное дело, не терпящее отлагательств, – ответил Перон де Баски. – Мой король, обуреваемый гневом, желает знать, где кардинал Борджиа?

– Вы задаёте странные вопросы, господин, право слова, – изобразил удивление Александр VI. – Кардинал Борджиа отправился в Неаполь с королём Карлом. Где же вы пропадали, коль не ведаете этого?

– Не держите меня за дурака, Ваше Святейшество, – возмутился де Баски, не умеривший, своей дерзости даже после последней встречи с понтификом. – Мне прекрасно известно, что кардинал Борджиа отправился в Неаполь. Однако ночью несколько дней тому назад он бесследно исчез, оставив свои сундуки, набитые камнями вместо багажа.

– Что вы говорите? И каким же образом кардинал Борджиа сумел удрать от самой грозной армии в Европе?

– Вот Вы мне и дадите ответ на этот вопрос, – отрезал Перон де Баски.

– Вы полагаете, что Чезаре скрывается в Ватикане? – улыбнулся Папа. – Это смешно. Мы понятия не имеем, о местонахождении кардинала Борджиа, но коль он покинул ваши ряды, значит, у него были на то веские причины. Скажем, опасение за свою жизнь.

– Король Карл дал слово, что не причинит вреда пленникам, – возразил посол, будучи уверенным, что Папа потешается над ним. – Вашим словам грош цена. В любом случае, даже если Чезаре Борджиа не в Ватикане, мы всё равно отыщем его. Он должен ещё объяснить, что произошло с принцем Джемом.

Тут Александр VI насторожился, сбросив маску фальшивого удивления и недоумения.

– Поясните, уважаемый посол, – потребовал он.

– Поразительно, как ловко Вы притворяетесь, будто Вам ничего неизвестно, – презрительно прищурившись, произнёс Перон де Баски. – Принц Джем жалуется на плохое самочувствие. Его мучают жуткие головные боли и рези в горле.

На этот раз изумление Александра VI не было поддельным. В своём письме из Орвието Чезаре умолчал о недомогании Джема. Но Папа дал сыну чёткие указания, и о Джеме речи ни шло.

– Это прискорбно, но причём тут кардинал Борджиа? – поинтересовался Папа.

– Последний, кто беседовал с принцем наедине, был именно Чезаре. Они всё время находились в одном шатре. Ночью он вышел из шатра, сказав, что направился к лекарю, а вскоре кардинала Борджиа и след простыл. После этого принцу стало ещё хуже.

Догадываясь, к чему ведёт Перон де Баски, Александр VI поднялся с кресла. От напывавшего гнева его лицо побледнело, приобретя суровые черты, а в глазах вспыхивал огонь, брови сошлись у переносицы, образовав складку. Подобные оскорбления Папа не собирался спускать самодовольному французцу, который явно забыл, кто стоит перед ним.

– Вы смеете обвинять Нас в преднамеренном отравлении?! – воскликнул Александр VI. – Наглец! В таком случае, соизвольте обосновать ваши обвинения в адрес наместника Христа. С какой целью Нам убивать столь ценного союзника, как Джем, за которым охотится чуть ли не вся Европа, торгуясь за него, как за товар?

– Ответ напрашивается сам собой, Ваше Святейшество, – спокойно ответил Перон де Баски. – Желание навредить королю Карлу. Откуда нам знать, что Вы не отравили Джема перед отъездом? Ведь поговаривают, что Ваша семья использует яд, от которого не только нет противоядия, но и действует намного дольше, протекая как обычная болезнь, дабы отвести всяческие подозрения. А может дело куда серьёзнее. Недавно король получил письмо весьма любопытного содержания, перехваченное у турецкого гонца и доставленное кардиналом делла Ровере. Согласно письму, султан Баязид предложил Вам умертвить принца Джема за триста тысяч дукатов. Может, Вы всё же сумели связаться с султаном и исполнили его просьбу?

– Негодяй! – раздался громогласным криком Папа. – Чтобы наместник Христа вступил в сговор с вождём неверных? Стража!

В кабинет вошли два стражника с алебардами наперевес, обступив Перона де Баски с двух сторон.

– Выведите посла из замка, – приказал Александр VI. – Аудиенция окончена. И Наш вам совет, господин де Баски, если вам удастся отыскать кардинала Борджиа, в ваших же интересах, чтобы он был цел и невредим. Поскольку всем известно, что Чезаре отправился в путь в добром здравии, в противном случае, уже словам короля будет грош цена.

– Несомненно, однако учтите, что за Ваше вероломство Карл может вновь пройтись по улицам Рима.

С этими словами Перон де Баски покинул кабинет, а в коридоре постепенно затихал звук быстро удалявшихся шагов.

Однако не только в Ватикане, но и во всём Риме жители не на шутку перепугались, прознав о дерзком побеге кардинала Валенсийского. Александр VI знал, что сильно рискует, но с другой стороны, Карл VIII был уже далеко от Рима, и вряд ли он остановится на полпути. Опасаясь мести короля, к нему поспешила депутация, состоящая из римской знати, и заверила Карла VIII в непричастности римлян к побегу Чезаре Борджиа. Александр VI знал, особенность французов принимать свершившиеся факты, потому Карл VIII не вернулся в Рим, а продолжил свой путь к Неаполю. Было это притворством или нет, но король сменил гнев на милость, отложив расправу над Вечным городом. Карл VIII хоть и выразил своё возмущение по поводу побега Чезаре, но успокоил римлян. Подкрепив свои слова письмом, которое передал римской депутации. Таким образом, инцидент был исчерпан. А король, не сумев распознать ложь Борджиа, продолжил поход на Неаполь.

По-прежнему не встречая на своём пути сопротивления, восемнадцатого февраля Карл VIII вступил в Капуа, но короля печалило стремительно ухудшавшееся состояние принца Джема. Он едва держался в седле, а боли не отпускали его. Когда стало понятно, что самостоятельно продолжить путешествие Джем не сможет, его было решено уложить на носилки. В таком состоянии он продолжил путь до самого Неаполя, который, на удивление Карла VIII, также не сопротивлялся.

Узнав о захвате Капуа, король Альфонсо II понял, что сопротивляться не имеет смысла. Приняв своё поражение в этой войне, он отрёкся от престола в пользу своего сына Фердинанда, ставшего Фердинандом II, и, отплыв на Сицилию, укрылся в монастыре, объявив о желании посвятить остаток своих дней покаянию и молитвам. Однако Фердинанд II понял, что ситуация непоправима настолько, что всяческие попытки что-либо исправить обречены на провал. Движение французов уже было не остановить. Они захватывали город за городом без усилий. В результате Фердинанд II покинули Неаполь со своей семьёй, отправившись в Искью. Спустя три недели после выступления из Рима двадцать второго февраля французы вошли

в Неаполь без боя. Но сладкий вкус победы отдавал горечью, омрачив радость Карла VIII. Несмотря на все попытки лекарей, Джем угасал на глазах. Через три дня после взятия Неаполя он скончался. Выдвинули две причины смерти: пневмония, возникшая как следствие бронхита, либо, на чём настаивали больше всего – яд, поскольку смерть высокопоставленной фигуры всегда сопровождается слухами об отравлении. Отравителей называли без колебаний – Борджиа. Так Карл VIII лишился второго, не менее ценного пленника Джема, с которым связывал надежды на Крестовый поход. Отношения с Ватиканом и без того оказались подпорчены и, дабы не усугублять ситуацию, Карл VIII принял естественную причину смерти Джема.

Вероятно, так и оно и было, поскольку Александр VI ясно дал понять, что не желал принцу смерти. Даже косвенная причина того – навредить Карлу VIII – принесла бы пользы не меньше, чем живой Джем, козырь против Османской империи и рычаг давления на султана Баязида. Более того, смерть Джема перерезала одну из финансовых артерий казны Ватикана. Ведь теперь Баязид имел полное право прекратить ежегодную выплату в сорок тысяч дукатов. Даже триста тысяч, которые султан, якобы, обещал Папе за смерть Джема, не идёт в сравнение с ежегодным пополнением казны, пусть и на сорок тысяч дукатов. Однако теперь на свет появилась одна из мрачных легенд о яде, и не просто яде, яде Борджиа.

Карл VIII приказал набальзамировать тело Джема и перевезти в замок Гаэты. Через четыре года останки принца будут перенесены в некрополь его предков в Бурсе.

ГЛАВА XVII

СВЯЩЕННАЯ ЛИГА

Рим, июль 1495-июль 1496 года

Французы овладели Неаполем, празднуя лёгкую победу. Но летом их положение стало ухудшаться. Армию Карла VIII одолевал невидимый, и непознанный враг, который, как считалось, был привезён из Нового Света. Новая болезнь – сифилис – была прозвана «французской болезнью», исходя из того, что именно среди французов в Неаполе она впервые была обнаружена. Недуг, действительно, оказался отвратительным. Он начинался с гнойников и язв на гениталиях, но по мере развития болезни мог обезобразить спину, лицо, руки. «Французскую болезнь» пытались лечить различными средствами, например, ртутными мазями, но скорость её распространения ужасала. Королевская армия редела на глазах, швейцарские наёмники массово покидали войско, возвращаясь на родину. Сами итальянцы изрядно устали от пребывания французов на их родине, что часто стало выливаться в организованные нападения на представителей французской свиты. Поговаривали, что сам Чезаре Борджиа организовал одну из ловушек для французов, отомстив за насилие над матерью и погромом в её доме. Охотники стали добычей.

Опьянённый победой, Карл VIII, вопреки всем бедам, свалившимся на него, не унывал и направил в Рим гонца, дабы требовать нового папского легата, который короновал бы его как законного правителя Неаполя, но упустил из виду сгушавшиеся тучи на севере. Итальянцы твёрдо решили не допустить прорастания французской лилии на Апеннинском полуострове, даже те, кто позволил заронить её семя на земли Италии. Иронично, но Лодовико Моро, первый впустивший французов на полуостров, первым же показал зубы. Видя всю мощь и ту скорость, с которой французы захватили Неаполь, он испугался, что в будущем Карл VIII может пожелать покорить всю Италию. Поэтому объединив свои силы с Венецией, Лодовико приступил к разработке плана по борьбе с французами. С этим же предложением в Ватикан прибыли послы Милана и Венеции. После непродолжительных переговоров было принято решение о создании Священной лиги, объединённые силы которой были призваны изгнать французов из Италии. В Лигу вошли Милан, Венеция, Рим, Испания и Германия, поскольку действие нейтралитета, заключённого с Карлом VIII, прекратилось, так как Неаполь уже находился под контролем Франции. Но Карл VIII и слышать ничего не желал о зародившейся антифранцузской коалиции.

– Что итальянцы смогут противопоставить нам, коль они не сумели остановить мою армию и организовать достойный отпор? – твердил он своим советникам.

Но самоуверенность и нежелание Карла VIII признать очевидное возымело действие. Первым по французам нанёс удар Лодовико Сфорца, напав на французский флот у берегов Генуи. Теперь Карлу VIII было не до бахвальства, ситуация становилась опасной, грозясь обернуться полной потерей контроля над Неаполем. Король тут же двинулся на Рим с войском численностью десять тысяч человек, оставив в Неаполе гарнизон под командованием маркиза д'Обиньи. Карл VIII надеялся всеми силами отколоть Александра VI от Священной лиги, заставив его вновь подчиниться своей воле. Но войдя в Рим, король узнал, что Папа покинул город. Под охраной венецианской пехоты понтифик, его двор, а также Священная коллегия укрылись в Орвието, об укреплении которого Александр VI позаботился ещё два года назад. Тогда Карл VIII повёл армию на Орвието, но узнав о приближении французов, Александр VI и его окружение перебрались в Перуджу. Достигнув Орвието, король в ярости понял, что Папа водит его за нос, и помчался за ним в Перуджу. Пока Карл VIII гонялся за Александром VI, словно кошка за мышкой, ему доложили о стягивании сил Священной лиги на севере, а силы Испании вот-вот

начнут наступать им на пятки с юга. Король понял, что может оказаться в кольце, которое ему не разорвать, а точнее почувствовать, какого это находиться между молотом и наковальней. Карлу VIII пришлось резко изменить все свои планы, и он выдвинулся на север, стремясь как можно скорее вырваться из окружения прежде, чем капкан захлопнется. Пробираясь с боями, французы спешили к Альпам. Разбив войска Священной лиги в битве при Форново 6 июля французы сумели проложить себе путь к отступлению, который вёл в Асти, а затем и вовсе покинуть Италию. С одной стороны для членов Лиги это было поражение в битве, но с другой – большая победа в войне, ведь цель была достигнута. Так окончилась военная кампания Карла VIII, замахнувшегося на неаполитанский престол. Однако в самом Неаполе оставалась ячейка сопротивления под командованием маркиза д'Обиньи, с которой требовалось покончить. Для восстановления власти Арагонского дома на юге Италии Испания отправила войско под командованием Гонсало де Кордовы, высадившегося в Калабрии в начале 1496 года, соединившись с отрядами под предводительством Франческо Гонзаги Мантуанского. Совместными силами они сумели выдворить остальных французов из Неаполя, и маркиз д'Обиньи отправился вслед за своим королём, а в июле Фердинанд II занял отцовский трон Неаполитанского королевства. Власть Арагонского дома на юге Италии была восстановлена.

ГЛАВА XVIII КАРА ПРЕДАТЕЛЕЙ

Рим, август 1496 – март 1497 года

Августовским жарким днём у ворот Порте Портезе стояла внушительная кавалькада, возглавляемая кардиналом Валенсийским. Вскоре на горизонте показалась колонна, впереди которой ехал всадник. Въехав через городские ворота, он остановился, улыбувшись Чезаре. Тот не сразу узнал своего брата Хуана, прибывшего из Испании. Облачённый в одеяние из коричневого бархата, расшитое жемчугом и прочими драгоценными камнями, игравшими в лучах солнца, герцог Гандийский восседал на лошади, накрытой золотой накидкой. А её упряжь была украшена серебряными колокольчиками, приятно звенящими при каждом движении. За герцогом следовала его небольшая, но всё же внушительная свита, разодетая в цвета Гандии. поприветствовав друг друга, братья двинулись к Ватикану. Внимание Чезаре привлёк таинственный человек на белом коне, закутанный в чёрные одежды. Кардинал Валенсийский не сумел разглядеть лица незнакомца, поскольку его скрывала маска. Чезаре насторожился, но тут же отогнал от себя дурные мысли и не предал значения странному человеку, сопровождавшего его брата.

– Вижу, жизнь в Риме постепенно обретает былой порядок, – сказал Хуан, осматриваясь по сторонам.

– Не только Рим, но и вся Италия постепенно восстанавливается после нашествия французов подобно природе, пробудившейся от зимнего сна, – ответил Чезаре, повернувшись к брату.

– Сожалею, что не сумел приехать раньше. Сначала меня удерживал король Фердинанд, а после появились другие обязательства перед испанской короной.

– Нестрашно, теперь ты наверстаешь упущенное время. Я поведаю тебе о том, как мы одурачили Карла. Он ещё долго не вспомнит дорогу в Италию, а наша семья, наконец, снова в сборе. Лукреция и Джованни вернулись на время из Пезаро, Джоффри и Санча тоже решили погостить в Риме. К слову о делах и семье, как тебе Гандия?

– Превосходный город, расположенный на берегу шумного моря, и защищённый горным массивом с суши. Однако я порой скучаю по Риму. Придёт время, я привезу сюда своих детей. Пусть маленькие Хуан и Изабелла узнают, где и как проходила одна из глав моей жизни. Но довольно обо мне, лучше поведай мне о планах отца. Он просил меня прибыть в Рим столь настойчиво и скоро, что меня это немного встревожило.

– Отец счёл нужным не сообщать мне всех подробностей. Он ждал твоего приезда, но всему виной Орсини. Ещё в начале июня я подозревал о новой буре, как только Папа опубликовал буллу, в соответствии с которой семья Орсини была отлучена от Церкви, а их имущество и земли были конфискованы в её пользу. Кажется, мы стоим на пороге новой войны, но уже внутренней.

Удивительно, но всю дорогу до Апостольского дворца Чезаре и Хуан беседовали, как ни в чём не бывало. Будто бы и не было их размолвки в письмах. Вероятно, Хуан поостыл и забыл это недоразумение. В конце концов, нельзя же вечно таить обиду да ещё на родного брата. Чезаре не вспоминал о тех днях, он был счастлив, что их отношения с Хуаном наладились.

Через несколько минут оба уже находились в кабинете Александра VI, возле которого стоял верный Франческо Гасет, вернувшийся из Пезаро вместе с Лукрецией и Джованни Сфорца.

– Рад, что ты наконец-то приехал, сын мой, – обняв Хуана, сказал Александр VI. – Твоё возвращение крайне важно для нас, поскольку тебя ждёт ответственная миссия. Мы изгнали

французов из Италии, но требуется покарать мятежных баронов, причинивших нам столько горя. Нам и Неаполю. Полагаю, Чезаре сообщил тебе, что речь идёт об Орсини. В тот момент, когда на них рассчитывали мы и Неаполь, они распахнули ворота Карлу. Этого нельзя так оставлять. Полдела уже сделано, Вирджинио Орсини арестован и находится под стражей, но остальные члены семейства должны ответить за содеянное. Одной буллы мало, мы должны подкрепить её мечом Священного престола. Для этого мне необходим новый гонфалоньер церкви, который возглавит папские отряды, поскольку я приказал лишить Никколо Орсини, графа Питильяно, этого поста. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду, Хуан.

– Да, отец.

– Ты займёшь этот пост, возглавив военный поход против Орсини. Поведёшь войска в бой.

Глаза Хуана загорелись торжествующим огнём. О подобной милости он и мечтать не мог. Однако Чезаре вовсе не разделял радости брата. В этот момент он так завидовал брату, как никогда и никому до этого. Мечта, к которой Чезаре стремился всю жизнь стоит в двух шагах от него, но в то же время недостижима. Кардинал Валенсийский отдал бы всё, лишь бы сбросить ненавистную кардинальскую мантию и оказаться на месте брата. Если бы он мог переубедить отца... Однако несогласие Чезаре выражалось и более рациональными соображениями. Не выдержав, он вмешался в разговор:

– Отец, при всём уважении к тебе и Хуану, но мой брат дилетант в полководческом ремесле. Он не владеет стратегическим мышлением, которое необходимо для любого полководца. Хуан не участвовал ни в одном реальном бою, мне хотя бы доводилось наблюдать за действиями французов. Сожалею, но Хуан далёк от военной науки, как луна от Земли.

Взглянув на брата, Чезаре поймал на себе его, наполненный обидой и в то же время яростью, взгляд, а его вопросительное выражение лица сменилось на гримасу злости и презрения. Но Чезаре держался уверенно, он не шелохнулся, а твёрдо стоял на ногах, скрытых полами кардинальской мантии. Он не собирался скрывать правду, когда дело касалось войны.

– Мы все были дилетантами, Чезаре, – спокойно ответил Александр VI. – Это легко поправимо. Я пригласил весьма талантливого и опытного кондотьера, Гвидобальдо да Монтефельтро, герцога Урбино. Он будет в Риме уже через несколько дней. Уверен, Хуан перейдёт у герцога много знаний о военном искусстве, но Чезаре отчасти прав, Хуан. Тебе незнакома обстановка реального боевого столкновения. В отличие от твоего брата, ты даже не наблюдаешь за военными действиями со стороны. Поэтому отнесись со всем пониманием и полной отдачей в постижении военного дела. Прислушивайся к Гвидобальдо. Я возлагаю на тебя большую ответственность и большие надежды, сын мой. Не подведи меня.

– Не беспокойся, отец, – отведя взгляд от Папы, Хуан сурово посмотрел в глаза Чезаре. – Не подведу.

Удивительно, с какой лёгкостью Александр VI распределял роли среди своих сыновей. Хуан, не повидав ни одного сражения, становится гонфалоньером церкви, а Чезаре, наоборот, тяготеющий к полководческому делу, битвам и умеющий выстраивать военные тактики, облачается в сан кардинала. Казалось бы, совершенно нелогичное решение. Особенно, когда его принимает такой человек, как Родриго Борджиа, с незаурядным складом ума, сумевший провести Карла VIII и своего противника Джулиано делла Ровере. Это попросту невозможно. Однако Папа был уверен, что Хуан сумеет справиться с поставленной задачей, тем паче под руководством опытного кондотьера. Вероятно, Хуану пришла пора подкрепить делом свой титул герцога, который обязан уметь организовать оборону своих владений. Но в то же время ход мыслей Александра VI нетрудно понять. Возможно, он в глубине души понимал, что Чезаре стал бы отменным воином, а не кардиналом, однако других кандидатов принять сан среди своих сыновей у Александра VI не было. По сути, Папа рассчитал всё грамотно. Может он и не учитывал желания своих детей, но делал это только ради блага своего рода, а не по воле прихоти.

К октябрю подготовка к войне с Орсини была завершена. Гвидобальдо да Монтефельтро и Хуан Борджиа разрабатывали план атаки. Александр VI также поручил герцогу Урбино командование папскими войсками. Фактически Хуан делил свой пост с Гвидобальдо. В конце месяца герцог Гандийский официально был провозглашён знаменосцем Церкви, получив жезл главного капитана папского войска. Такой же символ главнокомандующего получил и Гвидобальдо да Монтефельтро, принявший участие в церемонии, проходившей в соборе Святого Петра. Стиснув зубы, Чезаре наблюдал, как его брат, распираемый от чувства собственной важности, бахвалился своим назначением. На следующий день армия выступила в поход. Начало военной кампании складывалось более чем благоприятно для папской армии. В течение нескольких недель десять крепостей, подконтрольных Орсини, сдались одна за другой. Папа был уверен, что война не затянется надолго, и его армия сможет разбить легионы Орсини, а значит, он не ошибся, назначив Хуана командующим армией. Вскоре папское войско подошло к Браччано, главному городу Орсини, стоявшему на берегу одноимённого озера, кое-где опоясанного лесистыми холмами, словно краями чаши. Над городом, стоя на пригорке, возвышался, причудливой треугольной формы, замок, увенчанный короной из пяти круглых крепостных башен, на которых развевались знамёна Франции. Выйдя к озеру Браччано, Хуан и Гвидобальдо решили разделить армию на три части. Первая маршировала к Ангвилларе чуть восточнее, вторая к Тревеньяно, городу на противоположном берегу озера, намного севернее Ангвиллары, а третья под командованием герцогов Гандии и Урбино направилась к городу Браччано. Эти три города заключали озеро в большой треугольник. Однако с этих дней удача покинула армию Ватикана, и кратковременная война грозила затянуться надолго. Ангвиллара и Тревеньяно оказали мощное сопротивление, но больше всего крови было пролито у стен Браччано. Под командованием одного из самых храбрых и отважных кондотьеров Италии Бартоломео д'Альвиано гарнизон крепости с лёгкостью отбивал неоднократные попытки папской армии взять город штурмом. Потери армии Ватикана увеличивались с пугающей скоростью. Поля перед городскими стенами были усеяны трупами с раскроенными головами, переломанными костями, стрелами и шпагами в теле, полностью обгоревшие от кипятка или горящего масла. Повсюду валялись обломки копий, мечи, алебарды и аркебузы, которые папские отряды, отступая в суматохе, оставили. Теперь некогда блаженную тишину нарушали назойливые крики ворон, которые кружились над холодными трупами, чтобы полакомиться мертвецами. Посовещавшись, Хуан Борджиа и Гвидобальдо да Монтефельтро пришли к единому решению – осада. Отныне стало окончательно ясно, что война не будет окончена и до Рождества. В крепость Браччано предусмотрительно успели завезти внушительное количество боеприпасов и продовольствия.

С наступлением зимы положение папской армии стремительно ухудшалось крепчавшим морозом. Хуже того, правитель Читта-ди-Кастелло, Вителлоццо Вителли, а также сторонники Джулиано делла Рвоере, собрали собственные отряды, выступив на помощь Орсини. Однако среди недругов Борджиа нашлись те, кто отказался поднять на них меч. Ненависть к Орсини семейств Колонна и Савелли перевесила ненависть к Борджиа. Наступил январь 1497 года, а Браччано по-прежнему оставался в руках Орсини. Тогда папская армия снова решила на штурм непокорного города, но Небеса явно благоволили оборонявшимся. Гвидобальдо да Монтефельтро получил серьёзное ранение. Солдаты ожидали приказов своего второго командующего, но Хуан Борджиа не сумел взять инициативу в свои руки, и продолжить атаку. Ему не удалось организовать свои отряды, видя, как воины разбредаются по всему полю, словно муравьи. Оставшись, фактически, без командиров, папская армия отступила в лагерь зализывать раны. Защитники Браччано чувствовали запах скорой победы, а потому решили поглотиться над армией Рима. Через два дня ворота крепости распахнулись, и солдаты выпустили

осла, направившегося в сторону лагеря римлян. На его шее висела табличка с надписью: «Пропустите посланника к герцогу Гандийскому». Под хвостом у осла обнаружили записку, в которой Бартоломео д'Альвиано обещал заплатить вдвое больше тем, кто покинет лагерь Борджиа, предварительно подняв герцога Гандийского на копьях к небу.

Дни летели один за другим, надежда на успешный захват Браччано угасала, как последний луч солнца на закате за горизонтом. Боевой дух солдат Рима трещал по швам, часты стали случаи дезертирства. Но тут пришла отличная новость, приободрившая римлян. Тревиньяно пал, и теперь почти вся армия стягивалась к Браччано. В то же время за стенами крепости также множились упаднические настроения. Осада продолжалась слишком долго, солдаты начинали голодать, исчерпав запасы продовольствия. Как и в папском лагере, люди д'Альвиано стали подумывать о капитуляции. Внезапно, в конце января, дневную тишину, словно раскатом грома, нарушили звуки боевых труб за холмами. Все насторожились. На вершине холма появились всадники, над головами которых реяли знамёна Читта-ди-Кастелло и алой розы – одного из символов родового герба Орсини. Защитники Браччано ликовали, на помощь им вовремя подошли отряды Вителлоццо Вителли и Карло Орсини. Над крепостью Браччано разрывались приветственные крики: «Орсини! Орсини!». Боевой дух вновь наполнил сердца осаждённых, наблюдавших с крепостных стен за, видневшимся вдалеке, лагерем папский войск.

Через мгновение мёрзлая земля задрожала под стуком копыт отрядов Вителли и Орсини. Галопом, сбежав с холма, они налетели на лагерь римлян словно коса, что резким движением скашивающая высокую траву. Спустя ещё пару минут большая часть папского лагеря полыхала в огне, палатка за палаткой. Скоро от него ничего не осталось, кроме пепелища и гор новых трупов. Отряды Вителли и Орсини, превосходившие численностью отряды Ватикана, рубили неприятеля одного за другим, со всего размаху нанося удар мечами и копьями. До защитников Браччано доносились яростные крики нападавших, стоны раненных и умирающих, металлический звон оружия и запах гари. Предвидя своё поражение, изрядно потрёпанная, папская армия обратилась в бегство. Никто уже не думал о сопротивлении, тем более о победе. Всех волновало спасение собственной жизни, которая могла оборваться в любой момент. Видя своих мёртвых товарищей, затоптанных насмерть лошадьми, с перерезанным горлом или разможжённой головой, все стремглав мчались, куда глаза глядят. Гвидобальдо да Монтефельтро отчаянно пытался остановить беглецов и организовать отпор, но всё было напрасно. Солдаты уже не подчинялись ему, разбредаясь, кто куда. Под шумок, отделавшись лишь ранением в голову, бежал и Хуан Борджиа, смешавшись с собственными солдатами. Оставшись среди остатков редющей армии Ватикана, герцог Урбино попал в плен. Оглянувшись на миг, Хуан увидел, как Гвидобальдо да Монтефельтро обступил отряд конницы, наставив на того копьё. Отыскав коня Хуан, помчался в Ронсильоне, спеша как можно скорее скрыться из виду.

Александр VI и Чезаре о чём-то оживлённо беседовали, когда в кабинет ворвался Хуан. Папа и кардинал Валенсийский на миг лишились дара речи, увидев с трудом державшегося на ногах герцога. На его лице до сих пор остались следы засохшей крови и грязи. Вероятно, Хуан спешил в Рим столь резво, что не успел умыться. Справа на его голове алела рана, нанесённая мечом, но пряди волос слегка скрывали её.

– Хуан... – испуганно произнёс Папа, осторожно, словно опасаясь чего-то, приближаясь к сыну. – Что произошло?

– Орсини разбили нас, – ответил герцог, отчего из раны на его разбитой губе начала сочиться кровь. – Мы не смогли взять Браччано.

Хуан рассказал обо всём, что произошло у стен крепости. О неудачных попытках взять её штурмом и долгой осаде. Наконец, об отрядах Вителлоццо Вителли и Карло Орсини, которые

смели лагерь папской армии, как крошки со стола. Подойдя к Хуану, Александр VI, не сумев обуздать накрывший его лавиной гнев, отвесил ему пощёчину тыльной стороной ладони.

– Я рассчитывал на тебя, доверив столь важную миссию, а что в результате? – гремел Папа. – Неужели ты ничему не научился у Гвидобальдо за такой срок? Как не горько это признать, но Чезаре был прав. Ты не оправдал моего доверия, Хуан. Ты подвёл меня, не только как полководец, но в первую очередь как сын.

В голову Александра VI начали закрадываться дурные мысли. Неужели он всё же допустил ошибку, назначив Хуана командующим папскими войсками? Неужели он снова так грубо просчитался?

– Отец, моей вины в нашем поражении нет, – протестовал Хуан. – Она целиком лежит на Гвидобальдо.

– В самом деле? А что же предпринял ты, чтобы исправить ситуацию? Ведь ты тоже являешься главнокомандующим армией.

– Мы не смогли предугадать неожиданный приход отрядов Вителли и Орсини. Они воспользовались эффектом внезапности, кроме того, их численность превосходила нашу.

– Однако ты здесь, а Гвидобальдо нет. Где он?

– В руках Орсини, они требуют за него выкуп.

– И когда ты собираешься его уплатить?

– Я? – широко, раскрыв глаза от удивления, возмутился Хуан. – Я не стану расплачиваться за чужие ошибки.

– Думаешь, такой опытный кондотьер как Гвидобальдо мог подвести меня? Умерь своё высокомерие, Хуан. Ты не желаешь расплачиваться за чужие ошибки? Я тоже не стану расплачиваться за твои. Пошёл прочь с глаз моих!

На минуту воцарилась тишина. Александр VI медленно зашагал к столу, потупив глаза. В первую очередь ему было больно как отцу, чей сын не оправдал тех надежд, которые на него были возложены. Сначала история в Испании, теперь Орсини.

– Любопытно, что же Хуан сделал с тем несчастным ослом? – внезапно спросил Чезаре. – Быть может, они всё же о чём-то договорились.

– Замолчи! – воскликнул Александр VI, резко повернувшись к сыну. – Неудачи твоего брата не повод для зубоскальства.

– А чего ты ожидал от меня услышать? Разве я не предупреждал тебя, что Хуан дрянной полководец?

– Прекрати, одно отступление ещё не является поражением.

– Верно, но пока ты не прислушаешься к моим словам, этих неудач и отступлений у нас будет в избытке. Я вновь повторю тебе, Хуан не наделён теми качествами, которые присущи любому полководцу. Это не его стезя.

– Но и не твоя! Я знаю, к чему ты ведёшь, твои помыслы написаны у тебя на лице. Ты желаешь отказаться от сана и занять место Хуана на посту гонфалоньера. С самого начала ты хотел быть на месте брата. Не забывайся, Чезаре. Уясни раз и навсегда: ты кардинал и остаешься им. Твоя судьба заключена в этих стенах.

– В которых я похоронен, будто покойник в холодном склепе, – вставил Чезаре. – Думаешь, почему я стремлюсь вырваться отсюда? В Ватикане я не живу, а лишь существую.

– Я понимаю, ты пытаешься помочь, но будешь это делать на своём поприще. Помогай, вознось молитвы Господу за благополучие нашей семьи.

Ничего не ответив Александру VI, Чезаре быстро удалился. Он чувствовал, как пылало его лицо, но не от стыда, а от гнева и досады. Отец оградил Чезаре от всего, что было мило его сердцу. Кардиналу Валенсийскому в очередной раз пришлось ощутить на себе отцовскую железную хватку. Он не знал, что должно произойти, чтобы Папа осознал всю глупость своего решения, назначив Хуана гонфалоньером Церкви.

После разговора с отцом, Чезаре вспомнились его слова: «Будь его разумом и советчиком, но не соперником». Ради семьи кардиналу Валенсийскому, вновь пришлось переступить через себя.

– Если я не могу сражаться сам, то стану орудием Хуана, исправив его ошибки перед семьей, – сказал себе Чезаре.

На следующий день кардинал Валенсийский направился к Хуану, желая оказать ему помощь в разработке плана ответной атаки на Орсини. Перед тем, как войти в кабинет Хуана, Чезаре столкнулся с тем самым таинственным человеком в маске, которого довольно часто видел в обществе брата. Особенно, поговаривали слуги герцога Гандийского, оба возвращались в Ватикан далеко за полночь. Они переглянулись, но не обменялись ни словом. У Чезаре этот незнакомец не вызывал никакого доверия. Он хотел было расспросить Хуана, но тут же спохватился, ведь тот ничего не скажет. «Значит, буду действовать через своих доверенных лиц, – подумал Чезаре, проводив взглядом чёрную фигуру, скрывающуюся за углом». Войдя к герцогу Гандийскому, тот встретил брата отнюдь не улыбкой и даже не приветствием. Он явно был не рад приходу Чезаре.

– Ба, – нарочито протянул Хуан, – смотрите-ка, его высокопреосвященство кардинал Валенсийский почтил меня своим присутствием. Чем обязан столь высокой честью?

В голосе Хуана слышалось признание, уж слишком свежа была обида, нанесённая ему словами брата.

– И я рад тебя видеть, Хуан, – спокойно ответил Чезаре, и его тонкие губы тронула лёгкая усмешка.

– Итак, его высокопреосвященство снизошёл до своего никудышного брата. Интересно с чего бы?

– Оставь паясничество, Хуан. Неужто ты до сих пор дуешься на меня из-за моего несогласия с твоим назначением на пост гонфалоньера? Полно, мы же братья, а разве братья не могут попенять друг другу за те промахи, которые они совершают? Я же хочу помочь тебе.

– Помочь, значит? – продолжал язвить герцог. – Не смей меня, братец, – на последнем слове Хуан сделал особый акцент. – Каким же образом ты собираешься мне помочь? Советами, которые ещё более дискредитируют меня в твою пользу в глазах отца? Давай смотреть правде в глаза: тебя задевает, что не ты командующий папской армией, но отдал бы всё, только бы оказаться на моём месте.

– Ошибаешься, Хуан, – медленно покачав головой, ответил Чезаре. – Я радею о благе нашей семьи не меньше, чем ты. Поэтому и указываю на те ошибки, которые ещё можно исправить, избежав фатальных последствий. Затем я и пришёл к тебе, только и всего. В одиночку тебе не разработать стратегию дальнейшей войны с Орсини, а мне есть, что тебе предложить. Думаешь, в университетах я изучал одну лишь теологию да каноническое право? В свободное время я зачитывался деяниями Юлия Цезаря, и как ты знаешь, сумел увидеть действия капитанов и их отрядов в реальных боевых условиях. С моей помощью ты реабилитируешься в глазах отца.

– Красивые слова, да только ты забываешь, кто из нас кардинал, а кто полководец. Я не нуждаюсь в твоих советах. Отец обратился к Их Католическим Величествам. Скоро в Рим придёт Гонсало де Кордова. С ним-то мы и сокрушим Орсини. Твой же удел – молиться за нашу победу, как велит тебе твой сан.

Чезаре начинало трясти от гнева. Кровь отпрянула от его лица, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Чезаре чувствовал себя котёнком, которого уткнули носом в пролитое молоко. Нечеловеческими усилиями Чезаре усмирив зверя, проснувшегося внутри него, и сказал:

– Мой сан не мешает мне помогать тебе добрым советом. Я всего лишь стану тем, кто направит твою руку в нужном направлении, а ты мечом, сокрушающим наших врагов.

– Возможно, но мне мешает твоё присутствие, поскольку я уже сказал, что не нуждаюсь в твоих советах.

– Глупец! – не выдержал Чезаре. – Твоё высокомерие станет твоей гибелью. Подумай об отце, который надеется на тебя, а своими действиями ты приносишь ему лишь разочарования. Хоть раз подумай о семье, а не только о себе.

Резким движением тела Чезаре развернулся, заставив полы своей мантии и длинные каштановые локоны описать круг, и быстро направился к выходу. Отношения двух братьев накалились ещё больше, нежели раньше. Несомненно, Хуан был зол на Чезаре. Его самолюбие было настолько задето обидными словами брата, что он и слышать ничего не желал от него. Чезаре понял, отныне надежда на перемены к лучшему в отношениях с братом медленно таяла, как воск свечи, расплавляемый зажжённым фитилём уже далеко не первых размолвок.

Одержав славную победу над Борджиа в битве при Браччано, Орсини и их сторонники готовились отбить последние одиннадцать крепостей, остававшиеся под контролем Рима. Александр VI решил закончить войну с Орсини как можно скорее, для чего в Рим и прибыл Гонсало де Кордова. Для нанесения завершающего удара Папа решил не рисковать и предоставил командование армией Гонсало, вместе с которым отправились Хуан Борджиа и Джованни Сфорца. Под грамотным командованием Гонсало де Кордовы папская армия одержала ряд побед, проредив отряды Орсини. Довольно быстро войска Ватикана добрались до Остии, где держали оборону сторонники Джулиано делла Ровере. Уже двадцать первого февраля город был взят в осаду, а после небольшого сражения и вовсе капитулировал. К пятнадцатому марта папская армия под командованием Гонсало де Кордовы вернулась в Рим. Рядом с главнокомандующим ехали Хуан Борджиа и Джованни Сфорца, которые после возглавили парад войск победителей.

Александр VI добился своей цели пусть и чужими руками. Проявив милосердие к побеждённым, он не предавал их суду и не отправлял на плаху. К чему уничтожать под корень одну высокородную семью, усиливая другие? Главное – военное и политическое могущество Орсини было подорвано, этого вполне достаточно. Папа даровал Орсини свободу, вернув некоторые захваченные города, кроме Черветри и Ангвиллары. За эту милость Орсини пришлось пополнить казну Ватикана на полсотни тысяч дукатов. Решив смыть позор, который Хуан навлек на себя поражением у стен Браччано, Александр VI позволил ему присвоить победу, одержанную Гонсало де Кордовой, себе. Генерал не мог стерпеть столь вопиющей наглости, отказавшись принять из рук Папы благословенную пальмовую ветвь, да ещё после герцога Гандийского. Прибегнув к языку дипломатии, Александру VI удалось потушить недовольство Гонсало де Кордовы, даровав ему Золотую розу – высшую награду христианских государей, преподносившуюся в знак почтения. К счастью, на этом конфликт был исчерпан, а выкуп за Гвидобальдо да Монтефельтро пришлось уплатить его родственникам. В любом случае, война с Орсини была окончена, принеся какую никакую, но победу Борджиа.

ГЛАВА XIX

ГОРИЗОНТ НОВОГО СОЮЗА

Рим, апрель 1497 года

До семнадцатого дня рождения Лукреции Борджиа оставалась неделя. Юная властительница Пезаро была в предвкушении предстоящих торжеств, к которым она так успела прирастаться. Ей не терпелось вновь ощутить эту волшебную бурную атмосферу, наполненную музыкой, танцами, комедиями и прочим изысками светской жизни. Прихорашиваясь у зеркала, Лукреция в очередной раз обратила внимание, что за эти несколько лет в ней произошли некоторые перемены. Её лицо, которое приобрело более взрослые черты, по очертаниям одежды было видно, что её высокие груди заметно округлились, став более полными, налившись молодостью. Нельзя было не обратить внимания, что Лукреция серьёзно прибавила в росте. Она видела и чувствовала себя взрослой девушкой, к тому же она уже замужняя. Рим был окутан апрельскими сумерками, когда Лукреции доложили о приходе камергера её мужа. Он сообщил о намерениях синьора Джованни Сфорца покинуть Рим и требованиях, чтобы Лукреция непременно присоединилась к нему. Её настроение мигом омрачилось. Несмотря на то безудержное веселье, которому она предавалась в Пезаро, по-настоящему счастлива она была в Риме, рядом с семьёй, с которой не чувствовала себя одинокой.

– С чего вдруг такая спешка? – поинтересовалась Лукреция.

Камергер не успел дать ответ, как в комнату вновь вошёл слуга, известивший своё госпожу о визите кардинала Валенсийского. Лукреция знала, что Чезаре недолголюбивает Джованни Сфорца, а значит не к чему ему видеть слугу её мужа у себя, дабы не давать повод для лишних домыслов.

– Прячьтесь за ширму, быстро, – приказала она камергеру. – Не издавайте ни звука, если не хотите плачевных последствий.

Обеспокоенный камергер резко прыгнул за ширму, прижавшись к стенке с такой силой, что казалось, он пытался пройти сквозь неё, чтобы ускользнуть из комнаты. Лукреция велела позвать кардинала Валенсийского. Войдя в комнату, Чезаре обнял и поцеловал в щёку сестру.

– Лукреция, я принёс тебе новость, которая, думается мне, обрадует тебя, – нежно улыбнулся Чезаре.

– Ну-ка, удиви меня, – заинтригованно ответила Лукреция.

– Близится день твоего рождения, и отец, жажда угодить любимой дочери, решил пойти навстречу твоим желаниям. Он окончательно пришёл к выводу, что твой, скажем прямо, неудачный брак с Джованни Сфорца не только тяготит тебя, но и больше ничего не может дать нашей семье. Лодовико Моро вновь пошёл на сближение с Францией, отделившись от Священной лиги. А мы в свою очередь очень сблизилась с Испанией за время совместных действий против короля Карла и Орсини, что не устраивает дом Сфорца. Однако непостоянство и непредсказуемость Лодовико не устраивает нас. Посему, отец освободит тебя от общества Джованни, расторгнув ваш с ним брак.

Лукреция вопрошающе смотрела на брата, не зная, что сказать. Казалось, её точно молнией пронзило. На Лукрецию словно снизошло озарение. Не понимая почему, но в её голове возникла жуткая догадка, о природе желания Джованни покинуть Рим так скоро.

– Отчего же я не вижу твоей белоснежной улыбки? – удивился Чезаре, – Разве ты не рада?

Выдержав короткую паузу, Лукреция собралась с мыслями, и ответила вопросом на вопрос:

– Но на основании чего развод будет осуществлён?

– Это будет не совсем развод, – пояснил Чезаре, заложив руки за спину. – Видишь ли, официальное расторжение брака повлечёт за собой слишком большой скандал. Поэтому Джованни просто исчезнет.

Лукреция издала испуганный вздох. Она отшатнулась, прижав руки к груди, и посмотрела на брата ошарашенными глазами.

– Исчезнет? – переспросила Лукреция.

– К сожалению, более лёгкого и безопасного способа не существует, – спокойно ответил Чезаре.

– Нет! Нет! Нет! – закричала Лукреция.

Она развернулась, и в ужасе подбежала к окну, уперев руки в раму. Взору Лукреции открылись мрачные, стремительно пустевшие улицы Рима, освещённые неровным светом факелов, отражавшимся в тёмных водах Тибра, как в кривом зеркале.

– Лукреция, неужели в тебе неожиданно проснулись чувства к этому бесхребетному трусу, страшашемому собственной тени и живущему по чужой указке?

– Все нет, – повернувшись к брату, резко ответила Лукреция. – Ты не хуже меня знаешь, что в моём сердце никогда не было и не будет любви к Джованни. Моё желание освободиться от него безгранично, но я не хочу отнимать его жизнь ради собственных мирских удовольствий.

– Дорогая сестра, в наше время жизнь нисколько не прибавила в цене. Люди убивают друг друга и за меньшее, а в случае с Джованни всё складывается ещё проще. По-твоему сближение Сфорца с Францией, нашим врагом, не является предательством интересов Борджиа? Разве то, что Джованни не сумел сделать тебя счастливой или хотя бы матерью не является преступлением по отношению к тебе?

– Возможно, но я не хочу обрекать наши с тобой бессмертные души и душу отца на вечные муки в адовом огне. Не хочу пятнать их грехом пролитой крови. Да ещё подвергать нас опасности со стороны Сфорца.

– Лукреция, ты, видимо, недостаточно хорошо знаешь своего любимого брата. Если я что-то предлагаю, значит это осуществимо.

– Но ты замышляешь убийство.

– Убийство? Помилуй, Лукреция, я говорю о несчастных случаях, способных кардинально изменить ход истории. Смерть Джема была несчастным случаем, но она разрушила планы Карла о крестовом походе, и уберегла османов. Эти капканы судьбы расставлены на каждом шагу. Вопрос лишь в том, кто и когда станет её очередной жертвой.

Лукреция подбежала к брату, положив руки на его мирно вздымавшуюся грудь. Удивительно, насколько спокойным было дыхание кардинала Валенсийского, словно речь шла о чём-то обыденном. Хотя, учитывая обстоятельства, так оно и было.

– Нет, Чезаре, молю тебя, ты не должен допустить этого. Поговори с отцом, переубеди его. Джованни может не лучший муж и зять, зануда и трус, но он определённо не заслуживает такой кары. Не обрекай на вечные муки ни тех, кто тебе дорог, ни самого себя.

Чезаре обнял сестру, нежно поцеловав её в лоб. Он чувствовал, как Лукрецию трясло, словно от холода, сковывавшего в трескучий зимний мороз.

– Поверь, Лукреция, мы с отцом сделаем всё, для твоего счастья, но порой за него нам всем приходится платить немалую цену. Мы хотели найти иной, менее радикальный, способ, но Джованни ни под каким предлогом не согласился на развод. Нам придётся осуществить задуманное ради блага семьи.

Простившись с сестрой, Чезаре удалился. Его разрывали противоречивые чувства. Идя к Лукреции, он был уверен, что та не станет препятствовать устранению Джованни Сфорца, но столкнулся с непоколебимым сопротивлением и отстаиванием собственных интересов. Дстойная Борджиа, однако, в Лукреции было то, что значительно отличило её от Чезаре –

милосердие, к голосу которого она прислушивалась намного чаще, нежели её прагматичный брат, руководствовавшийся холодным расчётом. Конечно, династические браки редко подпадают под число счастливых, но порой чудо случается. Лукреция понимала, что отчасти Цезаре прав – её брак с Джованни Сфорца вовсе не пестрил красками счастья, и, действительно, складывался весьма скверно, о чём сам Джованни неоднократно писал Асканию Сфорца. Однако Лукреция не могла допустить, чтобы Джованни стал жертвой честолюбивых взглядов её отца и брата, только не таким способом. Она никогда не простит себе, если закроет глаза на убийство, которому могла помешать, позволив любимому брату и отцу запятнать свои души пролитой кровью невинного. Пусть ради этого Лукреции придётся пойти против семьи, которую она любит всем сердцем. Судьба вынуждает её сделать шаг, на который она ни за что бы не решилась.

Лукреция велела камергеру покинуть своё укрытие. Лицо у бедняги было бледным, как у покойника, а руки тряслись, как у закоренелого пьяницы. Нетрудно было представить, какой страх он испытал, находясь в нескольких шагах от того, кто обсуждал убийство его господина.

– Ты всё слышал? – спросила Лукреция.

Обезумев от страха, камергер не знал, что ответить. Казалось, в его горле застрял ком, поэтому он неуверенно закивал головой.

– Тогда беги к своему господину, и предупреди его об опасности, которая грозит ему. Живо!

Камергер ветром вылетел из комнаты, хлопнув дверью, а Лукреция упала на диван, стоявший в шаге от неё, и погрузилась в размышления о завтрашнем дне. Какой силы будет гнев её отца, когда он узнает, а это случится в любом случае, что сотворила его дочь? Что ждёт её саму после подобного своевольтства?

В туже ночь Джованни Сфорца, подгоняемый страхом неминуемой смерти, покинул Рим. Под утро следующего дня он добрался до Пезаро, но не успел въехать в город, как его конь, загнанный до смерти, рухнул замертво на землю, захлёбываясь собственной пеной.

Выйдя от Лукреции, Цезаре направился к себе. В тускло освещённой приёмной его ждал Микелотто Корелла, сидя в кресле. За прошедшие года он особо не изменился. По-прежнему не отличался общительностью. После университета дружба Микелотто и Цезаре не распалась, а укрепилась ещё сильнее. Микелотто стал работать на кардинала Валенсийского, выполняя его самые разные поручения, независимо от цели и задачи, подобно солдату, не задавая лишних вопросов. Увидев кардинала Валенсийского, Микелотто встал с кресла.

– Микелотто, рад тебя видеть, – обратился к нему Цезаре, отводя к окну. – Надеюсь, ты сделал всё, о чём я просил?

– Да, Цезаре, но боюсь мне нечем тебя порадовать, – ответил Микелотто, огрубевшим за минувшие несколько лет, голосом. – Никому ничего не известно о новом друге герцога Гандийского. Ни откуда он родом, ни о ремесле или чём-либо ещё. Даже о маске никто ничего толком не знает. Горожане сторонятся его и особо не интересуются, зачем он приехал в город.

– Проклятье! – выругался Цезаре. – Не нравится мне этот тип. Хуан упорно не желает рассказывать о нём даже Папе. Мне кажется, что он имеет влияние на моего брата. Отец считает, что я выискиваю подвох там, где его нет, но зная характер Хуана и памятуя его поведение в Испании, от него можно ожидать многого.

– Сожалею, что не сумел раздобыть для тебя ничего важного, но мне удалось кое-что разузнать о самом Хуане.

– Выкладывай.

– Я слышал, тебя беспокоят ночные прогулки твоего брата. Сложно сказать, насколько это окажется полезным, но в данном случае я думаю, что любая информация может приго-

даться. Многие поговаривают о любовных похождениях Хуана, которым он, вероятно, и предаётся по ночам.

– И что из того? Для Рима подобные рассказы не редкость. Борделей в городе предостаточно, выбирай любой.

– Да, но эти слухи расходятся по городу столь быстро, что могут навредить твоему брату. Всем известно, что у Борджиа достаточно врагов, думаю, если мужья, отцы или братья тех девушек, которых посещает Хуан, узнают о его походах, герцог обзаведётся новыми врагами. А судя по разговорам, твой брат предпочитает не только шлюх, но и более знатных особ. По всему Риму множатся разговоры о том, что Хуан обесчестил дочь представителя одного знатного рода.

– Знаешь какого?

– Молва твердит о дочери графа Антонио Мария делла Мирандола.

Чезаре на мгновение задумался, подперев кулаком подбородок.

– Не нравится мне это. Спасибо, Микелотто, хоть какие-то вести ты раздобыл. Держи в знак благодарности. Чезаре передал ему мешочек, в котором призывно зазвенели дукаты. Поблагодарив его, Микелотто направился к выходу, а в голове Чезаре множились вопросы, на которые он не мог отыскать ответы.

ГЛАВА XX

БУРЯ В ДОМЕ БОРДЖИА

Рим, апрель 1497 года

В эту ночь Лукреция так и не сомкнула глаз. Лёжа на кровати в объятиях темноты, она повернула голову в сторону окна, через которое в комнату проникал холодный лунный свет. В сознании Лукреции ширились мрачные мысли, заставлявшие её сердцебиение учащаться. Из роя своих размышлений Лукреция раз за разом выхватывала единственную мысль – сумел ли Джованни выбраться из Рима? С этой мыслью ей всё же удалось заснуть, но лишь под утро, незадолго до того, как Джованни Сфорца оказался у стен Пезаро. Проснувшись Лукреция в подавленном настроении, её глаза источали холод и равнодушие ко всему. Даже скорые собственные именины не могли вновь разжечь прежний огонь в её душе, который Чезаре потушил в тот миг, когда покинул покои сестры дуновением захлопнувшейся двери. Ангельское лицо Лукреции застыло в гримасе печали. Она сидела на диване совершенно не подвижно, словно мраморная скульптура, изваянная рукой самого Верроккьо. Лишь мирно вздымавшаяся грудь напоминала, о живом состоянии Лукреции, но в данный момент её мысли были далеко отсюда. Пентасилея всячески пыталась взбодрить свою госпожу, но все её попытки разбились о непреступную стену отчаяния.

– Что тревожит вас, графиня? – спросила камеристка. – Излейте мне свою душу, может я смогу унять вашу боль.

– Увы, дорогая Пентасилея, – вздохнула Лукреция, – никто мне не сможет помочь. Я в ловушке, в ловушке обстоятельств, законов политики и проклятых обязанностей женщин знатных семей. Я не знаю, что делать. Не знаю, как вырваться из этой клетки.

– Быть может, мы сумеем помочь?

Услышав знакомый голос за своей спиной, Лукреция неохотно обернулась. В комнату вошли Александр VI и Чезаре. При виде понтифика и кардинала Валенсийского Пентасилея сделала реверанс, поприветствовав их. Поднявшись с дивана, то же сделала и Лукреция, но намного медленнее, будто её одолевала слабость. Жестом руки Александр VI велел Пентасилею покинуть комнату. В то же мгновение та исчезла в соседнем дверном проёме. Лукреция по-прежнему хранила молчание.

Поймав взгляд сестры, Чезаре показалось, что по его телу пробежал тот же холодок, что источали её серые, словно ледяные, глаза, наполненные душевными терзаниями. Приблизившись к дочери, Александр VI спросил:

– Лукреция, дитя моё, скажи мне открыто, не таясь, где твой муж?

– Понятия не имею, – отрезала Лукреция.

– Вот как? – усмехнулся Папа. – А я так не думаю. Остерегись, Лукреция, ты смеешь лгать своему отцу и верховному понтифику?

– Я не знаю, где Джованни, – с прежней невозмутимостью, давшей ей с огромным трудом, повторила Лукреция, стараясь сохранять твёрдость голоса.

Александр VI ещё на шаг сократил расстояние с дочерью и, буравя её пристальным суровым взором, смотрел на неё сверху вниз. Лукреция чувствовала, как тяжесть отцовского взгляда, казалось, прибавала её к полу, и она будто становилась невообразимо маленькой, стоя перед огромной грозной скалой.

– Лукреция, ни к чему скрывать правду от отца, – сказал Александр VI. – Ты знаешь, я не потерплю интриг за моей спиной, особенно от собственных детей. Мне казалось, ты выучила этот урок после истории с Джулией и Каподимонте. На кону стоит будущее нашей семьи, бла-

гополучие которой в твоих интересах. Поэтому, если тебе что-либо известно, скажи мне прямо сейчас.

Оборона держалась недолго. Не выдержав натиска отца, Лукреция рассказала обо всём, что произошло прошлым вечером. О визите Чезаре, а затем о том, как предупредила Джованни Сфорца, в ту же ночь покинувшего Рим. Папа бросил суровый взгляд на Чезаре, и Лукреция сразу поняла – отец не знал о вечернем приходе её брата. Ей казалось, что Александр VI вот-вот обрушится на неё ужасающим гневом, словно Зевс, обрушивая тысячи молний на её голову. Подобного исхода ожидал и Чезаре, готовясь принять на себя удар вместе с Лукрецией. Прочитав мысли друг друга, они быстро переглянулись. Но к удивлению обоих, внешне, Александр VI был спокоен, но Чезаре и Лукреция ни на секунду не сомневались, что внутри у него бушевала гроза.

– Но зачем тебе это, дитя моё? Неужели ты не хочешь освободиться от нелюбимого мужа, к которому ты не испытываешь ничего, кроме жалости, как я погляжу?

– Хочу, но так же я хочу, чтобы Джованни остался жив, – решительно заявила Лукреция.

– Дочь моя, ты знаешь, как Папа, я не приемлю убийства, но Джованни не оставил нам иного выбора. Дом Сфорца стал для нас бесполезен. Я пошёл тебе навстречу, потому что люблю тебя, но также этот шаг необходим для нас. Не забывай о своём предназначении, которое ты должна исполнить ради блага семьи.

– Моё предназначение – это быть пешкой в твоей игре! – вырвалось у Лукреции. – С самого начала мне была отведена роль пешки, которую передвигают по шахматной доске.

В душе Лукреции бушевал вулкан, готовящийся взорваться раскалёнными потоками слов и эмоций. А Чезаре молча продолжал наблюдать за происходящим. Нутро подсказывало ему – надвигается буря.

– Не говори так, – утешал Папа Лукрецию. – Ты вовсе не пешка, я же сказал – у тебя, как и у всех нас, особое предназначение.

– Если не пешка, то кто же тогда? Особое предназначение значит? Я сыта по горло этим предназначением. Ты играешь нашими жизнями, как тебе заблагорассудится. Это жестоко, мне надоела такая роль.

Лицо Александра VI начинало багроветь от гнева, который он был уже не в силах держать в узде.

– Да, я не люблю Джованни, но жалею его, – продолжала Лукреция. – Почему он должен становиться жертвой твоих честолюбивых устремлений? Лишиться жизни из-за твоего безмерного честолюбия?

– Не смей так со мной говорить! – прорычал Александр VI. – Ты упрекаешь меня в жестокосердии? Говоришь, я играю вашими жизнями? Может мои методы бывают жестокими, но обстоятельства вынуждают меня действовать именно так, а не иначе. Думаешь, я занимаюсь устройством ваших жизней по велению личной прихоти? Я радею о вашем благополучии.

– Вершишь наши судьбы, не считаешь с нами? – огрызнулась Лукреция. – Так ты радеешь о нашем благополучии? Считаешь, я хотела стать женой Джованни Сфорца? Или Чезаре хотел стать кардиналом? Да вот только твои решения далеко не всегда идут на пользу и тебе самому. Ты возложил столько надежд на Хуана, а что в итоге? Он выставил себя на посмешище не только в Испании, но и в Италии, не сумев организовать командование армией.

– Придержи свой язык! Не забывай, с кем ты говоришь. Чего ты хочешь? Чтобы я позволил тебе самой избрать себе мужа? Что же, вперёд, выбирай, но помни – своими необдуманными действиями ты нанесёшь удар по собственной семье ничуть не меньше, чем Хуан, а может и больше. Чем же тогда ты отличаешься от него?

– Тем, что это будет моё решение, а не твоё. Хуана сделал ты гонфалоньером церкви и ошибся.

– Значит, у меня были на то веские причины, и не тебе их осуждать. Мне напомнить тебе, что враги беспрестанно роятся вокруг нас? Делла Ровере и ему подобные только и ждут момента, чтобы уничтожить наш род. Называй свою роль в семье как хочешь, но она важнее, чем ты думаешь, в том числе и для тебя. Без прочных союзов мы ничто, а твои браки способствуют укреплению нашего рода в Италии. Лишишь я тиары или жизни, что будет с вами? Своим положением вы обязаны мне. Не думаю, что стань делла Ровере Папой, он примет вас с распростёртыми объятиями. Поверь, Лукреция, я больше всего хотел бы, чтобы ты была счастлива в браке, но политика диктует свои условия. Мы все неразрывно связаны с ней, с чем нам приходится считаться. Союзы посредством династических браков заключаются сплошь и рядом. Прискорбно, но такова реальность, таково бремя власти монархов и их детей, с этим ничего не поделаешь. Прежде чем осуждать меня, испей ту чашу, которую судьба поднесла к моим губам. Ощути это, когда кругом враги, и положиться можно далеко не на всех, и как видно, даже на собственных детей. Почувствуй в действительности, каково это быть правителем и насколько тяжела его корона и бремя власти, ради сохранения которой приходится идти на крайние меры. И дело вовсе не во властолюбии, а в том, что лишь обладая властью, я могу обеспечить ваше благополучие, ради которого пойду на всё.

– Хочешь сказать, что для укрепления нашего рода все средства хороши? – спросила Лукреция.

– Это говорю не я, а наша жизнь. Ты можешь предложить иной выход? Что мне остаётся делать, когда мою семью окружают недруги, от которых я стараюсь оградить её? Не забывай, что и твоё положение укрепит за счёт браков со знатными синьорами, но для этого они должны быть полезными нашей семье. Потому я и другие монархи устраивают браки своих детей.

С этими словами Александр VI, велев Чезаре следовать за ним, покинул комнату дочери. Лукреция рухнула на кровать и, зарывшись в подушку, разрыдалась, осознавая, в каком замкнутом круге она находится. Она не может сделать ни шагу без отцовской воли. Словно птица, рвущаяся в объятия небес, но запертая в клетке, через которую может лишь созерцать манящую высоту. Но ещё больше Лукрецию разозлило, что отец не поделился с ней своими планами, не позволив ей высказать собственное мнение, относительно развода с Джованни Сфорца. Она чувствовала себя спелой ягодой винограда, из которой выдавили все соки. Теперь в душе Лукреции остался лишь дым, клубившийся над вулканом, взорвавшимся минутами ранее.

– Ты поступил крайне опрометчиво, предупредив Лукрецию о Джованни, – сказал Александр VI, обратившись к сыну.

– Но кто же мог предугадать, что она бросится защищать его? – спросил Чезаре. – Ведь Лукреция никогда не питала к Джованни тёплых чувств.

– Однако теперь его будет непросто вернуть в Рим. Кроме того, Джованни уже наверняка сообщил обо всём Асканию и Лодовико. Желая избежать большого скандала, мы всё же навлечём его на себя. Что же, из любой ситуации можно найти выход. Коль мы решили пойти навстречу желаниям Лукреции, будем идти до конца. Её гнев тоже можно понять. Она умна и весьма проницательна, но ещё не до конца осознаёт некоторые реалии нашей жизни.

– Ничего, – ответил Чезаре. – Время – хороший учитель и лекарь.

Оказавшись во дворце Санта-Мария-ин-Портико, Джулия Фарнезе заметила, суету, царившую во дворце. Слуги бегали по коридорам, залам, галереям, собирая вещи и укладывая их в сундуки, которыми был заставлен холл. Поднявшись по главной лестнице, Джулия направилась к Лукреции, которая также собирала свои личные вещи, укладывая их в ещё одни сундуки вместе с Пентасилеей.

– В чём дело, Лукреция? – спросила Джулия.

– Я устала, Джулия, – ответила Лукреция. – Мне хочется вырваться из этих стен. Уехать туда, где я буду вдали от политики и интриг.

– И куда же ты собралась, если не секрет?

– В монастырь Сан-Систо. Там я смогу побыть наедине со своими мыслями. Можешь передать мои слова Папе, для меня это уже не имеет никакого значения.

– Я не думаю, что он будет рад этому.

– Меня это не волнует.

Совершенно незаметно для Лукреции, Джулия покинула её покои. В этот момент явился слуга, сообщив, что всё готово к отъезду. Лукреция хотела как можно скорее отправиться в путь. Стены монастыря Сан-Систо казались ей спасительным островком покоя и безмятежности, где она и встретит свой, не особо радостный, семнадцатый день рождения.

ЧАСТЬ II
РАСКОЛ
ГЛАВА I
УЖИН В ТРАСТЕВЕРЕ
Рим, июнь 1497 года.

Летом атмосфера в стенах Ватикана продолжала оставаться напряжённой, а случившийся раскол в семье Борджиа печалил Александра VI. Мало того, что он поссорился с дочерью, так ещё его сыновья, Чезаре и Хуан, никак не могли примириться. Один Джоффри, которому уже исполнилось пятнадцать, не вмешивался ни в дела отца, ни братьев, ни сестры. Казалось, он живёт в своём отдельном мире, не принимая особого участия в семейных делах. К тому же он закрывал глаза на утверждения о развратном образе жизни своей жены Санчи. Всюду говорили, что та спала то с герцогом Гандийским, то с кардиналом Валенсии, да и в целом искала развлечений среди старших мужчин. В обществе Джоффри ей было скучно, но тот смиренно терпел это, зная, что жена предпочитает ему других. Что же до Лукреции, то Александр VI одобрил её отъезд в монастырь. Он надеялся, что дочь сумеет понять, что единственная его цель – укрепление дома Борджиа. Несомненно, за это придётся заплатить высокую цену, но только так Александр VI сможет защитить своих детей. Однако Папа уже начал готовить новый замысел по расторжению брака Джованни Сфорца и Лукреции, в чём её отъезд может сыграть Борджиа на руку. Ведь как жена она оказалась брошена своим мужем, а что лучше всего может выразить печаль Лукреции, если не уединение в монастыре? И всё же спустя неделю Папа велел своему посыльному испанцу Педро Кальдесу, или как часто его называли Перотто, регулярно навещать Лукрецию в монастырь с целью держать его в курсе о состоянии дочери, но и попытаться примирить её с ним.

А пока что Александр VI сосредоточился на иных заботах, для обсуждения которых вызвал к себе Чезаре.

– Из Неаполя пришла весть о смерти короля Фердинанда от дизентерии, – сказал Папа, переплетя пальцы рук. – Теперь трон унаследует его племянник Федерико, которого ты коронуешь на правах папского легата. Ты поедешь в Неаполь вместе с Хуаном, а также Джоффри и его супругой, коих потом вы сопроводите до Сквиллаче.

– Отец, ты уверен, что Хуану обязательно стоит ехать с нами? – осторожно поинтересовался Чезаре.

Он опасался, что не сможет комфортно чувствовать себя рядом с братом, равно как и сам Хуан рядом с Чезаре. За последнее время они настолько отделились друг от друга, что старались не встречаться, и крайне редко обменивались хотя бы словом.

– Да, – твёрдо ответил Александр VI, пристально посмотрев на сына. – Такова моя воля. Вы должны восстановить тёплые отношения, зарыть топор войны, разделяющий вас. Как отцу мне больно наблюдать, как мои сыновья каждую минуту готовы перегрызть друг другу глотки. Этому нужно положить конец. Тем более, после вашей совместной поездки в Неаполь Хуан вернётся в Испанию.

– Если тебе так угодно, я попытаюсь примириться с братом, – вздохнул Чезаре. – В прочем, зачем тянуть? Наша матушка пригласила нас к себе в Трастевере на ужин. Она ждёт нас через два дня. Меня, Хуана и Джоффри.

– Превосходно, Ванноцца будто читает мои мысли на расстоянии. Для вас это дополнительная возможность примириться.

Вечером в назначенный срок троица Борджиа в сопровождении внушительной охраны прибыла в виноградник Ванноццы деи Каттанеи под открытым небом, расположенный в районе Трестевере. Этот район находился на западном берегу Тибра южнее Ватикана. Вымощенные булыжником улицы здесь были узкими, извилистыми и имели неправильную форму. Проехав чуть дальше, почти за город, они поднялись на холм Яникул, где и располагался виноградник Ванноццы. Поселение лучи солнца скользили по неровной холмистой линии горизонта, и взору путников открылся Рим, объятый оранжевым светом закатного солнца, будто языками пламени. Одетая в шёлковое фиалкового цвета платье, расшитое жемчугом и белыми вставками, Ванноцца обняла своих сыновей, тепло поприветствовав их. При взгляде на неё, сердце Чезаре радовалось, ведь Ванноцца успешно оправилась от нашествия французов, равно как и её муж Карло Канале. Хоть Чезаре и отомстил солдатам Карла VIII, он ни разу не завёл разговора на эту тему, дабы не бередить старую рану матери. Её слегка морщинистое лицо светилось от счастья, а значит, все горести она сумела оставить в прошлом. А сегодня её цель заключалась в окончательном примирении своих сыновей. Ванноцца пригласила их за стол, но прежде чем последовать за матерью, Чезаре обернулся и увидел, того самого человека в маске. Тот что-то прошептал Хуану на ухо, герцог ответил молчаливым кивком, отпустив своего спутника. Наконец, гости уселись за большой длинный стол, на котором не было свободного места от изысканных блюд. Отбивные из индейки, гусиная печень, свежие оливки и прочие лакомства соседствовали со спелыми фруктами, в том числе и засахаренными, порезанными на небольшие кусочки. У гостей разбегались глаза от количества снеди на столе, а ароматы блюд перемешивались друг с другом, щекоча ноздри словно пером.

На город, тусклые огни которого виднелись с холма, уже опустилась ночь, в тёмном небе зажглись далёкие, но вечно манящие, огоньки звёзд, окружавшие неполный жемчужный диск луны. Изредка дул прохладный лёгкий ветерок, который после дневной жары словно глоток воды для путника в пустыне, дарующий необычайное блаженство. Ночную тишину нарушал лишь стрекот сверчков. Рим погрузился в сон, улицы опустели, будто город вовсе вымер. А гости Ванноццы были заняты своими беседами, разбавленные шутками. Виноградник освещали пляшущие неровные тёплые огоньки свеч на высоких подсвечниках. Слуги то и дело подливали тёмно-красное вино в кубки гостей. Чаще всего герцогу Гандийскому. Не успели Хуану наполнить кубок, как он через пару минут его осушал. Ванноцца беседовала с Джоффри, в том числе и о Санче Арагонской. Но как только Джоффри изменился в лице, Ванноцца поняла, что эта тема причиняет сыну немалую боль, и она тут же увела разговор в иное русло. Беседуя с младшим сыном, Ванноцца внимательно следила за Чезаре и Хуаном, и не могла поверить своим глазам. Впервые за последнее время оба брата общались, как прежде. Казалось, между ними никогда не разгорался костёр вражды. Они охотно общались между собой, время от времени отбрасывая одну шутку за другой, после чего заливались безудержным смехом. Быть может, братья действительно потушили огонь, отдаливший их, и все прежние обиды забыты? А может просто вино оказало своё влияние на обоих. Во всяком случае, сегодня между Чезаре и Хуаном царил мир без единого намёка на очередной конфликт. В конце концов они трудятся над общим делом – процветание семьи. При взгляде на старших сыновей губы Ванноццы тронула умильная улыбка, она добилась своего. Этим вечером за столом царила тёплая семейная атмосфера, которая ещё совсем недавно дала трещину.

– Значит, после нашей поездки в Неаполь ты вернёшься в Испанию? – спросил Чезаре.

– Да, – ответил Хуан, дожёвывая кусок жареного мяса. – Мне радостно находиться с вами в Риме, но меня ждёт и моя собственная семья. Да и в целом, за это время, проведённое здесь, я понял, что моя душа всё же лежит к Испании, а не к запутанному клубку итальянской политики, в которой ты, брат, нужно признать, как рыба в воде. Тебе по душе распутывать политические интриги, заговоры и прочее, но меня привлекает обычная жизнь герцога.

– Когда-нибудь я обязательно побываю у тебя в Гандии и познакомлюсь со своими племянниками, – улыбнулся Чезаре.

– Ловлю тебя на слове, брат, – похлопав Чезаре по плечу, усмехнулся Хуан. – А что Лукреция, по-прежнему сердится на вас с отцом?

– К сожалению, да. Ей нужно время. Из-за разлада с отцом ей тоже горько на душе. Наша сестра не так уж и проста, если надо она может показать зубки.

– Уверен, поездка в Испанию взбодрит её. Узнав, что я собираюсь вернуться в Гандию, она пожелала отплыть со мной. Ей нужно отвлечься, а с Марией у неё будут сотни тем для разговоров. Моя жена поможет вернуть Лукреции её былую яркую жизнерадостную улыбку.

– Хорошая идея. Воздух Испании развеет её горестные мысли.

Подняв голову, Чезаре взглянул на ночное небо, ощутив спокойствие и безмятежность. В такие моменты понимаешь, что возможность созерцать, творить, мыслить, в общем, жить – есть одна из основных ценностей для человека. Рассматривая яркие звёзды, Чезаре ощущал острую жажду жизни, даже на мгновение, забывая о своём духовном сане. Он был счастлив, что живёт. Но самое главное, что доставило ему большую радость – это тёплая беседа с Хуаном. Кардинал Валенсийский пребывал в отличном настроении не только от вина, но и от того, что наконец-то смог спокойно поговорить с родным братом, и никто не припоминал друг другу обиды минувших месяцев, отбрасывая колкости.

Час был уже поздний, пора было расходиться. Простившись с Ванощей, братья сели на коней и направились в папский дворец в сопровождении своей свиты. ДжофFRE злоупотребил вином, и Чезаре с Хуаном пришлось помогать ему сесть в седло. Всю дорогу они придерживали младшего брата с двух сторон, пока тот покачивался в седле, как тряпичная кукла, распевая какую-то песню, слов которой Чезаре и Хуан не могли разобрать. На улице не было ни души, а под мостами приятно журчала мутная извилистая полоса Тибра, Борджиа добрались до города. Наконец, троица доехала до моста Святого Ангела, но Хуан неожиданно натянул поводья своего коня и остановился.

– В чём дело, Хуан? – недоумевал Чезаре.

Кардинал Валенсийский присмотрелся. Тьма зашевелилась между двумя домами, освободив из своего плена того самого человека в маске. Он подошёл к герцогу Гандийскому, а Чезаре пристально посмотрел на брата.

– Отправляйтесь в Ватикан, а у меня есть одно дело, – пояснил Хуан.

– Что? – удивился Чезаре, нахмутив брови. – Какие могут быть дела в такой час? Не уж-то у тебя ещё хватит сил нанести визит какой-нибудь даме? А если твои дела заключаются в чём-то ином, мой тебе совет – обожди до утра. Ночью по улицам Рима ходить опасно.

Хуан протестующее покачал головой.

– Не беспокойтесь обо мне. Я вернусь чуть позже, возвращайтесь в Ватикан. Пусть мои слуги сопровождают вас до Ватикана.

Хуан подозвал своего сопровождающего в маске, и тот уселся на круп лошади своего господина. Чезаре не доверял этому подозрительному другу Хуана, но понял, что не сумеет отговорить брата от его затеи. Можно было подумать, что Хуану требовалось решить вопрос жизни и смерти. Однако Чезаре вспомнил слова Микелотто о любовных похождениях брата, которому не впервой уходить среди ночи в неизвестном направлении. Чезаре пришлось сдаться.

– Хорошо, но будь осторожен.

– Разумеется.

Хуан приказал остальным своим слугам следовать за братьями, оставив подле себя лишь одного конюшего, не считая человека в маске. Втроём они скрылись в тёмном переулке, который вёл в сторону Площади Евреев. А Чезаре и ДжофFRE пересекли мост Святого Ангела, свернув к Ватикану.

– Куда это направился Хуан? – неуверенно поинтересовался Джоффри, покачиваясь в седле.

– Кто бы знал, – ответил Чезаре, оглянувшись на противоположный берег Тибра. – Кто бы знал.

ГЛАВА II УБИЙСТВО

Рим, июнь 1497 года.

Рано утром Александр VI был уже на ногах. Он стоял у окна, созерцая видневшийся вдалеке, Рим, позолоченный лучами рассветного солнца. Обернувшись, Папа вновь бросил взгляд на обнажённую, едва укрытую лёгким одеялом, Джулию Фарнезе, которая по-прежнему пребывала в царстве Морфея. В этот момент она казалась Александру VI ещё более прекрасной и манящей, как спелый, налившийся соком, плод. Царившую в папских покоях безмятежность нарушил кардинал Валенсийский, от чего Джулия тут же проснулась, прикрыв своё тело одеялом.

– Чезаре, зачем тревожить меня в столь ранний час? – с укором спросил Александр VI.

– Прости, отец, но я не стал бы тебя беспокоить, не будь это так необходимо, – ответил Чезаре.

– Надеюсь. Ну и что же у тебя на уме?

– Я собирался побеседовать с Хуаном, но его слуги сообщили, что он до сих пор не объявился.

– И что же тебя смущает, сын мой? Ты не хуже меня знаешь, что Хуан и раньше пропадал на всю ночь, возвращаясь под утро. Уверен, он остался у какой-нибудь красотки, что более вероятно.

– Но не в этот раз.

Чезаре в ярких подробностях пересказал отцу события минувшей ночи в винограднике Ванноццы, а также о том, как они расстались с Хуаном у моста Святого Ангела, после чего тот скрылся по направлению к пьядца делла Джудекка в сопровождении всего лишь двух человек.

– Причём Хуан не назвал цели своего таинственного ухода, – продолжал Чезаре. – Не думаю, что если бы он собирался к стоворчивой девке, то не обмолвился бы об этом. В противном случае к чему эта таинственность?

– Успокойся, Чезаре, не стоит сгущать краски. Уверен, Хуан скоро вернётся. Если он не сообщил тебе, равно как и мне до ухода к вашей матери, о своих планах, значит, у него были на то веские основания. Наберись терпения.

– Может ты и прав, – ответил Чезаре, задумчиво пожав плечами.

Хотя кардиналу всё равно было тревожно за брата. Интуиция подсказывала ему, что Хуан попал в неприятную историю.

В полдень Александр VI ещё работал в своём кабинете, совместно с Бурхардом подготавливая необходимые бумаги для расторжения брака Лукреции и Джованни Сфорца. Услышав быстрые шаги в коридоре, Папа поднял голову, устремив свой взгляд на двери. Александр VI мысленно перебирал варианты тех, кто мог войти или вернее будет сказать – вбежать сейчас в зал, судя по скорости приближения и частоте шагов. Этим визитёром оказался Франческо Гасет. По его запыхавшемуся виду, мокрому от пота лицу и тяжёлому дыханию можно было понять, как он спешил. Его ноги слегка подкосились и, чтобы не свалиться, Гасет оперся рукой о стену.

– Родриго, случилось нечто ужасное, – жадно глотая воздух, выдавил из себя Франческо Гасет.

Александр VI удивлённо поднял брови.

– Родриго? – переспросил он. – Боже, если ты обратился ко мне мирским именем, случилось нечто невообразимое.

– Конь герцога Гандийского был обнаружен недалеко от дворца кардинала Пармского с обрезанными стремянами.

– Что? – у Александра VI перехватило дыхание.

– А на площади еврейского квартала ещё утром нашли тяжело раненного конюшего Хуана.

– Он успел сказать, что произошло?

– К несчастью, нет. Бедняга скончался.

Ясный взор Александра VI затянула тьма. Франческо Гасет, стоявший в нескольких шагах от стола, превратился в размытое пятно, как и всё вокруг. Понтифик вмиг побледнел, оцепенев от страха, который ледяной рукой сжал его сердце. Холодный пот выступил на лбу Папы, ему казалось, что он не может надышаться, поэтому всё усерднее и усерднее глотал воздух. Гасет и Бурхард испугались, что Александр VI вот-вот рухнет без чувств.

– Гасет, бери с собой Чезаре и немедленно организуйте поиски Хуана, – с трудом вымолвил Александр VI, взглянув обезумевшими от страха, глазами на Гасета. – Если потребуется, переверните весь город, но найдите мне моего сына!

Через полчаса вся городская стража, сломя голову, носилась по Риму с клинками наголо, расспрашивая о герцоге Гандийском всех, кто попадался на пути: бродяг, нищих, проституток, рыбаков и прочих. В городе поднялась настоящая паника. Горожане спешно закрывали свои лавки, баррикадировали двери в своих домах, а кланы Колонна, Савелли, Орсини и Каэтани вооружались до зубов, ожидая столкновения с папской гвардией. Увы, всё было впустую. Никаких сведений о Хуане Борджиа ищейкам не удалось добыть. Папа потерял покой, он не мог спать, есть, а все его мысли были обращены к пропавшему сыну. Александр VI не представлял, как ему пережить эту ночь, длинную в жизнь. На следующий день поиски возобновились, в Риме по-прежнему царил переполох. Опустившись на берег Тибра, сыщики увидели сутуловатого, лысого лодочника лет сорока-сорока пяти, чья барка стояла на якоре недалеко от моста Святого Ангела. Лодочник представился именем Джорджо Скьяви, и на него тут же набросились с расспросами о событиях той ночи, когда пропал герцог Гандийский. Почесав лысину, Джорджо нахмурил своё обветренное, испещренное морщинами лицо, пытаясь восстановить в памяти картину ночи с четырнадцатого на пятнадцатое июня. Возможно, она могла бы пролить свет на таинственное исчезновение Хуана.

– Благородные синьоры, – хриплым голосом начал Джорджо, – в ночь на пятнадцатое июня я остался на своей барке, чтобы присмотреть за брёвнами в ней. Сами знаете, народец у нас любит заграбастать в свои ручонки всё, что плохо лежит. Так вот, – прокашлявшись, продолжал лодочник, – около двух часов ночи я заметил двоих человек. Они вышли из-за угла госпиталя Сан-Джироламо и остановились у спуска к воде, в том месте, где обычно сбрасывают мусор. Они огляделись, как будто опасались, что за ними могли следить. Потом один из них тихо свистнул, после чего из того же переулка выехал всадник на белом коне.

– Не заметил ли ты каких-нибудь особых примет у этого всадника? – спросил Чезаре.

– Ваше высокопреосвященство, единственное, что мне удалось разглядеть – это золотые шпоры.

Чезаре нахмурил брови, подперев подбородок, и велел Джорджо продолжать.

– Значит так, всадника сопровождали ещё двое мужчин, шедших по обе стороны. Приглядевшись, я понял, что они придерживают мёртвое тело, перекинутое через круп лошади. Всадник остановился на берегу, а двое его слуг сняли тело, раскачали и бросили в воду. Я смог расслышать, как всадник спросил, утонуло ли тело, на что получил ответ «да, монсеньор». Не решившись слезть с лошади, всадник подъехал ближе к воде, и заметил, как что-то всплыло на поверхность. Вероятно, это была накидка того, кого эти синьоры утопили. Четверым слугам было приказано утопить накидку, и они начали швырять в неё камни, которые увлекли накидку на дно. После чего господу скрылись тем же путём, каким явились сюда.

При последних фразах лодочника Чезаре резко бросил взгляд на мутную рябь Тибра. Страшно представить, сколько человеческих душ поглотила эта река, подобно голодному зверю. При мысли о том, что где-то на дне этой водной могилы лежит его брат, Чезаре стало не по себе. Он ощутил холодок, охвативший его тело, словно чья-то огромная рука. Как только Джорджо Скьяви окончил свой рассказ, кардинал Валенсийский изменился в лице, и с суровым видом бросился к лодочнику, схватив его за воротник.

– Отчего же ты сразу не сообщил обо всём властям, негодяй?! – воскликнул Чезаре.

Выпучив глаза, перепуганный Джорджо трясся, как лист на ветру. Он чувствовал, как бешено бьётся сердце в его груди. Джорджо пытался что-то сказать, но язык не подчинился ему. Кое-как, запинаясь через каждое слово, лодочник проямлил дрожащим голосом:

– Ваше высокопреосвященство, смилуйтесь. Не подумайте ничего дурного. Дело в том, что за свою жизнь я повидал немало, особенно мертвецов, сброшенных в Тибр. На моей памяти их было не меньше сотни. Вы же знаете, в какое время и в каком городе нам приходится жить. Подобные вещи у нас происходят то тут, то там. Мертвецов частенько сбрасывают в Тибр, но ещё никто не проявлял сколь-нибудь серьёзного интереса ни к одному из них. Только поэтому я никому не сообщил о том, что видел.

Чезаре отпустил напуганного лодочника, упавшего на колени. Он без обиняков принял правоту Джорджо Скьяви. Под водной толщей Тибра было действительно не счесть мертвецов. Винить лодочника было не в чем. Тех, кого поглотила река, никогда не пытались искать. Для Рима это стало своеобразной жестокой обыденностью. Месяца не проходило, чтобы Тибру не принесли новую жертву, лишённую жизни по самым разным причинам. Чезаре повернулся к Франческо Гасету, всё время стоявшему рядом с ним.

– Гасет, нужно обыскать русло реки, – сказал Чезаре. – Отправь наших людей, пусть созовут лодочников, рыбаков и матросов. За свои труды они получают по десять дукатов.

Три сотни человек откликнулись на зов служителей Ватикана. Одни ныряли в реку, другие забрасывали сети. Сначала удалось достать тело неизвестной женщины, и лишь ближе к вечеру тело герцога Гандийского, было выловлено одной из сетей. Её владелец окликнул кардинала Валенсийского и Франческо Гасета. Подбежав к рыбаку, они увидели бездыханное, мокрое тело Хуана, покрытое песком и илом. К бледному, словно полотно, лицу прилипли пряди мокрых волос. Герцог был одет точно так же, как и в тот вечер на ужине у Ванноццы. Подойдя к мёртвому брату, Чезаре ужаснулся, но его глаза ни на миг не увлажнились от слёз.

– Боже... – еле слышно проговорил он.

Опустившись на одно колено перед телом брата, кардинал принялся внимательно осматривать его. Позади Чезаре стоял Франческо Гасет. Их окружили стражники, оттеснявшие любопытных зевак.

– Ему нанесли восемь... нет девять колотых ран и перерезали горло, – констатировал Чезаре. – Руки связали, мерзавцы поработали на славу.

Чезаре продолжил осмотр тела брата, и ему бросился в глаза любопытная деталь, на которую он тут же указал Франческо Гасету.

– Любопытно, кошель с дукатами на месте. Даже кинжал не тронут, а ведь он украшен драгоценными камнями. Это было не ограбление.

– Стало быть, месть, – предположил Гасет.

– Вероятно, но кто, а главное – за что мог отомстить Хуану столь жестоким способом? Погрузите тело герцога на лодку и перевезите в замок Святого Ангела. Пусть начнут приготовления к похоронам.

– Я займусь этим, Чезаре. – ответил Гасет.

– А я сообщу Папе.

Солдаты подняли тело герцога и начали грузить его на лодку. Снова взглянув на мёртвого брата, Чезаре вновь не проронил ни слезы, но в его сердце велась настоящая борьба между эмо-

циями. Он чувствовал, как внутри него схлестнулись злость и печаль. Чезаре мысленно злился на брата, который пренебрегал его советам, хранил тайны, которые теперь уйдут в землю вместе с ним, став причиной его гибели. Не будь Хуан столь высокомерным и остро воспринимающим обиды, возможно, между ним и Чезаре не разгоралась вражда. Быть может герцог сейчас не лежал бы на носилках в лодке с остекленевшими глазами, которые были устремлены в ясное небо, но ничего уже не могли увидеть. Отчего в сердце Чезаре шевелилась грусть и скорбь по Хуану. В конце концов они были братьями одной крови, стремившиеся к общей цели. Чезаре не знал, что же одержит над ним верх – грусть или гнев, или всё разом, но точно знал, что его семье нанесён непоправимый урон. А враги Борджиа уже наверняка предаются ликованию и празднованию довольно крупной для них победы. Дух ненавистных Борджиа, особенно Папы, подорван основательно.

Чезаре направился в Ватикан. Увидев сына, Александр VI бросился к нему, и, схватив за плечи, тотчас же начал расспрашивать о Хуане. Кардинал Валенсийский поведал отцу обо всём, что произошло на берегу Тибра, около моста Святого Ангела. На глазах Папы проступили слёзы. Вместе с Чезаре он помчался в замок Святого Ангела. Увидев своего сына, лежавшего на носилках. Александр VI бросился к нему, в отчаянии упав на колени. Комнаты замка наполнились громкими душераздирающими рыданиями Папы. Казалось, его стенания слышны даже за пределами замка, на самом мосту Святого Ангела.

– Мальчик мой, – всхлипывал Александр VI, – кто же посмел отнять тебя у нас?

Его рыдания, перемешанные с криками, становились всё громче и громче, а слёзы, застилавшие глаза, размывали всё вокруг него, падая градом на каменный пол. В третий раз судьба поднесла к губам Родриго Борджиа чашу утраты и скорби, которую он, будучи кардиналом, испил до дна после смерти своих первенцев: сына Педро-Луиса, затем дочери Иеронимы. Теперь Папе вновь предстоит сделать то же самое, оплакивая Хуана. Над Ватиканом реял стяг траура и скорби.

В тот же вечер Хуана Борджиа омыли от ила и песка и обрядили в доспехи гонфалоньера церкви. Тело уложили на роскошные носилки и траурная процессия двинулась через мост Святого Ангела, после чего свернула к церкви Санта-Мария дель Пополо, неся герцога Гандийского вдоль Тибра. Впереди шли сто факельщиков, освещавших путь, замыкали процессию прелаты, клирики, камергеры и прочие служащие Ватикана, хаотично следовавшие за носилками. Александр VI не мог сдержать слёз, с трудом переставляя ноги. Его истошные причитания покрывали весь остальной шум. На всём пути процессии со шпагами наголо вдоль дороги стояли солдаты, образуя живую изгородь от высыпавшей на улицу толпы. Все пытались рассмотреть лицо покойного герцога, но в свете факелов, казалось, что он вовсе не мёртв, а всего лишь спит. Ещё до наступления темноты процессия добралась до церкви Санта-Мария дель Пополо. Тело Хуана Борджиа было предано земле в часовне, которую Ванноцца деи Каттанеи готовила для себя.

Убитый горем Александр VI затворился в своих покоях, откуда доносились ужасные горестные крики и плач, выворачивающий душу наизнанку.

– За что, Господи? За что Ты причиняешь мне такую невыносимую боль? Почему забрал моего мальчика? Ответь! Ответь, молю Тебя! – обливаясь слезами, взывал к Богу Александр VI.

Папа отчаянно звал Хуана, словно надеясь, что его мольбы вернут сына к жизни. Казалось, понтифик теряет рассудок от горя, которому не было предела. Всецело разделявшая боль своего любовника, Джулия Фарнезе не отходила от запертых дверей, ведущих в его покои. При каждом его вскрике её до костей пробирала дрожь, а слёзы невольно наворачивались на глаза. Слуги Папы, Джулия, Чезаре, Джоффри, Франческо Гасет – все пытались уговорить

Александра VI прилечь и попытаться поспать, но тот решительно отказывался от всего, в том числе и от еды. Он позабыл про сон, беспрестанно оплакивая своего сына. Лишь через трое суток Александра VI всё же удалось уговорить поесть и немного поспать. На четвёртый день после похорон Хуана была объявлена консистория. Собравшиеся кардиналы ужаснулись тому, что предстало перед их широко раскрытыми глазами. В зал вошёл одряхлевший, измученный, морально разбитый, старик с осунувшимся лицом и покрасневшими глазами, в котором не сразу признали наместника Господа. Казалось, что за эти четыре дня Александр VI постарел на несколько лет, став лишь тенью бывшего Родриго Борджиа. Папа медленно, не взглянув на членов Коллегии, подошёл к трону и уселся в него, опираясь на ручки. Наступила мёртвая тишина, которую никто не осмеливался нарушить. До слуха кардиналов долетало тяжёлое дыхание Александра VI. Опустив глаза, вновь не обратив внимания на князей церкви, словно зал вовсе был пуст, Папа прервал своё молчание, сказав:

– Невозможно описать ту боль, что терзает Нашу измученную душу. Невозможно было причинить Нам большее горе, чем смерть герцога Гандийского, которого Мы нежно любили и которого у Нас отняли. Ничто... ничто, даже папская тиара не способна унять Нашу боль. Обладая Мы семью тиарами, то без колебаний отдали бы их, лишь бы вернуть Хуана к жизни. Нет никаких сомнений, гибель герцога – кара Небес за наши грехи. Отныне все Наши помыслы и действия будут нацелены на духовные нужды нашей Святой Матери-Церкви, отравленной ядом продажности и развращённости.

Выдержав небольшую паузу, не поднимая глаз, Александр VI продолжил:

– Мы должны осуществить масштабную реформу церкви, в том числе и самой римской курии. Для столь ответственной миссии Нами будет учреждена комиссия, в состав которой войдут кардиналы: Карафа, Коста, Сан-Джорджо, Пикколомини, Риарио и Паллавичини. Однако убийцы герцога Гандийского до сих пор не найдены. Необходимо усилить заставы на всех выездах из Рима и приступить к немедленным поискам убийц.

Разумеется, всем было ясно, что эти меры вряд ли принесут свои плоды. С момента смерти Хуана Борджиа прошло достаточно времени, чтобы у его убийц была возможность покинуть Рим. Поэтому шансы отыскать истинных виновников таяли как снег под лучами мартовского солнца. Однако оставался небольшой шанс, что тот, кто направил руку убийц, мог быть по-прежнему в Риме, дабы не вызывать подозрений поспешным отъездом. А может он находился намного ближе, чем все думали.

– Кардинал Борджиа, – сказал Александр VI, – Мы поручаем вам вести следствие о смерти герцога Гандийского. Совместно с Нашим секретарём и доверенным лицом Франческо Гасетом вы будете осуществлять поиски убийц и докладывать Нам об их результатах.

Окончив свою речь, Александр VI махнул рукой и медленно поднялся. Бурхард понял жест Папы и громко объявил об окончании консистории. Кардиналы покидали зал один за другим.

Невзирая на невосполнимую утрату и огромное горе для Борджиа, но их недруги вовсе не злорадствовали над смертью Хуана, во всяком случае, не выказывали этого на публике. Однако в Ватикан летело одно письмо за другим. Все выражали Александру VI свои глубокие соболезнования, даже тот, кто с первых дней понтификата Борджиа беспрестанно плёл интриги против него – Джулиано делла Ровере, находясь за пределами Италии. Как только кардинал делла Ровере понял, что его последний шанс свергнуть Борджиа в лице Карла VIII потерпел неудачу, то поспешил покинуть Апеннинский полуостров, укрывшись во Франции. В душе кардинала по-прежнему шевелился страх за свою жизнь. Джулиано опасался, что на сей раз Александр VI непременно пошлёт по его душу наёмных убийц. Но ни тогда, ни теперь, Папа даже не помышлял об этом. В своём письме делла Ровере выразил искреннее сочувствие горю понтифика. Может Джулиано делла Ровере действительно решил сделать первый шаг к примирению с Папой? В качестве ответного жеста и встречного шага Александр VI написал карди-

налу, дозволив вернуться обратно в Рим, простив, уже дважды, все прежние обиды, какими бы они не были. Удивительно, но не остался в стороне и флорентийский проповедник Джироламо Савонарола, отлучённый от церкви ещё в мае, за свои, как говорил Папа, «подозрительные речи». Монах выказал свои соболезнования понтифику, но не преминул вновь упомянуть о порочности церкви, призывая Александра VI отринуть безбожных и нечестивых советчиков и прислушаться к голосу истинных ревнителей христианской веры, и тогда Господь непременно пошлёт ему утешение. Савонарола решил прервать на некоторое время свои речи, выказав сострадание к Папе, пороки которого обличал столь длительное время.

А безутешный Александр VI продолжал оплакивать Хуана, зная, что боль утраты будет тенью вечно преследовать его. Все планы и надежды, которые он возлагал на Хуана, канули в небытие. Единственное, что Папа мог попытаться сделать – реформировать церковь, в надежде искупить свои грехи.

ГЛАВА III

РАССЛЕДОВАНИЕ

Рим, июнь 1497 года.

Тем временем Чезаре Борджиа и Франческо Гасет взялись за поиск убийц герцога Гандийского, или того, кто направил их. Определив круг подозреваемых, дознаватели стали вызывать их в замок Святого Ангела по одному, дабы тщательно допросить. Первым оказался вице-канцлер Ватикана кардинал Асканио Сфорца, у которого было предостаточно причин ненавидеть и желать зла Борджиа.

– Кардинал Сфорца, известна ли вам причина, по которой вас вызвали? – спросил Франческо Гасет.

– Разумеется, вы подозреваете меня в организации убийства Хуана Борджиа, – спокойно ответил Асканио Сфорца.

– Признаёте ли вы свою вину в этом злодеянии? – резко спросил Чезаре.

– Нет, кардинал Борджиа, не признаю, поскольку мне не было нужды лишать жизни вашего брата.

– Хотите сказать, даже смерть вашего мажордома не сумела побудить вас убить герцога? Всем известно, что не так давно вы крупно поссорились с Хуаном из-за того, что он приказал убить вашего мажордома, имевшего дерзость бросить колкость о его незаконном рождении. Неужели это не подвигло вас к мести?

– Не стану отрицать, что я был зол на Хуана за его поступок. Герцог вёл себя слишком надменно, чем и спровоцировал моего мажордома. Но с другой стороны, я не желаю отвечать головой за глупость моих слуг, ставя под удар безопасность нашей семьи. На место одного приближённого всегда приходит другой.

В разговор снова вклинился Гасет.

– А ваш племянник, Джованни? Мог ли он отомстить Борджиа смертью Хуана за страх, перенесённый им во время вынужденного бегства из Рима? Ведь он утверждает, что Борджиа якобы планировали его убийство.

Асканио Сфорца небрежно усмехнулся, отвернувшись в сторону.

– Уверяю вас, Джованни ни за что не покинет Пезаро, поскольку, как вы верно подметили – он боится до смерти за свою жизнь, которой по его словам угрожают Борджиа, – ответил Асканио, переведя взгляд на Франческо Гасета. – Вы знаете, что фамилия нашего рода происходит от производного слова, обозначающее силу? За свои прославленные деяния кондотьер Аттендоло Муцио получил прозвище Сфорца, что означает сильный. Джованни совершенно иное дело. Несмотря на то, что он занимает пост кондотьера, наша фамилия для него подобно ожерелью на дамской шее, не более. Мой племянник незаконнорождённый. В нём нет и толики отваги Сфорца. Поэтому он никогда бы не осмелился пойти на подобное злодеяние, тем более против Борджиа. К тому же, ничего не указывает на присутствие Джованни в Риме, особенно в ночь смерти Хуана. Любой человек скажет вам, что наживать врага в лице понтифика себе дороже. Если только человеку нечего терять. Хотя союз Сфорца и Борджиа пошатнулся, Милану нужны хорошие отношения с Римом, поскольку Франция грезит о реванше в Италии. Посему с моей стороны подсылать убийц к герцогу было бы крайне неразумно, навлекая на себя гнев моей и папской семьи.

Чезаре откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

– В таком случае, кардинал Сфорца, ответьте на последний вопрос. Если не вы и не ваш племянник, то кто, по вашему, мог желать смерти моему брату? – спросил он.

– Таких людей не счесть, кардинал Борджиа. Чуть ли не вся римская знать желала смерти Хуану. Я не знаю, кто именно мог убить герцога, но опираясь на людскую молву, советую искать убийцу или организатора убийства у себя под боком.

– Как это понимать?

– Ходят слухи, что к убийству Хуана мог приложить руку ваш младший брат, Джоффри.

– Как вы смеете?! – вскричал Чезаре, подавшись вперёд.

– Заметьте, кардинал Борджиа, я не утверждаю, что это истина, а всего лишь пересказываю слухи, блуждающие по Риму, – сохранив самообладание, ответил Асканио Сфорца. – Как вы знаете, Хуан был весьма любвеобильным человеком, равно как и супруга Джоффри. Возможно, Джоффри решил избавиться от рогов, которые ему наставил старший брат вместе с Санчей. Но супруга Джоффри была далеко не единственной, кого посещал герцог. Похождения Хуана наделали много шума в городе. Вряд ли этого не заметили отцы и мужья тех женщин, с которыми спал Хуан. Быть может, Джоффри усмотрел в этом возможность поквитаться с братом, вместе с другими мужчинами, организовав заговор с целью умертвить герцога.

– Как вы думаете, Асканио, граф Антонио Мария делла Мирандола имеет отношение к гибели Хуана? – вдогонку спросил Гасет. – Мог ли он убить герцога, желая отомстить за свою дочь? К тому же, дом делла Мирандола находится недалеко от Тибра.

– Я хорошо знаком с графом, он вспыльчив и разбрасывается угрозами как транжира деньгами, но не более того. К тому же в ночь убийства Хуана Антонио отсутствовал в Риме.

Чезаре пристально смотрел на Асканио Сфорца. Он не мог поверить, что Джоффри убил родного брата. Наконец, допрос был окончен, Асканио Сфорца покинул зал. Чезаре встал из-за стола и стал ходить взад и вперёд, размышляя о словах вице-канцлера. «Неужели снова? – мысленно спросил себя Чезаре. – В очередной раз Борджиа делают крайними, даже тогда, когда речь идёт о смерти члена их семьи. Видимо такова судьба нашего рода – всю жизнь бороться с клеветой и оскорблениями, словно отражая атаки врага на поле боя».

– Ваше высокопреосвященство, – сказал Франческо Гасет, вырвав Чезаре из его мрачных размышлений, – я сообщу Его Святейшеству о результатах допроса, но думаю, обоих Сфорца и графа делла Мирандола можно исключить из списка подозреваемых за отсутствием состава преступления.

– А что, если Гвидобальдо да Монтефельтро виновен в смерти Хуана? – спросил Чезаре, словно не услышав слова Гасета. – Хуан оставил его в плену Орсини, обвинив в поражении при Браччано. Чем не мотив?

– Возможно, но я знаю Гвидобальдо. Он не тот человек, который опустится до мести. В его жизни и без того немало было поражений, бед и неудач, которые он всегда встречал с улыбкой на лице. Гвидобальдо силён духом, он человек чести и выше каких-либо обид. Его слово твёрдо и нерушимо, о чём в Италии прекрасно знают.

– Сомневаюсь, что подобное можно простить.

– Ваше высокопреосвященство, порой люди непредсказуемы. Одни прощают крупные обиды, другие не выносят самых незначительных. Не думайте, что я защищаю герцога Урбинского, я лишь указываю на факты, которые мне известны. К тому же, после освобождения Гвидобальдо из плена, Папа написал ему письмо, выражая свою радость и надежду, что герцог пребывает в добром здравии.

– Ну и что из того?

– Гвидобальдо твёрдо заверил Его Святейшество, что был и остаётся преданным союзником Рима, вопреки всем обстоятельствам. Хоть и несколько опечален тем положением, в котором волею судьбы ему пришлось оказаться.

– Скорее, волею Хуана, – заметил Чезаре. – Но так и быть, Гасет. Если ты уверен в невиновности Гвидобальдо, я поверю тебе.

Слухи о причастности Асканио Сфорца к убийству Хуана Борджиа распространялись весьма быстро и находили немало согласных в этом, что было на руку недругам вице-канцлера, которые всячески намекали Папе на виновность Сфорца. Зная, в каком подавленном состоянии пребывал Александр VI, Асканио подумывал тайно покинуть Рим, не желая расплачиваться за грехи, которых не совершал. Однако, ознакомившись с результатами допроса, Папа оправдал Асканио Сфорца и его племянника Джованни. В том числе обвинения были сняты с графа делла Мирандола.

Список подозреваемых сократился на три человека, следствие продолжалось. Желая добраться до истины, Чезаре всё же решил проверить версию вице-канцлера. Хоть Джоффри и редко попадал в чьё-либо поле зрения, но, как известно, в тихом омуте... Возможно, Джоффри опостылела то пренебрежение, с которым к нему относилась Санча, безропотно отдаваясь Хуану или, согласно слухам, Чезаре.

– Скажи мне правду, Джоффри – ты приказал убить Хуана? – спросил Чезаре.

– Нет. Как тебе это могло прийти в голову? – недоумевал Джоффри.

– Сожалею, брат, но у тебя был весомый мотив. Санча неоднократно изменяла тебе с Хуаном. Быть может, ты устал мириться с подобным обращением с собой?

– Чезаре, тебе ли не знать, что я закрывал глаза на развратность Санчи. Пусть с болью в сердце, но закрывал, зная причину её походов. К слову, она спала не только с Хуаном, но и с тобой, как утверждают. А что касается Хуана, то в ночь его убийства я был настолько пьян, что не мог стоять на ногах, не то, что держать в руках кинжал. Не веришь мне, спроси моих слуг. Они могут поклясться, что я не покидал своих апартаментов. Санча изменяет мне со многими мужчинами. Стало быть, я должен был убить каждого из них, включая тебя? Если хочешь, могу поклясться чем угодно, хоть собственной жизнью.

– Ладно, Джоффри, я тебе верю. Ты слишком малодушен, чтобы пойти на братоубийство. Чезаре уже направился к двери, как вдруг Джоффри окликнул его.

– Послушай, помнишь, того человека в маске, которого часто видели рядом с Хуаном? Уверен, ему что-нибудь известно о той ночи. Ведь он поехал вместе с Хуаном. Может он и есть убийца?

– Возможно, но эта теория не прочнее замка из песка, – досадно ответил Чезаре. – Во-первых, после смерти Хуана его и след простыл. Во-вторых, Микелотто ничего не сумел разузнать об этом человеке, а значит и мотива, побудившего его убить своего хозяина, нам не подбирать. Разыскивать его не имеет смысла, поскольку нам ничего о нём неизвестно, и то, куда он мог отправиться, нам не узнать. Но не беспокойся, брат, я найду того, кто отнял жизнь Хуана.

ГЛАВА IV

КАИНОВ ГРЕХ

Рим, июль 1497 года.

Расследование гибели Хуана Борджиа продолжалось целую неделю, но так и не возымело необходимого результата. Как только слухи о виновности Гвидобальдо да Монтефельтро достигли Урбино, герцог лично написал Папе, заверяя его в своей невиновности, подтвердив слова Франческо Гасета. Отныне все, ранее упомянутые, подозреваемые были признаны невиновными, а поиски новых оказались бесплодными, как и попытки собрать хоть какие-то улики. Чезаре не находил себе места. День и ночь, наморщив лоб, он беспокойно мерил свой кабинет твёрдыми шагами, лихорадочно размышляя, кому ещё мог помешать его брат. Все мысли кардинала Валенсийского были обращены к покойному брату, и внезапно он остановился посреди комнаты, будто его ноги приросли к полу. Чезаре осенило, словно обожгло прикосновение холодного ветра в самый разгар зимы. Он напал на след.

– Орсини... – чуть слышно произнёс Чезаре.

Мысленно он возрадовался и одновременно выругался на самого себя. Как же он раньше не заметил столь очевидной нити, ведущей ко вторым, после Джулиано делла Ровере, врагам его семьи? Несомненно, у Орсини было не меньше причин желать смерти Хуану, нежели у Гвидобальдо да Монтефельтро, Сфорца или даже ДжофFRE. Война против Орсини была не только карой за предательство в пользу Франции, но и идеальной возможностью отобрать земли, чтобы в дальнейшем передать их Хуану. Орсини ни за что не спустили бы это Борджиа с рук, что вполне могло стать первой причиной убить сына Александра VI. Наконец, смерть главы семейства, Вирджини Орсини, заточённого в тюрьму ещё королём Неаполя Фердинандом II. Чезаре был уверен, что на сей раз он доберётся до истины и выведет убийц своего брата на чистую воду. Было решено вызвать для допроса кардинала Джованнибаттиста Орсини. Он был среднего роста, лет сорока-сорока пяти с круглым морщинистым лицом и карими глазами, а из-под его кардинальской шапки едва выглядывали тёмные прямые волосы.

Допрос пришлось вести кардиналу Валенсийскому, поскольку Франческо Гасета немедленно вызвал к себе Александр VI.

– Кардинал Орсини, полагаю, вам известна причина, по которой вы оказались здесь? – спросил Чезаре.

– Более чем, – ответил Джанбаттиста Орсини, – поэтому сразу скажу, что не имею никакого отношения к трагической смерти герцога Гандийского, да помилует Господь его душу. Не забываете, кардинал Борджиа, я служитель церкви, а не воин.

Чезаре облокотился на стол, сложив перед собой руки, образуя пальцами купол пирамиды.

– Спасибо, что напомнили, Джанбаттиста, – отозвался он. – Однако не так уж сложно послать собственных слуг выполнить всю грязную работу. Или же это могли сделать люди одного из членов вашей семьи.

– С какой целью нам убивать вашего брата, навлекая на себя гнев Папы?

– Порой, кардинал Орсини, месть опьяняет столь сильно, что побеждает здравый рассудок. Во-первых, проигранная вами война с Римом, которая, видимо, по-прежнему кровотоцит у вас раной. Во-вторых, Вирджини Орсини дерзнул предать, уже ныне покойного, короля Неаполя Альфонсо, а вместе с ним и Священный престол, за что был справедливо брошен в темницу. В январе сего года Вирджини скончался, и вы, как говорят, обвинили Борджиа в отравлении вашего родственника. Желая отомстить за Вирджини, вы решили ответить смертью на смерть, убив герцога Гандийского.

Посмотрев на Чезаре исподлобья, Джанбаттиста Орсини усмехнулся, и покачал головой.

– Хотите знать, в чём ваша ошибка, кардинал Борджиа? – ехидно спросил Джанбаттиста.

– Вы наивно полагаете, что все знатные семьи как две капли воды похожи на вас, но это, отнюдь, не так. Вы обвиняете мою семью в мстительности? Кто, как не вы первыми принесли на наши земли знамя мщения? Не вы ли развязали войну против Орсини? Далеко не все живут по законам, которые чтите вы, Борджиа. Если, конечно, для вас вообще приемлемы хоть какие-нибудь законы.

– Довольно витийствовать, Джанбаттиста, – отозвался Чезаре. – Хотите сказать, поражение в войне и смерть главы вашей семьи, взваленная вашими стараниями на Борджиа, не является достаточным поводом для мщения Папе? Не смешите меня. Ведь вы твёрдо уверены, что именно Борджиа отправили к праотцам Вирджинию.

– Вы можете не верить и играть словами как вам заблагорассудится, но вы не сумеете доказать причастность Орсини к смерти вашего брата.

– А как вы объясните, что лошадь Хуана была обнаружена в квартале, где предостаточно ваших сторонников и соплеменников?

– Это не является неопровержимым доказательством, виновности Орсини. Хуан отправился в сторону Пьяцца делла Джудекка, но конечный пункт назначения герцога вам неизвестен, равно как и мне, а значит, где именно на него напали неясно. Учитывая, что в момент нападения стремна были срезаны, лошадь могла испугаться. Стремясь, как можно скорее, покинуть опасное место, она могла бежать, куда глаза глядят, пока не очутилась в квартале, где, как вы выразились, предостаточно наших сторонников и соплеменников.

– А всадник на белом коне с золотыми шпорами? Такое сложно не заметить, что доказал лодочник Скъяви.

Джованни Баттиста Орсини вновь усмехнулся. Допрос определённо забавлял его. Либо он пытался своеобразным образом продемонстрировать свою искреннюю невинность, либо насмеялся, зная, что причастность его семьи к гибели герцога Гандийского не будет доказана.

– Ваши отчаянные попытки взвалить вину на Орсини схожи с утопающим, увязшем в болоте, – саркастично улыбнулся кардинал. – Чем больше движений вы совершаете, тем быстрее тонете. Золотые шпоры указывают лишь на принадлежность убийц к знатному сословию, а белых коней в Риме немало. Неужто вы станете допрашивать каждого горожанина, у которого есть белые кони, тратя попусту драгоценное время? Вы можете допрашивать меня целый день, но я повторю снова – вины Орсини в гибели вашего брата нет.

Разумеется, Чезаре не верил словам кардинала. Он считал, что Орсини наиболее вероятные кандидаты на убийц Хуана, имевшие более весомые мотивы, нежели прежние подозреваемые. Однако к величайшему неудовольствию Чезаре, он не мог доказать вины Орсини из-за отсутствия более точных улик, а те, что имелись, были лишь косвенными. Это мешало каким-либо образом доказать вину Орсини, который с такой лёгкостью, будто играючи, отмахнулся от всех, предъявленных ему и его семье, обвинений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.